

САНДРА БРАУН

#1 NEW YORK TIMES
BESTSELLING
AUTHOR

Влюбленные

Сандра Браун
Влюбленные

«ЭКСМО»

2013

Браун С.

Влюбленные / С. Браун — «Эксмо», 2013

Известный журналист Доусон Скот приезжает в Саванну на громкий процесс по делу об убийстве. Чтобы добыть как можно больше подробностей для статьи, он знакомится с вдовой убитого. Амелия очаровывает его с первого взгляда, но вспыхнувшим чувствам мешают многие обстоятельства – в том числе и связанные с рождением самого Доусона...

© Браун С., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	23
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	56
Глава 6	64
Глава 7	72
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Сандра Браун Влюбленные

Sandra Brown

Deadline

By arrangement with Maria Carvainis Agency, Inc. and Prava i Prevodi.

Translated from the English Deadline,

Copyright © 2013 by Sandra Brown Management, Ltd.

© Гришечкин В., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Пролог

1976 г.,

Голденбранч, Орегон

Первые выстрелы в окруженном доме раздались в шесть пятьдесят три утра по местному времени. Они стали ответом преступников на требование сложить оружие, выдвинутое сотрудниками правоохранительных органов.

Осеннее утро выдалось хмурым. Солнце вставало в густой дымке: его лучи едва пробивались сквозь не успевший рассеяться предутренний туман. Несмотря на это, один из преступников все же сумел поразить цель. Выпущенная им пуля попала в заместителя федерального маршала¹, которого все звали Турком.

Гэри Хедли познакомился с ним буквально накануне, когда специальная группа, состоявшая из агентов ФБР и АТФ², сотрудников Шерифской службы и Службы федеральных маршалов, собралась в полном составе, чтобы обсудить детали предстоящей операции. Все ее участники сидели вокруг большой карты округа Голденбранч и пытались оценить препятствия, с которыми завтра им предстоит столкнуться на местности. Хедли отчетливо помнил, как кто-то из Службы маршалов сказал: «Эй, Турок, ты ближе к автомату – принеси мне колы, пожалуйста».

Настоящее имя Турка Хедли узнал лишь много позже, когда оперативники подводили неутешительные итоги операции и подсчитывали потери. Бандитская пуля попала ему на лобную часть выше верхнего края бронезилов, перебив дыхательное горло и артерию. Турок упал, не издав ни звука; скорее всего, он умер еще до того, как его тело коснулось усыпанной листвою земли. Хедли был ближе к нему, чем остальные, но сделать ничего не мог – только помолиться. Высунуться из-за укрытия означало такую же быструю смерть, поскольку преступники стреляли из верхних окон дома в каждого, кто пытался двинуться с места.

«Рейнджеры истины» патронов не жалели. Как видно, в доме боеприпасов было столько, что хватило бы на небольшую войну. Так, во всяком случае, казалось тем, кто, выполняя свой служебный долг, оказался этим сырым и промозглым утром в Голденбранче, у заброшенного дома на лесной опушке. Увы, агенты правоохранительных служб оказались абсолютно не готовы к столь ожесточенному сопротивлению. Всего несколько минут прошло после смерти Турка, а выпущенные бандитами пули уже нашли другую цель. Рыжеватый двадцатичетырехлетний парень, помощник шерифа, оказался недостаточно проворен, а может, его позицию выдал легкий парок дыхания, поднявшийся над укрытием. Раздался залп из шести стволов, и шесть пуль пробили старую перевернутую тачку, за которой прятался помощник шерифа. Пять из них попали в парня, причем три ранения были смертельными.

Группа агентов намеревалась захватить «Рейнджеров» врасплох и арестовать за многочисленные преступления. Столкнуться с вооруженным сопротивлением никто не рассчитывал – когда правоохранители планировали свою операцию, им казалось, что это самый маловероятный вариант развития событий. Однако захватить преступников без стрельбы не удалось, а если судить по тому, с какой яростью они ответили огнем на требование сложить оружие и выходить с поднятыми руками, сдаваться «рейнджеры» не собирались.

Что было, в общем-то, понятно. Крови эти люди никогда не боялись, да и терять им было нечего: в случае ареста каждому из них грозило несколько пожизненных сроков или смертная

¹ Служба федеральных маршалов США – старейшее федеральное правоохранительное агентство страны. (Здесь и далее – примеч. пер.)

² АТФ – Бюро по контролю за соблюдением законов об алкогольных напитках, табачных изделиях, огнестрельном оружии и взрывчатых веществах.

казнь. В доме их было семеро – шестеро мужчин и одна женщина, которые совершили двенадцать убийств и причинили государству гигантский материальный ущерб, взрывая правительственные здания и военные объекты. Несмотря на то что название группы – «Рейнджеры истины» – носило некий религиозный оттенок, фанатиками или приверженцами той или иной религиозной секты эти люди никогда не были. К идейным анархистам их тоже можно было причислить лишь с большой натяжкой, хотя они и делали вид, будто ведут «борьбу» с существующим порядком. За последние два года группа «рейнджеров» стяжала широкую известность, став подлинным проклятием всех правоохранительных агентств страны.

В своей борьбе неизвестно за что эти кровавые убийцы были не одиноки. В стране существовало еще несколько подобных мелких групп. Но все доморощенные террористы были далеко не так эффективны, поэтому полиция и ФБР обезвреживали их банды одну за другой. Только «рейнджеры» долгое время оставались неуловимы. Дерзкие, жестокие, непредсказуемые, они пользовались в преступном мире немалым авторитетом и поддержкой. Для тех, кто не одобрял деятельность правительства или был не согласен с его внутренней и внешней политикой, они превратились в некое подобие современных «робингуудов». Эти-то недовольные, – а также те, кто когда-либо пострадал от властей, – и предоставляли «рейнджерам» убежища, снабжали оружием и взрывчаткой, а также сведениями, носившими служебный или секретный характер. Негласная поддержка позволяла анархистам наносить неожиданные и весьма эффективные удары по правительственным учреждениям, после чего они мгновенно исчезали. Конспирация у них была поставлена на высочайшем уровне, поэтому правоохранительным органам никак не удавалось выйти на их след. О «рейнджерах» вообще никто ничего не слышал, пока они не наносили очередной удар. В письмах, разосланных во все центральные газеты и телевизионные компании, анархисты бахвалились, что полиции и ФБР никогда их не взять, во всяком случае живыми.

Спецам действительно очень повезло, что они сумели обнаружить дом в Голденбранче, где скрывалась группировка. Началось с того, что ФБР установило наблюдение за неким нелегальным торговцем оружием, который, согласно агентурным данным, готовил крупную сделку. Никто не знал, что он уже давно поставляет боеприпасы и взрывчатку именно «рейнджерам», да и в этот раз его покупатель не был известен. В течение нескольких недель торговец трижды ездил в заброшенный дом в Голденбранче. С помощью телеобъектива сотрудникам наружного наблюдения удалось сделать несколько снимков, на которых он разговаривал с неизвестным, впоследствии идентифицированным как Карл Уингерт.

Карл Уингерт был главарем и идейным вдохновителем «рейнджеров».

Как только личность покупателя была установлена, ФБР, АТФ и Служба маршалов немедленно направили в Голденбранч своих агентов, которые организовали еще более пристальное наблюдение за торговцем. Сразу после возвращения из Голденбранча он был арестован.

Поначалу он отпирался, однако на четвертый день все-таки внял голосу разума (и советам адвоката) и рассказал все, что было ему известно о группе, обосновавшейся в заброшенном доме в Голденбранче. Известно ему, впрочем, было немного. Сам торговец встречался и разговаривал только с Карлом и не знал, – а может, не хотел говорить, – кто еще входит в боевую группу, сколько в ней сейчас человек и как долго «рейнджеры» намерены оставаться в Голденбранче.

Стало ясно, что действовать нужно без промедления, в противном случае террористы могли снова исчезнуть, и тогда ищи ветра в поле. Карл Уингерт давно занимал место в верхних строчках списков преступников, разыскиваемых ФБР, и его поимка считалась задачей приоритетной важности. Федеральные агенты запросили помощи у местных властей, которые давно получили ориентировки на поиск и арест членов группы Уингерта. В течение суток была создана оперативная группа и спланирована операция по задержанию «рейнджеров».

Но, как говорится, гладко было только на бумаге. Едва раздались выстрелы, агенты убедились, что «рейнджеры истины» намерены выполнить свое обещание и сдаваться живыми не собираются. Похоже, они твердо решили погибнуть, но остаться в истории как самая опасная и жестокая банда террористов. Впрочем, умирать они тоже не спешили! Оружия и патронов у них было достаточно, к тому же они занимали более выгодную тактическую позицию: прячась за толстыми бревенчатыми стенами, преступники вели из окон плотный огонь, который буквально пригвоздил агентов к земле. Оперативники прятались за своими машинами, за стволами деревьев, за полусгнившей поленницей и разбросанным перед домом древним сельскохозяйственным инвентарем, однако эти укрытия плохо защищали от выстрелов автоматических винтовок, к тому же «рейнджеры» оказались отменными стрелками. Любая попытка осаждавших здание выглянуть, чтобы оценить обстановку, вызывала новый шквал огня.

Ситуация сложилась патовая. Старший агент орегонского отделения ФБР Эмерсон запросил по рации вертолет, который мог обеспечить прикрытие с воздуха, однако из-за плохой погоды полицейские власти не спешили поднимать вертушку. По тревоге был поднят спецназ, но ему требовалось немало времени, чтобы добраться до Голденбранча: дороги в этой части штата – особенно после осенних дождей – были далеко не в идеальном состоянии. Оперативной группе оставалось только блокировать боевиков в доме и ждать, пока высокое начальство в теплых кабинетах примет то или иное решение. Агентам не разрешалось даже стрелять по боевикам – открывать огонь они могли только для самообороны или в случае, если «рейнджеры» решатся на прорыв.

– Начальство трясется как желе, потому что среди бандитов есть женщина, – мрачно сообщил Эмерсон, подползая к Хедли под прикрытием груды полусгнивших бревен. – И не дай Господь мы как-то нарушим гражданские права этих ублюдков! В этой стране у каждого убийцы есть гражданские права и свободы, и только у нас ни хрена нет – только свобода подыхать под пулями.

Хедли был новичком в команде, поэтому счел за благо промолчать.

– Мы – федералы, – продолжал Эмерсон, – а правительство начало терять авторитет у населения задолго до Уотергейта³. Нет, страна определенно катится к черту, если для того, чтобы уничтожить убийц, нам требуется разрешение какого-то чинуши-бюрократа!

В прошлом Эмерсон был военным; возможно, именно поэтому он предпочитал засаде решительные действия. Однако даже ему не хотелось устраивать в Голденбранче кровавую бойню, которая могла привести к гибели не только преступников, но и агентов. Двое уже погибли, и руководитель оперативной группы надеялся, что потери оперативников этим и ограничатся. Штурм имеющимися силами мог закончиться смертью многих, но и пассивное ожидание не было идеальным выходом. Преступники, особенно такие хитрые и изворотистые, как «рейнджеры», наверняка не собирались сидеть в доме, терпеливо дожидаясь, пока подойдет подкрепление. Им нужно было уходить, и как можно скорее, пока к дому не подтянулся спецназ на бронемашине, а в воздухе не появились полицейские вертолеты.

Не успел Хедли об этом подумать, как дом на опушке снова огрызнулся огнем из всех стволов. Агенты вжались в землю, но одному из сотрудников АТФ пуля все же попала в ногу, причем, если судить по обильному кровотечению, была задета бедренная артерия. Опасное ранение могло угрожать жизни агента, особенно если не оказать ему немедленную помощь, но добраться до истекающего кровью парня не было никакой возможности.

Эмерсон бессильно выругался.

³ Уотергейтский скандал – политический скандал в США 1972–1974 гг., закончившийся отставкой президента страны Ричарда Никсона. Единственный за историю США случай, когда президент прижизненно досрочно прекратил исполнение обязанностей.

– Так и будем лежать здесь, пока они не перебьют нас по одному, мать его гребни! – сказал он и снова что-то забубнил в рацию.

На этот раз Эмерсон получил разрешение отвечать огнем. По его команде агенты дали залп из автоматических винтовок и ручного пулемета. В течение пары минут они вели плотный огонь по окнам верхнего этажа, сумев отчасти подавить активность бандитов. Когда выстрелы из дома стали совсем редкими, Эмерсон приказал прекратить стрельбу. Никакого видимого результата их огневой натиск не дал, но за эти несколько минут раненый агент сумел наложить себе жгут и сделать перевязку, так что немного времени они выиграли. Теперь можно было подождать еще чуть-чуть.

Внезапно двери дома распахнулись, и оттуда с воплями выбежал какой-то мужчина. Он был с ног до головы покрыт кровью. В первые секунды агенты решили, что раненый бандит готов сдаться, однако это было не так. В каждой руке преступник сжимал по автомату. Отбежав от крыльца на несколько шагов, он принялся поливать укрытия агентов длинными очередями.

Это было намеренное самоубийство, и преступник не мог этого не понимать. Увы, причина, по которой он решил пожертвовать собой, стала ясна оперативникам намного позже.

Не дожидаясь команды, агенты открыли огонь по беснующемуся бандиту. Когда он упал и в ушах перестало звенеть от выстрелов, оперативники вдруг поняли, что из дома не доносится ни звука. Старый дом на опушке казался затихшим. Лишь расщепленный пулями ставень негромко поскрипывал на легком ветру.

Напряженная тишина длилась еще несколько минут, потом Эмерсон произнес:

– Я захожу. Прикройте.

С этими словами он слегка приподнялся, чтобы сменить магазин в автоматической винтовке. Хедли сделал то же самое.

– Я прикрою, – сказал он, и Эмерсон кивнул.

Остальные агенты остались на позициях, но взяли на прицел все окна. Пока Эмерсон и Хедли зигзагами бежали к крыльцу, из дома не раздалось ни единого выстрела. Но Хедли все равно было очень страшно. Обогнув распростертое на земле тело, они взбежали на крыльцо и, держа оружие наготове, прильнули к стенам по бокам от двери. Как они ни прислушивались, изнутри не доносилось ни звука. Несколько мгновений спустя Эмерсон рванул дверь и бросился в дом. Хедли – за ним. На первом этаже никого не было. Прикрывая друг друга, они двинулись по лестнице на второй этаж.

На втором этаже пол был скользким от крови, стены пестрели отметками от пуль, а воздухе остро пахло порохом. Возле окон лежали тела. Никто из бандитов не шевелился – все они были убиты огнем агентов.

– Чисто! – крикнул Эмерсон и, перешагнув через вытянувшееся на полу тело, заглянул в соседнюю комнату – небольшую спальню, где не было ничего, кроме пары старых матрасов на полу. В центре одного из матрасов темнело большое кровавое пятно.

Осмотр дома занял всего несколько минут. В доме было найдено четыре мертвых тела, пятый убитый бандит остался на лужайке перед домом. Оперативникам сразу бросилось в глаза, кого не хватает: главарь «рейнджеров» Карл Уингерт и его сожительница Флора Штиммель сумели сбежать, пока один из их подельников жертвовал собой, отвлекая на себя внимание агентов. Каким образом они выбрались из дома, тоже было ясно: отчетливо различимый кровавый след вел к задней двери дома и дальше в лес. Чтобы пройти по этому следу, не нужно было быть следопытом. В двухстах ярдах от дома кровавые пятна исчезали, а на влажной земле под листьями можно было различить отпечаток автомобильных колес. Двое оперативников сразу пошли по новому следу. Остальные бросились к своим машинам, торопясь продолжить погоню. Однако грунтовая лесная дорога очень скоро привела к узкой утоптанной тропинке, где следы терялись. Эмерсон сразу связался с начальством. Ему пообещали отправить на поиски полицейские патрули. И все же шансов, что местные копы сумеют обнаружить

машину беглецов, было мало. Беглецы вполне могли бросить транспорт и двинуться через лес пешком. В густых зарослях, да еще в тумане, который в лесу оставался довольно плотным, даже с вертолета обнаружить их было крайне трудно.

Тем временем к месту боя подъехали специальные и санитарные машины, и даже два броневика с полицейским спецназом. Следом появились неизбежные спутники крупных происшествий – фургоны теле- и радиожурналистов, которых, впрочем, остановили у съезда с главного шоссе мили за две от дома на опушке. Сам дом и прилегающую территорию оцепили, чтобы собрать улики, сделать фотографии, все тщательно измерить и зафиксировать – и вывезти тела. Агентам было совершенно очевидно, что все это делается не только затем, чтобы восстановить достоверную картину происшедшего. Ведь что ни говори, а операция закончилась провалом. Теперь высокому начальству нужно найти козла отпущения, на которого можно было бы свалить вину за гибель сотрудников и бегство главного подозреваемого и его любовницы.

Да, объясняться и оправдываться им предстояло еще долго. Не только перед вышестоящим руководством, но и перед предвзятой, склонной к скоропалительным суждениям публикой, которая, как выразился Эмерсон, «не прощает невиновных».

Очень скоро мрачный дом заполнился самыми разными людьми: криминалистами, экспертами и техническими специалистами, каждый из которых занимался своей работой. Хедли и еще несколько агентов переходили из комнаты в комнату и отвечали на многочисленные вопросы, докладывая коллегам о ходе боя в подробностях. В какой-то момент Хедли позвали в крошечную спальню на втором этаже, где работал коронер. Склонившись над окровавленным матрасом, он, казалось, тщательно принимает к пятну, которое при ближайшем рассмотрении выглядело так, словно на него вдобавок кто-то помочился.

– Что здесь произошло? – спросил Хедли. – Что это такое? Моча?..

– Лучше, сынок. Гораздо лучше. – Пожилой коронер кивнул. – Это очень похоже на околоплодные воды.

– Что-о?! – Хедли показалось, что он ослышался. – Уж не хотите ли вы сказать, что Флора Штиммель...

Коронер снова кивнул.

– Пока шел бой, она родила ребенка. – Оглядевшись по сторонам, он поднял с пола какую-то тряпку и добавил: – А вот и его первая пеленка...

Глава 1

Наши дни

– Послушай, что у тебя с волосами?

– Так-то ты приветствуешь человека, который недавно вернулся с войны? Гх-м-м... Я тоже рад тебя видеть, Хэрриет.

К своему новому начальству Доусон Скотт относился достаточно презрительно и не скрывал этого. Презрение сквозило в каждом его движении, когда он сначала опустился в кресло напротив стола Хэрриет, а потом небрежно развалился в нем, скрестив вытянутые вперед ноги и сложив руки на впалом животе. Окинув начальницу еще одним беглым взглядом, Доусон демонстративно зевнул, прекрасно зная, какое это произведет впечатление.

Он едва не переборщил. Хэрриет сорвала с носа очки в украшенной стразами оправе и швырнула на стол. Стол из красного дерева с широкой полированной столешницей, в которой отражалось лицо Хэрриет, был символом ее нового высокого статуса – большого начальника, которому Доусон обязан был подчиняться.

Но он не желал прогибаться, и это злило Хэрриет сильнее всего.

– Я видела солдат, которые возвращались из Афганистана, – сказала она холодно. – Но никто из них не выглядел как раздавленное кошачье дерьмо.

И Хэрриет неодобрительно покосилась на его трехдневную щетину и на отросшие светлые волосы, которые доставали почти до плеч и смотрелись на редкость неряшливо.

Доусон насмешливо улыбнулся и театральным жестом прижал руку к груди.

– От меня, видимо, требуется вернуть комплимент. Сказать, как ты замечательно выглядишь? Что ж, те десять фунтов, которые ты набрала за время моего отсутствия, тебе очень к лицу.

Хэрриет смерила его еще одним уничтожающим взглядом, но ничего не ответила. Доусон же спокойно крутил большими пальцами сложенных на животе рук и одновременно оглядывал ее просторный кабинет. На несколько мгновений его взгляд задержался на большом панорамном окне с живописным видом на городской парк. Из-за деревьев виднелся купол Капитолия, на вершине которого, если присмотреться, можно было различить государственный флаг Соединенных Штатов.

Снова воззрившись на Хэрриет, Доусон растянул губы в улыбке.

– Неплохой кабинетик.

– Спасибо.

– И кого ты отсюда вышвырнула?

Хэрриет вполголоса выругалась, но Доусона это нисколько не удивило. Он уже не слышал от нее подобные слова. Бывало, Хэрриет выкрикивала их во весь голос по время совещаний и редакторских «летучек», когда кто-то оказывался настолько неблагоприятен, что пытался ей возражать. По-видимому, заняв кресло большого босса, она старалась сдерживаться, и Доусон тут же решил сделать все возможное, чтобы вывести ее из себя.

– А-а, не нравится?.. – проговорила Хэрриет, возвращая на лицо улыбку самодовольного превосходства. – Ничего, Доусон, придется тебе смириться. Теперь я сверху!

Доусон притворно вздрогнул.

– Ты – *сверху*?.. – повторил он. – Какой кошмар!.. Нет, подобного я даже представлять не буду.

Она бросила на него еще один раздраженный взгляд. Однако, похоже, решила не лишать себя удовольствия и произнести-таки заранее заготовленную речь.

– Теперь я заведу редакцией, – сказала Хэрриет с усмешкой. – Я одна, понятно? Это означает, что только я уполномочена одобрять готовые материалы, вносить поправки, отвер-

гать представленные тобой идеи. Кроме того, я имею право давать тебе задания, если у тебя не будет собственных идей или они мне не понравятся... а мне почему-то кажется, что никаких свежих, перспективных идей у тебя в данный момент нет. Хотела бы я знать, чем ты занимался две недели с тех пор, как вернулся в Штаты. Пил?..

– У меня накопились отгулы, и я их использовал. Это было оговорено заранее и одобрено...

– ...Моим предшественником...

– ...Еще до того, как ты захватила его место!

– Я ничего не захватывала! – отрезала Хэрриет. – Я заработала это место, понятно? Заработала своим горбом!

Доусон слегка приподнял плечо.

– Как скажешь, Хэрриет.

Его безразличие было напускным. Недавняя перетряска редакционных кадров имела магнитуду не менее десяти баллов по шкале Рихтера и могла иметь очень серьезные последствия для его профессионального будущего. Еще в Афганистане Доусон получил мейл от одного из коллег, в котором тот сообщал о происшедших переменах. Электронное послание пришло задолго до того, как Доусон получил официальную рассылку, адресованную всем сотрудникам журнала. Содержание письма оказалось настолько тревожным, что дурные вести не могло смягчить даже расстояние, отделявшее Вашингтон от Кабула. Самым скверным было то, что кто-то из руководителей издательства, – возможно, чей-то племянник, не имевший никакого понятия о том, как издавать журнал новостей (как, впрочем, и о самих новостях), – назвал Хэрриет Пламмер самой подходящей кандидатурой на должность главного редактора. Дальнейшее было делом техники! Бюрократический аппарат заработал, и вскоре пожелание высшего руководства было выполнено.

На самом деле, другого такого же столь неподходящего человека для этой должности невозможно было и сыскать! Основная проблема заключалась в том, что Хэрриет была в гораздо большей степени корпоративным администратором, управленцем, нежели журналистом. Главной своей задачей на этом посту она считала любой ценой оградить издание от возможных судебных исков, которые могла вызвать излишне острая или проблемная статья. А это означало, что самые интересные материалы будут либо выхолащиваться до полной безобидности, либо вовсе сниматься с публикации и отправляться в корзину. С точки зрения Доусона, это могло ввергнуть журнал «Лицом к новостям» в крутое пике («лицом в дерьмо», как он выразился). Но его мнения никто не спрашивал.

Кроме того, Хэрриет была типичной стервой, напрочь лишенной лидерских качеств и задатков руководителя. Она презирала людей (в особенности мужчин), а наибольшую антипатию по иронии судьбы вызывал у нее именно Доусон Скотт. Сам Доусон подозревал, что в данном случае за причинами далеко ходить не нужно. Хэрриет элементарно завидовала его журналистскому таланту и тому уважению, которое его способности снискали среди коллег как в «Новостях», так и во всем профессиональном журналистском сообществе.

В тот день, когда Хэрриет стала главным редактором, причины ее враждебности потеряли всякое значение. Главное, антипатия никуда не исчезла, возможно, даже сделалась сильнее. И это было очень, очень плохо. Ничего хуже этого Доусон и представить себе не мог.

Во всяком случае, так ему казалось.

– Я намерена послать тебя в Айдахо, – сообщила Хэрриет.

– Зачем?

– Подготовишь материал о слепых воздухоплавателях.

– О ком о ком? – переспросил Доусон удивленно. Уж не ослышался ли он?

Прежде чем ответить, Хэрриет бросила ему через стол тоненькую папку.

– Наши молодые сотрудники уже сделали важную часть работы за тебя – нашли тему. С подробностями, которые они успели собрать, ты можешь познакомиться в самолете.

– Но хотя бы намекни, с чем мне придется иметь дело.

– Некие граждане, занимающие активную жизненную позицию, решили, что слепые люди тоже имеют право летать. Они нашли спонсоров, закупили все необходимое и стали катать слепых на воздушных шарах, наполненных горячим воздухом или каким-то газом, и... Нет, я вовсе не хочу сказать, что слепым разрешают управлять воздушными шарами после того, как они оторвутся от земли, однако... В общем, материал может получиться довольно интересным и занимательным. Можешь даже притвориться слепым, если сумеешь.

Последние слова Хэрриет только по форме напоминали шутку, на деле же в них звучало столько презрения, что Доусону стоило огромного труда сохранить невозмутимое выражение лица.

– Это и есть твои важные новости? – лениво протянул он, не делая ни малейшей попытки взять папку со стола.

Хэрриет лукаво улыбнулась. Точнее – попыталась улыбнуться, но у нее ничего не получилось.

– Для незрячих и слабовидящих людей это действительно важно, – ответила она с вызовом. Так что Доусону захотелось перепрыгнуть через стол и схватить ее за горло обеими руками, но он подавил желание. Мысленно досчитав до десяти, он отвернулся и снова взглянул за окно, где яркое полуденное солнце заливало своим светом широкие улицы и авеню Вашингтона.

– Слепые, насколько я знаю, не читают наш журнал, – заметил он. – Ты действительно уверена, что незрячие... э-э-э... пилоты стоят того, чтобы мы рассказали о них всей стране?

– Все будет зависеть от того, как и под каким углом будет подана информация. Тем более что в последние десятилетия в нашей стране людям с ограниченными возможностями уделяется повышенное внимание. В любом случае это достойный материал! Почему-то я не слышу в твоём голосе ни малейшего энтузиазма. В чем дело, Доусон?

– Все предельно просто, Хэрриет. Эта тема не для меня.

– Ты хочешь сказать – она тебе не по плечу?

Перчатка – пусть и невидимая – была брошена на самую середину сверкающего полировкой стола, и Доусон это отлично понимал.

– Я хочу сказать – я не пишу о подобных вещах. Святочные рассказы не мой конек, как ты отлично знаешь. Кроме того, обычно я сам нахожу, о чем мне писать.

– Так *найди!* – Хэрриет сложила руки на груди. – Дай мне наконец увидеть, как действует гений горячего репортажа, о котором мне все уши прожужжали! Я хочу своими глазами наблюдать работу великого журналиста, которого все хорошо знают и любят и которого превозносят до небес за свежесть взгляда, умение найти неожиданный ракурс и обнажить перед читателями всю подноготную сложной проблемы! – Она выдержала крохотную паузу. – Ну так что, Доусон?.. Будешь писать про слепых воздухоплателей?

Из последних сил сохраняя невозмутимый вид, Доусон отрицательно покачал головой.

– Я использовал не все отгулы, – сказал он. – У меня есть еще по меньшей мере неделя.

– Ты и так отдыхал почти полмесяца!

– Мне этого мало.

– Почему?

– Потому что я вернулся из страны, где идет война.

– Тебя никто не заставлял торчать там... столько времени. Ты мог бы вернуться в любой момент.

Доусон усмехнулся одними губами:

– Не мог. Там было *слишком много* острых тем, о которых мне хотелось бы написать.

– Слушай, Доусон, кого ты пытаешься обмануть? – фыркнула Хэрриет. – Если тебе, как большинству мужчин, нравится щеголять в военной форме и играть в войнушку, что ж – времени у тебя было достаточно. Ты проторчал в Афганистане почти девять месяцев, причем за счет журнала, и... В общем, если бы две недели назад ты не вернулся сам, мне, как главному редактору, пришлось бы употребить власть, чтобы отозвать тебя оттуда.

– Полегче на поворотах, Хэрриет. Иначе я могу подумать, будто ты мне завидуешь.

– Завидую? Чему именно?

– Ни один из твоих материалов никогда не входил в шорт-лист Пулитцеровской премии⁴.

– Ну, о том, что твои статьи номинированы на премию, мы знаем только с твоих слов. Допускаю, что это были просто слухи... которые ты сам же и распустил. Как бы то ни было, премию ты пока не получил, а раз так... В общем, иди работай. Я и так потратила на тебя слишком много времени, а у меня еще полно дел. Впрочем... – Она слегка приподняла тщательно подведенную бровь. – ...Если Мистер Гений Журналистики желает сдать ключи от редакционной раздевалки, уговаривать не буду. Вольному воля! Бухгалтерия у нас работает каждый день, так что выходное пособие ты можешь получить уже сегодня, в крайнем случае – завтра. Что скажешь?

Она выждала несколько секунд, дожидаясь его ответа, потом покачала головой.

– Не хочешь?.. Так я и думала. В таком случае потрудись получить билеты на завтрашний самолет до Бойсе. Твое место 16-А. – Хэрриет швырнула на стол авиабилет. – Ты летишь рейсом региональной авиакомпании.

* * *

Доусон остановил машину перед аккуратным многоквартирным домом в Джорджтауне⁵ и заглушил двигатель. Привстав с сиденья, он достал из заднего кармана джинсов небольшой флакончик с лекарством, вытряхнул на ладонь небольшую бледно-зеленую таблетку и отправил в рот, запив водой из пластиковой бутылки. Спрятав флакон обратно в карман, Доусон внимательно исследовал свое отражение в зеркале заднего вида.

Хэрриет не преувеличила – он действительно был похож на кошачье дерьмо.

Причем кошка была явно тяжело больна.

Увы, с этим Доусон ничего поделать не мог. Он как раз перебирал скопившуюся на столе почту, когда ему пришла эсэмэска от Хедли: «Приезжай. Немедленно».

В отношениях с Доусоном Хедли обычно избегал командного тона, следовательно, случилось что-то важное.

Бросив недоразобранную почту на столе, Доусон прыгнул в машину – и вот он на месте.

Выбравшись из машины, он двинулся по кирпичной дорожке, проложенной между цветочными клумбами. Дверь ему открыла Ева Хедли.

– Привет, красотка.

Шагнув через порог, Доусон крепко ее обнял.

Когда-то Ева Хедли действительно была обладательницей титула «Мисс Северная Каролина». И теперь, много лет спустя, она сохраняла значительную часть былой красоты. Ей уже перевалило за шестьдесят, а Ева по-прежнему была стройной, подтянутой. На ее лице почти

⁴ Пулитцеровская премия – награда, учрежденная известным редактором и издателем Дж. Пулитцером «в целях содействия идеалам общественного служения, совершенствования общественной морали, развития американской литературы и прогресса в образовании». Ежегодно присуждается восемь премий в области журналистики (включая карикатуры и газетные фотографии), шесть в области литературы различных жанров и одна в области музыки. Премия считается одной из самых престижных в указанных областях.

⁵ Джорджтаун – престижный район г. Вашингтона.

не было заметно морщин, но главное – ее ум оставался все таким же острым, а врожденное очарование, приправленное несколько суховатым чувством юмора, стало еще сильнее.

Обняв Доусона в ответ, Ева отступила в сторону, пропуская его в прихожую.

– Не смей называть меня красоткой! – ворчала она, и Доусон слегка улыбнулся ее по-каролински картавому «р», благодаря которому даже самые резкие ее слова звучали достаточно мягко. – И вообще, я очень на тебя сердита. Ты вернулся в Штаты уже две недели назад, но за все время ни разу нас не навестил! Да и сегодня приехал только потому, что тебе звонил Гэри. В чем дело, Доусон?!

Она отступила еще на полшага и окинула его критическим взглядом.

– Господи, какой же ты худой! Тебя там что, не кормили?

– Да уж! Такой тушеной баранины по-брансуикски, какую готовишь ты, мне там точно не подавали, – усмехнулся Доусон. – И о банановых пудингах в тех краях тоже не слышали.

– Проходи, что встал... – Ева махнула рукой в сторону коридора и делано вздохнула. – Теперь я точно знаю, чего мне не хватало все девять месяцев, что ты торчал на другом конце земного шара.

– Чего же?

– Твоего трепя.

Доусон ухмыльнулся и, заключив ее лицо в ладони, нежно поцеловал в лоб.

– Я тоже по тебе скучал. – Выпустив ее, он кивнул в направлении гостиной и добавил, понизив голос до конфиденциального шепота: – Ну как он? Уже смирился или..?

– Нет, конечно! – так же шепотом ответила Ева. – Напротив, он...

– Можете не шептаться! – донесся из гостиной звучный мужской баритон. – Я все отлично слышу!

– Берегись!.. – проговорила Ева одними губами, и Доусон, подмигнув в ответ, прошел по коридору к дверям гостиной, где его уже ждал Гэри Хедли.

Едва войдя в знакомую комнату, Доусон испытал острый приступ ностальгии. Гостиная была полна воспоминаний. По этому старому паркету он когда-то катал свои маленькие машинки, а мать то и дело твердила не разбрасывать их и не оставлять где попало, чтобы кто-нибудь нечаянно на них не наступил. А вот за тем столиком в углу его отец и Хедли терпеливо обучали маленького Доусона древней мудрой игре в шахматы. А вот на этом диване Ева объясняла ему, как обратить на себя внимание девочки, в которую он впервые влюбился в шестом классе.

Впервые после возвращения из Афганистана Доусон почувствовал себя дома.

Супруги Хедли были его крестными, и к своим обязанностям они относились очень серьезно. Оба принимали самое деятельное участие в воспитании Доусона с того самого дня, когда его еще младенцем крестили в одной из городских церквей. Они всегда были готовы позаботиться о нем, если возникнет такая необходимость. Сам Доусон всегда относился к своим крестным отцу и матери очень тепло и любил их ничуть не меньше, чем своих настоящих родителей.

Он уже учился в колледже, когда его отец и мать погибли в автомобильной катастрофе. И хотя тогда он был уже почти взрослым, близкие отношения с супругами Хедли приобрели для него особое значение.

Это были его единственные, самые дорогие и родные люди на свете.

Разглядывая Доусона, Хедли неодобрительно нахмурился, как сделал бы на его месте настоящий отец, наконец-то дождавшийся своего непутевого сына. Гэри Хедли был намного ниже Доусона, который еще в школе дорос до шести футов и четырех дюймов⁶, однако он всегда излучал такую силу и такую уверенность в себе, что разница в росте почти не бросалась в глаза.

⁶ Приблизительно 1 м 84 см.

Сейчас Гэри было шестьдесят пять, но он до сих пор сохранил густые темные волосы, которые лишь на висках были чуть тронуты сединой. Ежедневная трехмильная пробежка, занятия в тренажерном зале и правильная диета, за соблюдением которой строго следила Ева, помогали ему поддерживать отличную физическую форму, которой могли бы позавидовать многие его ровесники.

– Судя по твоему виду, тебе здорово досталось, – изрек наконец Хедли, качая головой. – Как сейчас говорят «по полной программе».

– Можно сказать и так, – согласился Доусон. – Ты же знаешь, мы с Хэрриет никогда особенно не ладили, но сегодняшняя стычка получилась особенно неприятной. Она ведь теперь мой начальник.

– Я, собственно, имел в виду твою поездку в Афганистан, – сказал Хедли, когда Доусон опустился в предложенное кресло.

– Да, там действительно бывало нелегко! Но по сравнению с Хэрриет даже талибы могут показаться ангелами.

– Выпьешь?

Доусону очень хотелось выпить, да что там выпить – он бы отдал многое, чтобы напиться и ничего не помнить, но не мог же он сказать такое своему крестному! Разыгрывая нерешительность, Доусон бросил взгляд на часы:

– Мне кажется, для выпивки еще рановато...

– Где-нибудь на земном шаре уже наверняка наступило пять часов, – возразил Гэри. – Кроме того, у нас особый случай. Нужно же отметить возвращение блудного сына. Вот и треснем по рюмашке, пока Ева готовит упитанного тельца...

В его интонациях Доусону послышался упрек, и он отвел глаза.

– Извини, что не добрался до вас раньше, но... Мне нужно было многое доделать, привести в порядок мои записи и... и я еще не закончил. По правде говоря, я только-только начал. Конца этому не видно! Тем не менее мне показалось, что у тебя какое-то срочное дело. Вот я сразу и примчался. Что случилось?

– Срочное дело?... Можно сказать и так. – Поднявшись, Хедли заглянул во встроенный бар, налил два бокала бурбона⁷ и протянул один Доусону. Отсалютовав ему своим бокалом, Хедли сделал глоток.

– В последнее время я стал больше пить, – заметил он.

– Тебе это полезно.

– Для снятия стресса?

– Говорят, алкоголь действительно помогает.

– Ну, может быть... – с сомнением кивнул Хедли. – По крайней мере теперь я живу и знаю, что каждый день меня ждет маленькая радость. А то и две, если Евы нет поблизости...

– Думаю, у тебя хватает радостей и без виски.

– Ждать старости и смерти – в этом счастья мало.

– Знаешь, пожалуй, будет лучше, если Ева не услышит, как ты говоришь подобные вещи. Хедли пробормотал себе под нос что-то неразборчивое и сделал еще один глоток.

– Напрасно ты относишься ко всему этому так... негативно. Ты просто еще не привык – ведь прошло, наверное, не больше месяца с тех пор, как ты узнал о...

– Двадцать пять дней, – уточнил Хедли.

– Тем более. – Доусон сделал из бокала деликатный глоток, хотя больше всего на свете ему хотелось выпить свою порцию залпом и потребовать еще одну.

– Довольно трудно вдруг оказаться не у дел после того как... Ведь я проработал в Бюро всю свою сознательную жизнь!

⁷ Бурбон – кукурузный или пшеничный виски.

Доусон сочувственно кивнул, прислушиваясь к тому, как выпитый бурбон согревает тело, успокаивает нервы, приводит в порядок мысли. Он уже заметил, что алкоголь действует на него лучше и быстрее, чем лекарства: свою таблетку Доусон принял уже минут десять назад, но до сих пор не чувствовал никакого эффекта. А вот виски подействовал сразу.

– Но ведь твоя отставка пока остается неофициальной, – заметил Доусон. – Так что формально ты все еще на службе, не так ли?

– Формально – да, а фактически... Впрочем, какая разница? Через месяц я официально превращусь в пенсионера-бездельника.

– Через месяц? Ты накопил столько отгулов и сверхурочных?

– Да. Но говорю тебе как на духу: я готов работать вообще без выходных, лишь бы остаться на службе как можно дольше.

– В таком случае могу посоветовать только одно: используй этот месяц, чтобы подготовиться к переходу от сложной, изматывающей работы к давно заслуженному отдыху.

– К отдыху, как же!.. – фыркнул Хедли. – Как только меня вытурят на пенсию официально, мы с Евой отправляемся в двухнедельный круиз на Аляску. Она даже билеты уже купила, зарезервировала номера в гостиницах и все такое...

– На мой взгляд, звучит неплохо. А разве ты имеешь что-то против круиза? Или против Аляски?..

– Ты хоть знаешь, что такое Аляска зимой? Мороз, снег, из отеля носа не высунешь... Не-ет, уж лучше пусть мне вырвут ногти пассатижами!

– Да брось! Не может быть, чтобы это было так страшно!

– Тебе легко говорить, ведь не ты туда поедешь, а я... Понимаешь, – доверительным тоном добавил Хедли, – Ева велела мне сходить к врачу и попросить у него выписать мне рецепт на «Виагру». На все две недели!

– Гм-м... Уж не хочет ли она, чтобы ты компенсировал ей все те одинокие, пустые ночи, когда ты торчал на работе вместо того, чтобы возвращаться домой?

– Что-то вроде того.

– Ну и что тут такого? Конечно, тебе придется потрудиться, но я уверен – вы оба останетесь довольны.

– Спасибо за сочувствие. – Хедли снова отсалютовал ему бокалом, глотнул бурбона и спросил: – А что у тебя произошло с этой твоей Драконшей? Ну, с Хэрриет?..

Доусон рассказал о разговоре с редакторшей и о репортаже, который та велела ему написать.

– Слепые воздухоплаватели? – переспросил Хедли, и Доусон пожал плечами.

– Так-так... – Откинувшись на спинку кресла, Хедли долго и внимательно рассматривал крестника, так что тот в конце концов почувствовал себя неловко под его взглядом.

– В чем дело? – не выдержал он наконец. – Тоже хочешь сказать, мол – оброс как папуас, да?

– Мне абсолютно безразлично, что у тебя *на* голове, – хладнокровно парировал Хедли. – Куда больше меня заботит, что творится внутри ее. Что с тобой происходит, сынок?

– Ничего.

Хедли только бросил на него еще один взгляд. Он ждал ответа – *честного* ответа, и Доусон, порывисто вскочив, отошел к окну. Подняв жалюзи, он долго рассматривал ухоженную лужайку перед домом.

– Я возвращался через Лондон и разговаривал с Сарой... – проговорил он после довольно продолжительного молчания.

Дочь Гэри и Евы Сара была на несколько лет старше Доусона, однако когда он был маленьким, его родители и супруги Хедли так часто встречались и проводили вместе так много времени, что для него она стала почти как сестра. Они дружили и заботились друг о друге до

тех пор, пока Сара не вышла замуж и не уехала в Лондон, где ее супруг работал в крупном международном банке.

– Вот именно – *разговаривал*. Сара сказала, что в Лондоне ты не задержался. Даже не повиделся с ней и Джеймсом!

– В Лондоне я был проездом, сделал одну пересадку. Расписание авиарейсов не позволяло мне...

Хедли громко фыркнул. Судя по всему, этот предлог не казался ему достаточно веским, чтобы пренебречь встречей с родственниками. Доусон и сам понимал, что предлог так себе, но ничего другого он сейчас просто не смог выдумать.

– Отличные бегонии, – сказал он, снова уставившись за окно. – Это Ева выращивает?

– Да, но особого ухода они, к счастью, не требуют. Здесь довольно подходящий климат для бальзаминовых.

– Ого! Ты уже и в цветах разбираешься?!

– Послушай, я задал тебе вопрос, – перебил Хедли. – Что с тобой происходит? Только не говори «ничего».

– Да нет, со мной правда все в порядке.

– Врешь. Вчера я смотрел по ящику какое-то кино про зомби. Так вот, ты мог бы сниматься в нем даже без грима.

Доусон вздохнул. Он всегда знал, что его крестный – человек упорный и настойчивый и сбить его со следа ему вряд ли удастся. Не оборачиваясь, он прислонился плечом к оконной раме.

– Я просто устал, только и всего. Девять месяцев в Афганистане кого угодно доведут до инфаркта. Враждебное население, адский климат, ядовитые насекомые и змеи, да и виски не достать ни за какие деньги. Кроме того, там почти нет женщин – только наши военнослужащие, а с ними лучше вообще не связываться, себе дороже выйдет. В наших частях очень жесткие дисциплинарные требования, поэтому любая интрижка чревата серьезными осложнениями для обоих партнеров, – пояснил он. – Тут десять раз подумаешь, а стоит ли оно того.

– Ты вернулся в Штаты две недели назад. По-моему, этого достаточно, чтобы найти женщину.

– Проститутки мне ни к чему. – Доусон опустил жалюзи и с улыбкой повернулся к Хедли. – Что касается приличных девчонок, то последняя из них вышла замуж за тебя.

Он пытался шутить, но морщины на лбу Хедли стали глубже. Поняв, что притворяться бессмысленно, Доусон погасил улыбку и, вернувшись в кресло, уставился на какую-то щербинку в полу.

– Мучают кошмары? – спросил Хедли напрямик.

– Сейчас уже лучше, – уклончиво ответил Доусон.

– Иными словами – все эти две недели ты почти не спал.

Доусон вскинул голову.

– Сейчас мне лучше, – раздраженно повторил он. – Непросто, знаешь ли, вот так, сразу, вернуться к мирной жизни, к обычным делам, привычкам.

– О'кей, предположим. Что еще?

Доусон отбросил назад упавшие на лицо волосы.

– Хэрриет! Та еще заноза в заднице! Она способна здорово осложнить мне жизнь.

– Только если ты ей позволишь.

– Но она посылает меня в Айдахо! В Айдахо, представляешь?!

– Что ты имеешь против Айдахо?

– Ничего. Равно как и против слепых. И против кипучей деятельности тех, кто любит летать на воздушных шарах, я тоже по большому счету ничего не имею, просто... просто это

не моя тема. Я не пишу и никогда не писал о событиях такого масштаба. Неудивительно, что редакционное задание не вызывает у меня энтузиазма.

– Думаешь, тебе удастся нарыть что-нибудь получше?

Хедли задал этот вопрос небрежным тоном, но за ним явно что-то скрывалось – что-то вполне конкретное и достаточно важное. И интересное. Такое, что могло бы заинтересовать Доусона. Несмотря на подавленное настроение, репортер непроизвольно сделал стойку. Хедли был ему не только крестным отцом, но и близким другом и на протяжении многих лет служил для Доусона поистине бесценным источником информации о деятельности Федерального бюро расследований.

Правильно истолковав молчание Доусона, Хедли продолжил:

– Есть одно любопытное местечко... Город Саванна в Джорджии. До недавнего времени там проживал отставной капитан морской пехоты Джереми Вессон, отслуживший один срок в Ираке и два – в Афганистане. Герой-ветеран, награжденный кучей медалей и орденов. После службы в Афганистане он вышел в отставку и, похоже, слетел с катушек. Примерно пятнадцать месяцев назад этот парень завел бурный роман с замужней женщиной Дарлен Стронг. Для любовников дело закончилось скверно – обманутый муж Уиллард Стронг застукал обоих, что называется, с поличным. Послезавтра он предстанет перед судом округа Чатем по обвинению в двойном убийстве. Я хочу, чтобы ты отправился на процесс и как можно подробнее вник в суть дела. Что?.. – спросил он, увидев, что Доусон качает головой.

– Нет.

– Почему?

– В Саванне сейчас лето.

– Какое лето, опомнись! Сентябрь на дворе!

– Саванна расположена намного южнее Вашингтона. Там сейчас жарко, душно и влажно, а я отвык от такого климата. Уж лучше я поеду в Айдахо. Уголовщина – не моя специальность, к тому же этот парень, Вессон, был военным, афганским ветераном, а я сыт войной по горло. Я просто не хочу писать о мертвом морпехе – в последнее время мне слишком часто приходилось сталкиваться со смертями. Знаешь... – задумчиво добавил Доусон, – быть может, на самом деле задание, которое дала мне Хэрриет, это именно то, что мне сейчас нужно. История о слепых воздухоплателях, она... насквозь позитивна. Она дарит надежду, бодрит, вселяет оптимизм и веру в победу человеческого духа. Никаких тебе оторванных конечностей! Никакого пропитанного кровью камуфляжа! Никаких укрытых национальным флагом цинковых гробиков с трупами наших славных парней!..

– Я еще не сказал тебе главного.

– Ну так говори же, и покончим с этим, – мрачно заметил Доусон. – Только имей в виду: скорее всего, я все равно откажусь.

– В ходе расследования полиция нашла на одежде Дарлен следы спермы Вессона. Это, разумеется, поможет прокурору выстроить дело против рогоносца Уилларда, но фишка в другом...

– В чем же?

– Наш агент-резидент в Саванне – мой старый друг, когда-то мы с ним даже болели за одну бейсбольную команду. Звать его Сесил Кнуц.

– Агент-резидент?

– Да, есть у нас такая должность. Иными словами, Сесил – большой начальник в Управлении ФБР штата.

– И что?

– Сесил получил отчет из Объединенной системы данных ДНК. Они исследовали сперму Вессона, и выяснилось, что такой образец уже имеется в базах.

– Ты хочешь сказать, что Вессон уже был зарегистрирован в системе?

– Вот именно. Причем довольно давно.

Хедли сделал паузу, чтобы допить оставшийся в бокале виски. Доусону, впрочем, было ясно, что старый друг просто пытается таким незамысловатым способом подогреть его интерес. Он коротко кивнул и сказал:

– Ладно, ты меня заинтриговал. Давай выкладывай, что там у тебя.

Хедли отставил в сторону опустевший бокал и слегка подался вперед.

– Образец ДНК капитана морской пехоты Джереми Вессона совпал с образцами, полученными нашими экспертами при исследовании пеленки, которую мы много лет назад нашли в Голденбранче – в той самой комнате, где Флора Штиммель родила своего ребенка.

При этих словах Доусон невольно вздрогнул. Он был не просто заинтригован: сейчас его лицо выражало крайнюю заинтересованность и тревогу.

– Прежде чем ты задашь свой вопрос, – сказал Хедли, внимательно наблюдавший за выражением лица крестника, – я скажу только одно: ошибка исключена. Ее вероятность не больше одной сотой... нет, даже одной тысячной процента. Никаких сомнений быть не может! Образец, полученный нами в семьдесят шестом, и аналогичная проба капитана морской пехоты Вессона идентичны. Кстати, образец ДНК Флоры нам тоже удалось выделить из образцов крови и околоплодных вод. Так что мы можем с уверенностью утверждать: ребенок, биологический материал которого остался на пеленке, ее сын. И этот ребенок, видимо, Джереми Вессон... Кстати, его возраст не противоречит подобному выводу. Лично я на сто процентов уверен, что он – сын Карла и Флоры.

Доусон сам не заметил, как поднялся и отошел к камину. Там он остановился и обернулся к Хедли.

– Я... я хорошо понимаю, какое значение все это имеет для тебя, – проговорил он. – Но...

За годы службы в ФБР Гэри Хедли сделал блестящую карьеру. Многие ему завидовали. Сам он, однако, был далек от того, чтобы почивать на лаврах. Ему так и не удалось выследить и арестовать Карла Уингерта и Флору Штиммель, и эта единственная его неудача до сих пор отравляла ему жизнь. Пока эти убийцы оставались на свободе, Хедли не мог считать свой долг исполненным до конца. Именно по этой причине он не стремился на покой, однако его фактически уже состоявшаяся отставка означала, что ему придется прекратить охоту, которой он отдал столько сил. Доусон отлично это понимал и сочувствовал крестному. Ничего подобного он не заслуживал. Но как исправить положение? Доусон не знал и поэтому злился.

– Почему этот Кнуц вообще счел нужным ввести тебя в курс дела? – резко спросил он.

– Он знает, сколько лет я ловлю этого мерзавца и его сожительницу, – ответил Хедли. – Мы с ним вместе работали в Теннесси в конце восьмидесятых, когда я расследовал одно из преступлений этой кошмарной парочки. Тогда-то я и сказал ему, что у меня с этими типами личные счеты. И вот теперь Кнуц сообщил мне последние новости... Впрочем, ему уже известно о моей отставке, так что с его стороны это скорее любезность по отношению к другу и без двух недель *бывшему* коллеге... Именно поэтому, кстати, Кнуц постарался не сообщить мне ничего лишнего – никаких подробностей. Он, впрочем, намекнул, что очень тщательно исследовал прошлое этого Вессона, пытаясь найти хоть что-то, что связывало бы его с Карлом и Флорой.

– Ну и как? – Доусон вопросительно приподнял бровь. – Твой старый приятель что-нибудь нащупал?

– Ничего. Ровным счетом ничего. – Хедли покачал головой. – Копия свидетельства о рождении, которую Джереми представил, когда завербовался на военную службу, была выдана в Огайо. Судя по этой бумажке, он появился на свет в семье мистера и миссис Вессон, которые растили и воспитывали своего единственного ребенка вплоть до совершеннолетия. Школу он закончил в своем родном городке в Огайо, затем прослушал курс в Техасском технологическом и, наконец, завербовался в морскую пехоту. Обычная история. Ничего примечательного, если не считать бурного романа с женой Уилларда Стронга.

– То есть он никогда не проявлял никаких склонностей к экстремизму или терроризму? – удивился Доусон.

– Никаких, насколько нам известно.

– А что говорит по этому поводу Кнуц?

– Он посоветовал мне оставить все как есть. Так сказать, не ворошить старые угли. У ФБР сейчас и без того хватает забот... ну а если честно, то судьба Карла и Флоры уже давно никого не волнует. Считается, что они, по всей вероятности, умерли. Последнее преступление, которое по некоторым косвенным признакам было совершено шайкой Уингерта, произошло аж в девяносто шестом... Я имею в виду ограбление военных складов в Нью-Мексико.

– Да-а, семнадцать лет назад... – протянул Доусон. – За это время многое могло случиться.

– Но это вовсе не означает, что оба *действительно* умерли.

– Но, насколько я понял, никакие улики и никакие указания на то, что они живы и продолжают совершать преступления, не попадались тебе уже почти два десятка лет. А раз так, не логичнее было бы предположить, что Карл и Флора скончались?

– К черту предположения! Я должен *знать*! Понимаешь? Знать наверняка! Только тогда я смогу вздохнуть спокойно.

– Допустим, они состарились и отошли от дел. Какая тебе, в конце концов, разница, живы они или умерли?

– Большая! – отрезал Хедли, бросая на своего воспитанника мрачный взгляд.

– О'кей, я понимаю. – Доусон кивнул. – Но этот капитан-ветеран, который, вероятно, был их сыном...

– Никаких «вероятно», – перебил Хедли. – Я знаю, что был.

– Откуда ты можешь это знать?

– Анализ ДНК не врет.

– Но вдруг эксперты ошиблись?..

– Теоретически такое возможно, но практически... – Хедли покачал головой. – Нет, я уверен, что все так и есть.

– Ладно, пусть это их сын...

– Разве тебе не интересно, где он жил после Голденбранча? Что с ним произошло и как он оказался в Огайо?

– Абсолютно неинтересно.

– Почему-то я тебе не верю.

– А напрасно. Какой смысл рыться в его биографии, если, как ты говоришь, мистер Стронг прикончил этого героического морпеха после того, как застукал его со своей женой?

– А мне кажется, что ты не прочь разобраться в этой истории.

– Вот и нет.

– Тогда сделай это для меня.

– Но ведь он же мертв! – воскликнул Доусон. – Мертв, понимаешь?! На этом ниточка обрывается. Так называемая история закончилась.

– Если ты раскопаешь все подробности его жизни, статья может стать самой сенсационной в твоей карьере.

– Как история Карла и Флоры – в твоей?!

Внезапно оба осознали, что почти кричат. Хедли даже бросил настороженный взгляд в сторону двери, опасаясь, что Ева захочет выяснить из-за чего сыр-бор. Доусон подумал о том же, поскольку добавил потише:

– Почему бы тебе самому не отправиться в Саванну? Там ты и узнаешь все подробности, которые так тебя волнуют.

– Потому что, если это сделаю я, Ева со мной разведется, – проворчал Хедли. – Кроме того, я фактически уже *бывший* фэбээровец. И если появлюсь в суде, то... Буду выглядеть просто жалко, понимаешь? Как полоумный старик, который свихнулся на своей работе и не понимает, что его время давно вышло.

Доусон пригладил рукой волосы и прерывисто вздохнул. Он искренне и глубоко любил крестного и прекрасно знал, насколько важна для него эта история. Хедли хотел поставить в этом деле точку – только так он мог успокоить свои совесть и профессиональное самолюбие, которое, конечно же, было сильно уязвлено тем, что Карл и Флора столько времени оставались неуловимыми, несмотря на все предпринятые им усилия. И все же Хедли просит слишком многого. Командировка в Афганистан далась Доусону слишком тяжело, ввергла его в глубокую депрессию, которая никак не проходила. Даже в лучшие дни, которые теперь выдавались не слишком часто, он чувствовал себя подавленным и разочарованным. Все его журналистские инстинкты погасли, работа не вызывала ничего, кроме отвращения. Меньше всего сейчас ему хотелось ковыряться в истории, которая вызывала у него серьезные сомнения, несмотря на все уверения Хедли. По большому счету, Доусону было совершенно наплевать, являлся ли покойный Джереми Вессон сыном Карла и Флоры или нет.

– Извини, – сказал он негромко. – Но даже если бы Хэрриет не послала меня в Айдахо с idiotским заданием, я бы все равно не поехал в Саванну. Твой друг Кнуц прав: ворошить прошлое чаще всего бессмысленно.

Хедли бросил на него испытующий взгляд. Но, убедившись, что Доусон не собирается менять своего решения, ничего не сказал, лишь тяжело вздохнул. Его плечи слегка поникли. Плеснув себе еще немного бурбона, он выпил его одним глотком и сменил тему разговора. Чуть позже Ева, заглянув в комнату, пригласила Доусона остаться на ужин, но он отказался, сославшись на необходимость собирать вещи для поездки в Айдахо – к слепым воздухоплателям. После этого, стараясь как можно реже встречаться взглядом с Евой и Хедли, Доусон поспешил откланяться.

К тому моменту, когда он вернулся в машину, его лицо было обильно покрыто испариной, и жаркая погода была повинна в этом лишь отчасти. Чувствуя, что не в силах совладать с нервами, Доусон на первом же светофоре, где ему пришлось остановиться на красный сигнал, принял еще одну таблетку из заветного флакончика. Пробки на шоссе, ведущем из округа Колумбия в Виргинию, тоже не добавили ему спокойствия и не улучшили настроения. Когда Доусон добрался наконец до своей квартиры в Александрии, он был до крайности раздражен и зол.

Он как раз снимал ботинки, когда засигналил его мобильник – пришло текстовое сообщение от Хедли. СМС гласило:

«Я не сказал тебе еще одну вещь. Думаю, она заинтересует тебя по-настоящему».

Доусон отлично понимал, что Хедли намеренно его дразнит, разжигает любопытство в надежде добиться своего, поэтому ответил:

«А я думаю – она меня НЕ заинтересует».

Ответ пришел через считанные секунды:

«Джереми Вессон только считается мертвым. Тела так и не нашли».

Глава 2

– Мистер Джексон, вы готовы допросить вашего свидетеля?

Помощник окружного прокурора поднялся:

– Да, ваша честь. С вашего позволения, я намерен пригласить в этот зал мисс Амелию Нулан.

Как и большинство собравшихся в зале суда зрителей, Доусон машинально повернулся к широким двойным дверям в дальнем конце зала. Бейлиф уже отворил их и знаком пригласил войти бывшую миссис Джереми Вессон.

Сегодняшнее судебное заседание было третьим по счету. Началось оно с того, что первый свидетель – профессор-ветеринар (его имя и научные регалии были записаны в блокноте Доусона, чтобы в случае необходимости можно было сослаться на показания профессора) – долго и нудно рассуждал о пищеварительном процессе собак вообще и питбулей в частности. Обвинителю понадобилось почти два часа, чтобы продрасться сквозь научную терминологию и добраться до фактов. А факты были таковы: в пищеварительном тракте трех из шести питбулей, которых Уиллард Стронг незаконно содержал для участия в собачьих боях (и которых пришлось усыпить, чтобы добыть необходимые доказательства), были обнаружены фрагменты тела его супруги Дарлен.

Второй свидетель, главный медицинский эксперт округа, подтвердил, что упомянутые фрагменты действительно принадлежат миссис Стронг и что они полностью соответствуют ранам, обнаруженным на трупке женщины, который полиция обнаружила в собачьем вольере.

Дарлен, однако, убили вовсе не собаки. Государство требовало для предполагаемого преступника смертной казни. Главный государственный обвинитель Лемюэль Джексон – опытный и умный юрист с отличным послужным списком (количество обвинительных приговоров, которых ему удалось добиться, исчислялось двузначной цифрой) – делал все, что было в его силах, чтобы убедить присяжных: расследуемое преступление было совершено с особой жестокостью и, следовательно, преступник представляет собой реальную угрозу обществу. Именно поэтому Джексон особенно настойчиво добивался, чтобы в судебных протоколах непременно нашел свое отражение тот факт, что тело убитой женщины было намеренно помещено в вольер с собаками, которых несколько дней не кормили с целью подготовки к незаконным боям. Додумывать, что произошло дальше, обвинитель предоставил присяжным. И надо сказать, что некоторые из них, наделенные, по всей видимости, непомерно живым воображением, позеленели буквально на глазах.

Образцы крови, найденной на полу вольера, а также кусок кожи с головы с остатками волос на ней, обнаруженный в желудке одного из питбулей, позволяли предположить, что такая же участь постигла и капитана морской пехоты Джереми Вессона.

К тому моменту, когда адвокат обвиняемого Майк Глизон закончил перекрестный допрос медэксперта, на часах было уже начало первого. Судья объявила перерыв на обед до половины второго, хотя Доусон и сомневался, что присяжные и зрители будут в состоянии проглотить хотя бы кусочек.

Но перерыв быстро закончился. В зал вызвали третьего на сегодня свидетеля.

Чтобы лучше подготовиться к работе, Доусон прочел в газетах и в Интернете все, что сумел найти о процессе. Возможно, он даже видел там фотографии бывшей миссис Вессон, которую еще до начала судебных слушаний осаждали репортеры. Но до сегодняшнего дня Доусон почти не обращал на нее никакого внимания.

Сегодня все переменялось.

Женщина, которая быстро шла по центральному проходу, направляясь к свидетельскому возвышению, нисколько не напоминала ту миссис Вессон, портрет которой Доусон набросал

в своем воображении. Почему-то ему казалось, что она должна быть похожа на Флору Штиммель, лицо которой он несколько раз видел на ориентировках и объявлениях о розыске. Предполагаемая мать покойного морпеха производила впечатление женщины неотесанной, грубоватой, несдержанной и не слишком образованной, но Амелия Нулан оказалась полной ее противоположностью. Доусон подумал об этом, как только увидел аристократическую бледную руку, которую мисс Нулан подняла, чтобы принять присягу, и ее изящно очерченную скулу, поразившую его совершенством очертаний. Казалось, эта женщина принадлежит к совершенно иной, особой породе людей. Внешностью, манерами, умением держаться она превосходила всех, кто оказался сегодня в зале судебных заседаний, не исключая самого Доусона. Пожалуй даже, в первую очередь – Доусона.

Только потом он обратил внимание на ее костюм. На мисс Нулан была прекрасно пошитая светлая юбка и такого же цвета блузка (правда, из более тонкой материи), поверх которой она надела светло-синий жакет. Густые золотисто-каштановые волосы были собраны в «конский хвост» – не слишком тугой, так что несколько локонов, выбившихся из-под заколки, обрамляли красивое, аристократическое лицо с точеными чертами. Единственными украшениями, которые она себе позволила, были пара пуссетов с бриллиантами и часы на золотом браслете. В целом, мисс Нулан проявила достаточно тонкий вкус, одевшись не слишком шикарно, но и не чрезмерно строго: в самый раз для судебного заседания.

Впрочем, бывшая жена Джереми Вессона и должна была заинтересовать Доусона, поскольку он, как-никак, приехал в Саванну в качестве журналиста. Он просто обязан был задать мисс Нулан множество вопросов, чтобы написать максимально подробный и точный отчет – если не для журнала, то для Хедли. Доусон, однако, сразу почувствовал, что женщина, поднимаясь на возвышение для свидетелей, разбудила в нем нечто большее, чем профессиональное любопытство. Это обстоятельство, однако, только заставило его разозлиться на себя еще сильнее. Доусон прекрасно понимал, что в его нынешнем состоянии никакие дополнительные осложнения – такие, например, как потеря репортерской объективности, – ему абсолютно не нужны. У него и без этого хватало проблем, с которыми он не мог справиться.

Размышляя обо всем этом, Доусон еще раз мысленно проклял Хедли, который втянул его в это дело. Ехать в Саванну ему совершенно не хотелось, но после того, как крестный выложил на стол свой главный козырь, Доусон понял, что другого выхода у него просто нет. Сборы были недолгими: на следующее же утро он сдал полученный в редакции билет до Айдахо и сел на рейс до Саванны.

Уже из Саванны – стоя в очереди к стойке аренды автомобилей – он позвонил Хэрриет.

– Ты уже в Бойсе? – уточнила редактор.

– Нет. Я решил изменить маршрут, – ответил он и не без мстительного удовольствия подумал о том, как Хэрриет сидит за своим роскошным полированным столом и буквально дымится от бессильной ярости.

– Я дала тебе задание, Доусон.

– А я нашел другое, получше.

– Какое же?

– Это пока секрет.

– Доусон, где ты?!

– Работаю над новой темой. – Он усмехнулся.

– Ты... ты... – Казалось, Хэрриет не находит слов. – Да будь ты проклят!..

– Постараюсь держать тебя в курсе. Как только будут новости, я позвоню. – И он дал отбой, прежде чем Хэрриет успела обрушить на него поток отборнейших оскорблений.

Вынужденный сам оплачивать свои расходы (во всяком случае, в первое время), Доусон снял номер в относительно дешевом отеле. Первым делом он принял душ, потом заглянул

в мини-бар, включил «И-Эс-Пи-Эн»⁸ и завалился на кровать с ноутбуком в одной руке и доставленным коридорной службой чизбургером в другой. То и дело откусывая от бургера большие куски, Доусон просмотрел сайты новостей, где могли бы найтись материалы относительно убийства, в котором обвиняли Уилларда Стронга. Преступление казалось действительно ужасным, поэтому, когда Доусон закончил читать статьи, в желудке у него образовался плотный комок. Впрочем, Доусон предпочел приписать спазм действию не слишком качественного «Табаско», в который он макал свой бутерброд. В глубине души, однако, приходилось признать, что томатный соус ни при чем. В сотый раз он спросил, зачем позволил Хедли втравить себя в эту авантюру? Его живой и изобретательный ум мог бы предложить десяток причин – реальных и мнимых, – однако все они не имели никакого отношения к истине. Проблема – и Доусон это тоже знал – была вовсе не в Хедли. Проблема была в нем самом. После командировки в Афганистан он был далеко не в порядке, и на поездку в Саванну согласился только потому, что надеялся: новая работа даст ему возможность излечиться, снова стать целым, снова стать собой.

Недаром говорят, клин клином вышибают. Так, может, и это дело поможет ему прийти в себя?

В зоне военных действий Доусон провел почти девять месяцев и до сих пор боролся с последствиями. Впрочем, двух недель, чтобы опомниться, было явно мало. Воспоминания прилипли к нему, словно паутина – невесомая, почти невидимая, но невероятно прочная, – и избавиться от них ему никак не удавалось.

Разумеется, раньше талантливому репортеру не доводилось бывать в таких серьезных переделках, как, вероятно, капитану морпехов. Тому же Джереми Вессону досталось по полной программе – не зря же в дополнение к куче орденов и медалей он заработал посттравматическое стрессовое расстройство⁹, которое когда-то называлось «вьетнамским синдромом» и которое, в конечном итоге, стоило Джереми и семьи, и самой жизни. Одно это делало его самым подходящим героем статьи, способной прозвучать современно и остро, хотя именно этой темы Доусону хотелось избежать: в конце концов, он сам испытал – и продолжал испытывать сейчас, – что происходит с нормальным человеком, побывавшим в «горячей точке».

Кроме того, было еще одно обстоятельство, благодаря которому Доусон воспринимал историю капитана Вессона как дело достаточно личное. Его крестного мучил вопрос: действительно ли Джереми был сыном Карла Уингерта и Флоры Штimmel? И если да, то живы ли они или умерли? Сам он мог бы обойтись без ответов на эти вопросы, однако для Хедли это было жизненно важно. Доусон чувствовал себя обязанным сделать для крестного все, что было в его силах.

Вот почему он все же вылетел в Саванну, хотя и проклинал себя на все лады за то, что связался с этим делом. Впрочем, с журналистской точки зрения история капитана Вессона действительно была настоящим кладом. Ни один репортер на его месте не смог бы устоять перед соблазном написать сенсационную статью о человеке, который, являясь потомком скрывающихся от правосудия террористов и убийц, получил нормальное воспитание и образование, а потом достойно служил своей стране в рядах вооруженных сил, пока в конце концов не вернулся с войны морально и психологически сломленным, что и привело его к трагической и бесславной смерти.

⁸ «И-Эс-Пи-Эн» (ESPN или *англ.* Entertainment and Sports Programming Network) – один из каналов кабельного телевидения, по которому круглосуточно показывают только спортивные передачи.

⁹ Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) – психическое расстройство, возникающее в ответ на физическую или психическую травму, когда непосредственное стрессовое воздействие травмы уже закончилось. Проявляется страхом и дисфорией, депрессией, замкнутостью, псевдоаутистическими симптомами. и т. п.

С точки зрения Доусона, это был современный американский вариант классической древнегреческой трагедии, способный стать основой не только для журнальной статьи, но и для полноценного романа.

Обо всем этом Доусон размышлял почти до вечера. Потом он выключил ноутбук, принял снотворное, проглотил «Пепто-бисмол»¹⁰, чтобы нейтрализовать действие «Табаско», и улегся в постель. Минут через десять Доусон снова встал, чтобы принять еще одну таблетку, только на этот раз он запил ее большой порцией виски из мини-бара.

Несмотря на это, ночью ему все равно приснился кошмар.

В результате на первое судебное заседание Доусон отправился с тяжелой головой. Он, впрочем, все равно выехал заранее. Конечно, не для того, чтобы занять место в переднем ряду, а наоборот – чтобы сесть сзади, поближе к выходу. Так он мог быстро и без помех уйти, если такая необходимость вдруг возникнет.

Первое заседание суда оказалось достаточно скучным и не радовало сенсационными событиями (большую его часть заняла процедура отбора присяжных). Не дожидаясь окончания, Доусон отправился на Ривер-стрит, где принялся один за другим обходить местные бары в надежде, что это поможет ему скоротать остаток вечера. Помимо виски, в барах хватало доступных женщин, и Доусон невольно подумал о том, что секс хоть на время отвлек бы его от тяжелых мыслей и гнетущих воспоминаний. Но он так и не воспользовался ни одной из представившихся ему возможностей, хотя в предложениях – как замаскированных, так и вполне откровенных – недостатка не было. Нет, он, конечно, знакомился и с женщинами, и с мужчинами, но эти кратковременные дружбы и симпатии длились ровно столько времени, сколько было необходимо, чтобы опустошить один-два стаканчика. После чего Доусон переключивался в соседний бар, чтобы снова завести с очередным незнакомцем или незнакомкой ничего не значащий разговор на какую-нибудь отвлеченную тему. Так он убил несколько часов. Бары стали закрываться, и Доусону оставалось только вернуться в отель – в дешевый, грязноватый номер, где его терпеливо ждали тревожные, пугающие сны.

Примерно в том же ключе прошел и второй день. Репортер уже начал подумывать о том, под каким благовидным предлогом мог бы отказаться от работы на процессе. И только появление бывшей жены Вессона заставило его изменить свое отношение к происходящему.

* * *

Ладонь, которую Амелия положила на Библию, чтобы принести клятву «говорить только правду и ничего, кроме правды», слегка вспотела, и, садясь на скамью для свидетелей, она незаметно вытерла ее платком. Подняв взгляд, она увидела направляющегося к ней Джексона.

– Позвольте поблагодарить вас, мисс Нулан, что вы смогли прийти сюда сегодня, – вежливо начал помощник окружного прокурора. – Будьте добры, назовите ваше полное имя и фамилию. Это необходимо для протокола заседания.

– Амелия Вэр Нулан.

– Это ваша девичья фамилия?

– Да. Я решила вернуть ее себе сразу после развода с Джереми.

Джексон слегка улыбнулся:

– В нашем штате фамилия Нулан известна многим.

– Благодарю вас, сэр.

Джексон снова улыбнулся и, обернувшись, посмотрел туда, где за отдельным столиком сидели обвиняемый и его адвокат.

– Скажите, пожалуйста, мисс Нулан, вам знаком ответчик?

¹⁰ «Пепто-бисмол» – товарный знак патентованного средства от расстройства и несварения желудка.

Впервые с тех пор, как она вошла в зал суда, Амелия посмотрела на Уилларда Стронга. Он сидел, опустив мясистые плечи, и мрачно смотрел на нее исподлобья. Лоб у него был массивным и низким, а глубоко посаженные глаза излучали угрозу. Уиллард был аккуратно причесан и даже одет в костюм, который выглядел бы достаточно прилично, не будь он ему мал минимум на размер, а то и на два. Однако это обстоятельство не казалось Амелии ни комичным, ни нелепым. Напротив, от всей его неподвижной фигуры так и веяло грубой, почти животной силой и опасностью.

– Да, – подтвердила Амелия, стараясь, чтобы ее голос не дрожал. – Нас познакомил Джереми.

– Не припомните, когда именно это произошло?

– Двадцать второго февраля 2011 года, – без промедления ответила она.

– Вы запомнили точную дату? Почему?

– В этот день моему старшему сыну Хантеру исполнилось четыре года.

– Не могли бы вы рассказать суду, при каких обстоятельствах вы познакомились с ответчиком?

– Тогда... тогда мы с Джереми уже жили отдельно, хотя еще не были разведены официально. До конца бракоразводного процесса я была назначена временным опекуном обоих наших сыновей. Я разрешила Джереми прийти на день рождения к Хантеру. Но он заявился не один. С ним были Уиллард и Дарлен Стронг.

– Вам приходилось встречаться с этими людьми раньше?

– Нет, никогда, но их имена были мне знакомы. Джереми их часто упоминал.

– Как бы вы описали их в тот день? Как они выглядели?

– Вы имеете в виду...

– В каком состоянии все трое приехали на день рождения вашего сына?

– Они были пьяны.

Адвокат Стронга вскочил:

– Протестую, ваша честь!

– Хорошо, я попробую перефразировать вопрос, – быстро сказал Джексон, прежде чем судья успела вмешаться. – Скажите, мисс Нулан, не показалось ли вам, что все трое ваших гостей выпили слишком много спиртного?

Глизон попытался снова заявить протест, но судья жестом остановила его:

– Пусть мисс Нулан ответит.

Джексон сделал Амелии знак продолжать.

– Ну, я уже видела Джереми пьяным, – сказала она. – И не один раз. Некоторые люди, когда выпьют, бывают очень веселыми и пытаются шутить, но Джереми был... другим. Совершенно другим. Он становился угрюмым, раздражительным и... В общем, как только он приехал, я сразу разглядела знакомые признаки. Его глаза налились кровью, а улыбка была больше похожа на... на злобную ухмылку. И он вел себя агрессивно. Правда, в тот день он и Стронги много смеялись, но совершенно не к месту, и... – Амелия ненадолго замолчала, с трудом подыскивая слова, чтобы описать поведение мужа в тот день. – В общем, они смеялись совершенно без повода, как смеются перебравшие алкоголя люди.

– В каком часу они приехали к вам? – мягко спросил Джексон.

– Мы начали праздновать день рождения в двенадцать... В двенадцать дня, – уточнила она. – Джереми и Стронги приехали минут за пятнадцать до этого.

– Скажите, мисс Вессон, когда вы заметили признаки опьянения, вы сделали замечание вашему бывшему мужу?

– Да.

– И что он сказал в свое оправдание? Как объяснил, что напился еще до полудня?

– Джереми сказал, что они приехали с какой-то вечеринки, которая состоялась накануне. Мол, они веселились всю ночь и еще не протрезвели.

– Они? – снова задал вопрос Джексон. – То есть ваш бывший муж, мистер Стронг и его жена?

– Протестую! – снова подал голос адвокат Уилларда. – Обвинитель задает свидетелю наводящие вопросы.

Судья удовлетворила протест, но Джексон все же сумел добиться того, чего хотел: присяжные поняли, что в упомянутой вечеринке принимали участие только трое – супруги Стронг и Джереми Вессон.

Краешком глаза Амелия заметила, что Уиллард наклонился к своему адвокату и что-то пробормотал. В ответ Глизон решительно покачал головой, словно призывая подзащитного к молчанию. Что сказал Стронг, Амелия не расслышала, но не сомневалась, что это вряд ли был комплимент.

– Итак, – продолжал тем временем обвинитель, – мы выяснили, что ответчик, его жена и ваш бывший супруг появились на дне рождения вашего сына в совершенно неподобающем для детского утренника состоянии. Будем считать сей факт установленным. Надеюсь, ни у кого из уважаемых присяжных нет на этот счет никаких сомнений. А теперь, мисс Нулан, не могли бы вы рассказать суду, что случилось дальше.

Амелия прикрыла глаза и на мгновение задумалась: перед ее мысленным взором снова промелькнула злобная гримаса Джереми.

– Я попросила их уехать, – сказала она тихо. – К тому времени начали собираться и другие гости, но они пока находились в саду, а я... Я не хотела, чтобы кто-то из них видел Джереми в таком состоянии. Мне было стыдно за него и за себя.

– Как ваш бывший муж отреагировал на вашу просьбу?

– Разозлился. Он сказал, что имеет право повидаться с сыном в день его рождения и я не посмею ему помешать.

Глизон снова вскочил:

– Ваша честь, я протестую! Какое отношение имеют эти показания к расследуемому делу?

– Самое прямое. Я это докажу, если ваша честь позволит задать свидетельнице еще несколько вопросов, – мгновенно парировал Джексон.

– Протест отклоняется, – решила судья и попросила Джексона продолжать. Кивнув, обвинитель снова повернулся к Амелии.

– Что ж, мисс Нулан, давайте не станем тратить время и заодно побережем нервы уважаемого адвоката защиты, – проговорил он с легкой усмешкой. – Расскажите суду, чем закончилось ваше столкновение с бывшим мужем.

– Я сказала Джереми, что он слишком пьян, чтобы нормально общаться с детьми – да и с другими гостями тоже. После этого я еще раз потребовала, чтобы он немедленно уехал. Но Джереми отказался наотрез. Мне даже пришлось пригрозить, что я вызову полицию, а потом получу судебное предписание, запрещающее ему приближаться к детям.

– И как он отреагировал на угрозу?

– Он... он буквально взбесился. Начал ругаться и обзывать меня всякими словами. Еще Джереми сказал, что наши сыновья – это его плоть и кровь и он никому не позволит встать между ним и детьми. В общем, сцена получилась очень некрасивая.

На самом деле это был сущий кошмар. Услышав крики, гости – друзья Хантера из подготовительного класса и их родители – вошли в дом, чтобы выяснить, в чем дело. Сам мальчик тоже увидел и услышал пьяного, сквернословящего отца – и расплакался от страха. Заплакал и ее младший – Грант. Тогда ему было всего полтора года, однако и в этом возрасте он уже научился бояться собственного отца.

Опустив голову, Амелия долго смотрела на свои влажные руки, которые нервно теребили мятый носовой платок. Лишь сделав над собой усилие, она сумела расплести пальцы и положить руки на колени. К счастью, подумала она, ее детям больше нечего бояться. Их отец мертв, и это... хорошо. Хорошо для всех.

– Мисс Нулан?..

Она подняла голову и слегка расправила плечи.

– Извините, я прослушала вопрос.

– Скажите, как вели себя Уиллард и Дарлен Стронг пока... пока разыгрывалась эта неприятная сцена?

Не удержавшись, Амелия бросила быстрый взгляд в сторону стола, где сидел Уиллард, и вздрогнула, снова ощутив исходящую от него злобу.

– Мистер Стронг, он... он поддакивал Джереми. Провоцировал его.

– Не могли бы вы рассказать об этом несколько подробнее? Как именно он это делал?

– Ну, он говорил что-то вроде того, мол, если бы Дарлен посмела так с ним разговаривать, ей бы это просто так не сошло.

– Как вам кажется, что именно имел в виду мистер Стронг – физическое воздействие или...

– Протестую, ваша честь! – выкрикнул Глизон. – Обвинение снова задает свидетелю наводящие вопросы.

– Протест принят, – решила судья, и Джексон принес защите свои извинения – не слишком искренние, как показалось Амелии. Потом он снова обернулся к ней.

– Поставим вопрос по-другому, – проговорил он. – Слышали ли вы, как мистер Стронг угрожал своей жене насилем?

На мгновение Амелия закрыла глаза, а когда открыла – посмотрела прямо на скамью присяжных.

– Джереми схватил меня за руку... вот здесь. – Она положила руку на бицепс. – Он тряс меня, а мистер Стронг сказал: «Ты с ней слишком церемонишься! Если бы Дарлен посмела мне угрожать, я бы ей башку открутил, а тело бросил собакам!»

* * *

После этих слов в зале воцарилась мертвая тишина. Казалось, на несколько мгновений присутствующие даже перестали дышать. Лишь некоторое время спустя люди снова зашевелились, зашаркали ногами, кто-то откашлялся. Доусон заметил, что присяжные тоже замерли на несколько секунд, до глубины души потрясенные рассказом Амелии Нулан. Нет, подумал он, Лем Джексон явно не глуп и знает, как добиться своего. Вот и сейчас он пристально посмотрел в глаза каждому из присяжных и только потом сдвинулся с места. Подойдя к своему столу, помощник окружного прокурора взял в руки какую-то папку, раскрыл и стал переворачивать страницы, словно разыскивая какую-то важную запись. Доусон, однако, сомневался, что Джексон так уж нуждается в справочных материалах. Эта пауза нужна была ему только для того, чтобы выиграть время и дать присяжным возможность как следует запомнить показания свидетельницы.

Прежде чем Джексон успел задать очередной вопрос, Амелия Нулан попросила стакан воды. Пока несли воду, судья объявила пятиминутный перерыв, чтобы присутствующие могли перевести дух и слегка размять онемевшие от долгого сидения члены. Сам Доусон использовал это время, чтобы отправить два СМС-сообщения. Первое было адресовано Хедли.

«Показания бывшей жены Вессона звучат очень убедительно. Похоже, Стронгу крышка. Как твои дела? Уже воспользовался «Виагрой»? Когда вернусь – расскажешь. Мне не терпится узнать все непристойные подробности».

Второе сообщение он отправил редакционному эксперту-консультанту. Эта женщина работала в журнале уже почти три десятка лет – с тех самых пор, когда в свет вышел первый номер, – и, казалось, знала все на свете. Седая, морщинистая, раздражительная, насквозь пропахшая сигаретным дымом, Гленда Смит была наделена острым умом и великолепной памятью, которые никогда ее не подводили и действовали быстрее и безотказнее, чем любой компьютер. Впрочем, это не помешало ей успешно освоить Интернет, в котором Гленда чувствовала себя как рыба в воде. Если она вдруг чего-то не знала, ей не составляло труда раскопать необходимую информацию в Мировой сети. Доусон давно привык полагаться на точность и достоверность сообщаемых Глендой сведений. К тому же он твердо знал, что от нее никто и никогда не узнает даже о направлении его поисков, не говоря уже о конкретных фактах. За умение хранить профессиональные секреты он особенно ее ценил и на каждое Рождество покупал ей огромную коробку вишен в шоколаде и ящик сладкого десертного вина. Гленда называла подобные подношения «баловством», но от подарков никогда не отказывалась.

«Гленда, дорогая, нужна твоя бесценная помощь, – написал Доусон. – Требуется информация по Амелии Нулан из Джорджии. В Саванне семья с такой фамилией должна быть хорошо известна. Я хочу знать – почему».

По обыкновению, он украсил свое сообщение цветами и сердечками и только потом отослал адресату.

Не успел он убрать телефон, как судья постучала молотком по столу и велела всем вернуться на свои места. Когда порядок в зале восстановился, она знаком предложила Джексону продолжить допрос свидетельницы.

Обвинитель не заставил просить себя дважды. Положив свою папку обратно на стол, Джексон вновь шагнул к возвышению для свидетелей.

– Итак, мисс Нулан, буквально в двух словах: чем закончился скандал, учиненный вашим бывшим мужем 22 февраля 2011 года? Кто-то из гостей позвонил в «911». Как скоро приехала полиция?

– Очень быстро. Патрульная машина появилась буквально через несколько минут, но Джереми и Стронги успели уйти.

– Они сделали еще что-то перед тем, как исчезнуть?

Амелия покачала головой:

– Нет. Грант очень громко плакал, а Хантер спрятался среди гостей. Я думаю, страх детей смутил Джереми, сбил его с толка. Мне кажется, он не был готов к такой реакции, и... Кроме того, он, наверное, сообразил, что слишком много людей видело, как он схватил меня за руку и начал трясти. Возможно, ему стало стыдно или Джереми просто испугался последствий... не знаю, не могу сказать точно. Как бы там ни было, он меня отпустил. А когда мистер Стронг сказал, мол, Джереми должен что-то сделать, чтобы заставить меня «прикусить мой поганый язык» – да-да, он так и сказал, я это хорошо запомнила, – мой бывший муж ответил, чтобы он сам заткнулся, потому что это не его дело. Джереми еще кое-что добавил, но я не хочу сейчас повторять его слова, потому что это были ругательства. Потом он открыл входную дверь и вытолкнул мистера Стронга на крыльцо. В ответ мистер Стронг и его обругал. Я даже подумала – он собирался ударить Джереми, но...

– Протест, ваша честь!

– Принимается.

– Скажите, – быстро вмешался Джексон, – Уиллард Стронг ударил мистера Вессона после того, как тот его толкнул?

– Нет. Я думаю, он бы просто не смог. Все-таки Джереми – бывший морской пехотинец! К тому же мистер Стронг еле держался на ногах: он и с крыльца-то едва не свалился. Единственное, на что он был способен, это ругаться на чем свет стоит. Но Джереми его уже не слушал. Он вывел из дома миссис Стронг и вышел сам, после чего все трое направились

к машине Джереми, стоявшей на улице, прямо напротив дома. Мужчины сначала переругивались, а потом... потом я закрыла дверь и ничего больше не видела. Когда подъехали полицейские, их уже след простыл.

Лемюэль Джексон снова прошествовал к своему столу, якобы для того, чтобы еще раз заглянуть в свои записи. На самом деле он давал свидетельнице возможность немного перевести дух и прийти в себя. Присяжным тоже нужно было время, чтобы представить себе всю картину и задуматься над тем, каковы на самом деле были отношения, связывавшие двух так называемых «друзей».

Мисс Нулан воспользовалась паузой, чтобы сделать еще один глоток воды. Даже со своего места в последнем ряду Доусон видел, как дрожит ее рука.

А Джексон уже снова направлялся к ней. Руки он засунул в карманы и нахмурился, всем своим видом показывая, как ему не нравится вопрос, который он вынужден задать.

– Насколько мне известно, мисс Нулан, у вас было еще одно столкновение с вашим бывшим мужем. Вы это подтверждаете?

– Да, – коротко ответила она.

– Когда именно это произошло?

– Это было в прошлом году, третьего мая.

– Вы снова запомнили точную дату?

– Да.

Амелия опустила голову. Прядь волос упала ей на лицо, и она машинальным движением заправила ее за ухо. Интересно, подумал Доусон, был ли этот ее жест нервной реакцией на напряженную обстановку или это просто привычка, которой мисс Нулан бессознательно следует в любых обстоятельствах? Почему-то ему казалось, что верно последнее.

– Почему вы запомнили этот день, мисс Нулан? – мягко спросил помощник прокурора.

Амелия подняла голову, чтобы ответить, а Доусон вдруг осознал, что и он, и весь зал, включая обвиняемого, с напряженным вниманием ждут, что она скажет.

– Потому, – ответила Амелия Нулан, слегка откашлявшись, – что именно в этот день стало известно об исчезновении миссис Стронг и моего бывшего мужа.

Глава 3

Джексон попросил Амелию поподробнее рассказать, что именно случилось третьего мая.
– День начался как обычно, – ответила свидетельница. – Я отвезла детей на занятия в подготовительную школу при епископальной церкви Святого Томаса, а сама поехала на работу.

– Вы работаете в Кольеровском музее военной истории?

– Да, я работаю там смотрителем фонда и научным сотрудником, специализируюсь на периоде Гражданской войны.

– Вы работаете на полной ставке?

– Да, но у меня достаточно гибкое расписание. Администрация музея пошла мне навстречу как одинокой матери.

– Итак, в тот день, третьего мая... Не произошло ли тогда что-либо необычное – что-то такое, что вас насторожило или встревожило?

– Нет, ничего такого не было... Во всяком случае, с утра. Все было как всегда, пока в начале второго мне не позвонили из школы. Я как раз была в кабинете директора музея Джорджа Меткалфа – мы обсуждали одну небольшую проблему...

* * *

– ...Нет, Джордж, так не делается. Я не могу на это пойти.

– Неужели ты не хочешь сделать человеку приятное? И мне заодно?..

– Эта вещь не имеет никакой ценности – ни музейной, ни рыночной, если на то пошло.

– Может быть.

– Не «может быть», а точно.

– О'кей, возможно, это действительно пустяк, побрякушка. Армия конфедератов выдавала такие знаки отличия сотнями...

– Тысячами.

– Тем более. Однако для Паттерсона Нокса эта медаль имеет очень большую ценность. После того как ее вручили его прадеду или прапрадеду... в общем, какому-то очень далекому предку, в честь которого, кстати, Паттерсона и назвали, медаль передавалась в его семье от отца к сыну как настоящая драгоценность, как реликвия. Наверное, мне не нужно тебе напоминать, что...

– Однако именно это ты собираешься сделать.

– ...Что в прошлом году мистер Нокс пожертвовал музею полторы тысячи долларов. А миссис Нокс...

– ...Входит в наш совет директоров. Я не глупа, Джордж, и прекрасно все понимаю. Просто мы смотрим на эту проблему под разным углом зрения. Я – хранитель музейных фондов и обязана заботиться о том, чтобы наши коллекции представляли настоящий исторический интерес, а не...

– Я тоже забочусь о коллекциях, Амелия!

– Да, но ты еще и директор, следовательно, тебе приходится быть дипломатом, а иногда и попросту умашивать множество людей, благодаря которым наш музей продолжает существовать. Тем не менее мне совершенно не хочется включать в экспозицию всякий мусор только ради того, чтобы крупный благотворитель продолжал нас спонсировать.

– Хорошо понимаю твою позицию, и тем не менее...

– Ладно. Кажется, мы зашли в тупик. Имей в виду, я не собираюсь менять свою точку зрения. Очевидно, что дальнейшее обсуждение вопроса ни к чему не приведет. Ты выиграл этот спор еще до начала нашей сегодняшней встречи, но... Я просто обязана была попытаться.

– Ничего другого я от тебя и не ожидал, Амелия. Что касается медали пресловутого мистера Нокса... Положи ее куда-нибудь в уголок, чтобы она хотя бы не бросалась посетителям в глаза.

– А как же насчет подсвеченной латунной таблички с текстом, восхваляющим щедрость и великодушие мистера и миссис Нокс?

– Без таблички не обойтись, но... Она вовсе не обязательно должна быть очень большой.

* * *

– ...Мы уже заканчивали разговор, – сказала Амелия, – когда зазвонил мой мобильный. Я сразу узнала номер школы и ответила. Звонила директриса, миссис Эбернати, она была очень взволнована...

– Чем именно?

– Какой-то мужчина ворвался в ее кабинет и требовал...

– Протестую! Это показания с чужих слов, – подал голос адвокат. Джексон возразил, и судья отклонила протест, после чего помощник прокурора предложил Амелии продолжить показания.

– Этот человек хотел знать, приходил ли Джереми в тот день в школу или нет. Джереми, естественно, там не появлялся, но миссис Эбернати так и не удалось убедить в этом визитера. В конце концов он ушел, но только после того, как она пригрозила вызвать полицию.

Тут Лемюэль Джексон вмешался и напомнил присяжным, что допрошенная ранее миссис Эбернати не только дала аналогичные показания, но и опознала в неизвестном мужчине Уилларда Стронга. Потом помощник прокурора спросил у Амелии, часто ли ее бывший муж навещал детей в школе?

– Нет, – ответила она. – Насколько я знаю, Джереми не делал этого даже в те дни, которые были назначены ему для свиданий. К тому времени наш развод был окончательно оформлен. Суд учел инцидент на дне рождения Хантера и разрешил Джереми видеться с детьми только в определенные дни и в присутствии сотрудника полиции. Ему это, естественно, очень не нравилось. Джереми очень хотел, чтобы суд снял эти ограничения, но пока этого не произошло, он старался придерживаться судебного постановления.

– Скажите, мисс Нулан, этот звонок из школы... Он вас напугал?

– Очень напугал. Это еще мягко сказано! Когда миссис Эбернати описала мне своего раздражительного гостя, я сразу узнала Уилларда Стронга. Моей первой реакцией было немедленно кинуться в школу, но потом директриса постаралась меня утихомирить. Заверила, что мистер Стронг уже ушел и что Хантер и Грант находятся у нее в кабинете. Им ничто не грозит, а главное – мальчики ничего не подозревают о случившемся. Это меня немного успокоило, но мне все равно хотелось как можно скорее их увидеть и самой убедиться, что мои дети в безопасности. Миссис Эбернати заверила, что сама привезет их ко мне. Поэтому я предупредила Джорджа и поспешила домой.

– Вы с кем-нибудь разговаривали по пути?

– Я пыталась дозвониться до Джереми, чтобы выяснить у него, в чем дело. Но все мои звонки на его мобильник переадресовывались на голосовую почту. Тогда я позвонила ему на работу. Там мне сказали, что он еще утром предупредил, что заболел. А еще я узнала, что в строительной фирме, где работал Джереми, его никто не видел ни в тот день, ни накануне.

– И вы отправились домой?

– Да. Я поехала домой.

* * *

От музея до дома было не так уж далеко, но Амелии казалось – она никогда туда не доберется. Она хорошо знала город и могла вести машину, не особенно задумываясь о маршруте, поэтому ничто не отвлекало ее от тревожных мыслей. Что могло случиться? Она терялась в догадках. По-видимому, отношения, которые связывали Джереми со Стронгами, изменились. От мысли, что новая ситуация может каким-то образом угрожать ей и ее сыновьям, ей становилось не по себе. Но не думать об этом Амелия тоже не могла. Быть может, размышляла она, стоит обратиться в суд и получить запретительный приказ? Если судья по семейным делам выслушает ее аргументы, он может официально запретить Джереми приближаться к детям до тех пор, пока он не придет в чувство. Амелия знала, что сможет получить такое постановление достаточно быстро. Лишь бы подобный шаг с ее стороны заставил Джереми опомниться! Наверное, только разлука с сыновьями могла вынудить его что-то предпринять – обратиться к врачам, к психотерапевтам, – пока не стало слишком поздно. Он и так потерял почти все, что когда-то имел. В глубине души Амелия не верила, что ее бывшему мужу до такой степени наплевать на собственных детей, что он не сделает попытки что-то исправить.

Так она думала, сворачивая на Джонс-стрит, которая выглядела совершенно обыденно и мирно. Светило яркое солнце, огромные виргинские дубы укрывали желанной тенью тротуары, взрытые их могучими корнями. Именно здесь стоял многоквартирный дом, в который Амелия с детьми переехала из их общего с Джереми особняка, где ей с детьми довелось пережить столько несчастий. Этот дом понравился Амелии прежде всего тем, что его сад был обнесен высокой кирпичной стеной, дававшей дополнительную защиту ей и детям. К тому же в этом квартале все соседи хорошо знали друг друга и могли сразу заметить чужака. Дом был удобным и достаточно просторным для троих и вполне устраивал ее как временное убежище, пока она не решит, куда двигаться дальше.

Жаль, что миссис Эбернати еще не приехала. Что же тут поделаешь? Свернув на узкую подъездную дорожку, засыпанную хрустевшим под колесами ракушечником, Амелия обогнула дом и поставила машину перед гаражом на заднем дворе. Выйдя из машины, она поднялась на крыльцо и отперла дверь черного хода, которая вела прямо в кухню. Как только она вошла в дом, сработало охранное устройство. Назойливый писк, необычайно громкий, сильно действовал ей на нервы, поэтому она сумела ввести отключающий охрану цифровой код только с третьей попытки. Сигналы стихли, но в ушах продолжало звенеть. Это был единственный звук, который слышала Амелия. В доме установилась такая мертвая тишина, что все ее чувства невольно обострились. Она не различала ни шороха, ни движения. Это показалось ей неестественным и тревожным – хоть что-то же она должна была слышать?!

Впрочем, тишина – пустяк по сравнению с бездонной, мертвой пустотой, в которой она может очутиться, если потеряет своих детей. Двое активных дошкольников порой поднимали такой шум, что их мать начинала раздражаться не на шутку. На самом деле именно эти звуки наполняли ее жизнь смыслом, служа постоянным напоминанием о том, кто она такая и зачем живет. Амелия любила сыновей, и ей нравилось слышать их смех, вдыхать их карамельный запах, чувствовать на щеках их влажные поцелуи. Нет, без них она просто не сможет...

Слегка переведя дух, Амелия шагнула к раковине, повернула кран и сняла с полки стакан. Наполнив его холодной водой, она сделала несколько жадных глотков, думая о том, что миссис Эбернати пора бы уже появиться. Машинально бросив взгляд на настенные часы, она, кажется, услышала что-то. С улицы доносится шум автомобильного мотора, и она обернулась на звук.

Стакан выпал у нее из рук и разбился, расплескивая воду и стеклянные осколки.

Перед дверью, всего в трех футах от нее, стоял Уиллард Стронг, и в руках у него было охотничье ружье. Он не направлял его на Амелию, а прижимал к груди. Несмотря на это, его поза выглядела достаточно угрожающе.

– Только закричи, и я тебя убью, – проговорил он негромко.

Дверь, через которую он вошел, все еще была приоткрыта. Медленно сняв левую руку с ружейного цевья, Стронг закрыл ее за собой.

* * *

Плотно сжав губы, Амелия глубоко вдохнула через нос и медленно выдохнула, на несколько мгновений задержав воздух в груди. Джексон смотрел на нее с сочувствием.

– Вам нехорошо, мисс Нулан? Может быть, вам нужно несколько минут?

– Нет-нет, я в порядке. – Она покачала головой. На самом деле Амелии становилось нехорошо, однако она справилась с волнением. Меньше всего ей хотелось, чтобы процесс слишком затягивался из-за ее слабости. Скорей бы покончить со всем этим, думала она, чтобы вернуться к детям, к обычной жизни, и забыть этот кошмар.

Увы, теперь она уже с трудом припоминала то время, когда могла полностью контролировать свою жизнь и принимать решения, не оглядываясь на Джереми. И не важно, что он погиб уже больше года назад – так или иначе, бывший муж до сих пор присутствовал в ее мыслях и влиял на каждый прожитый ею день. Но как только процесс закончится...

– Мистер Стронг так и сказал? – уточнил помощник прокурора. – «Только закричи, и я тебя убью»?

– Да. – Амелия кивнула, усилием воли беря себя в руки.

– Как вы отнеслись к этим словам? Вы почувствовали себя в опасности или...

– Да, – снова сказала она. – Я была уверена, что это не пустая угроза, и очень испугалась. Он... мистер Стронг очень злобно смотрел на меня. К тому же он тяжело дышал и сжимал свое ружье. Мне показалось, что-то вывело его из себя и он ни перед чем не остановится. Я не сомневалась, что мистер Стронг может меня убить, если я дам ему повод. И даже без повода...

Лемюэль Джексон двинулся к столу, где были разложены вещественные доказательства. Он не спешил, давая присяжным возможность как следует запомнить и осмыслить ее последние слова.

– Скажите, мисс Нулан, это то самое ружье, которое вы видели в руках у мистера Стронга в тот день? – спросил он и, взяв в руки завернутую в прозрачную пленку охотничью двустволку, показал Амелии.

– Думаю, да, – ответила она. – Во всяком случае, оно очень похоже на... Да, это то самое ружье! Я запомнила узор на прикладе.

Джексон кивнул и попросил секретаря занести в протокол, что свидетельница опознала оружие, из которого, по данным экспертизы, была застрелена Дарлен Стронг. Потом он положил двустволку обратно на стол и снова повернулся к Амелии.

– Ответчик говорил вам еще что-нибудь? Может быть, он как-то объяснил, что ему от вас нужно?

– Он спросил, дома ли мой муж. Я ответила, что Джереми здесь нет, и напомнила, что мы давно в разводе. На что мистер Стронг сказал: «Но она-то по-прежнему моя жена, а он...»

– Тут Амелия бросила быстрый взгляд в сторону скамьи присяжных. – «... А он ее трахает!» На это я ответила, что мне ничего об этом не известно. Меня это никак не касается. Джереми вряд ли стал бы прятаться в моем доме от мужа женщины, с которой спал.

– Что сказал на это мистер Стронг?

– Он рассмеялся, как мне показалось, презрительно. Потом он назвал Джереми трусом и сказал: «Не удивляйся, детка, если твой бывший вдруг объявится! Теперь он знает: мне все

известно». Потом мистер Стронг, видимо, ему пришла в голову мысль, что, возможно, Джереми *уже* здесь, сказал: «Давай-ка все тут проверим». С этими словами он схватил меня за руку и...

Амелия вытерла платком вновь вспотевшие ладони и стала описывать, как мистер Стронг таскал ее за собой по всему дому, заглядывая в комнаты и кладовки и держа ружье наготове. Она твердила, что Джереми здесь нет, но обезумевший Стронг ее не слушал.

– Когда мы осмотрели комнаты наверху и снова спустились вниз, мистер Стронг разозлился еще больше, – сказала Амелия. – Он был просто в ярости и постоянно бранился. Его лицо покраснело и блестело от пота. Я даже испугалась, что с ним может случиться инфаркт.

Она ненадолго замолчала, ожидая, что адвокат Стронга заявит протест. Но тот сидел молча и сосредоточенно глядел перед собой, словно обдумывая стратегию защиты. Сам Стронг смотрел на нее с нескрываемой злобой, и Амелия поспешно повернулась к обвинителю.

– Когда вы спустились, мистер Стронг все еще удерживал вас за руку? – спросил Джексон.

– Да. Мне даже показалось – теперь он меня точно убьет, но потом... – Она судорожно сглотнула, припомнив охвативший ее страх. – ...Потом мы оба услышали, как подъехала машина. Хлопнула дверца, раздались голоса детей, бежавших к дому. Они звали меня, а мисс Эбернати предупредила, чтобы они осторожнее поднимались по ступенькам.

– Что сделал мистер Стронг, когда понял, что возле дома появились другие люди?

– Он сразу пошел к парадной двери.

– Она была заперта?

– Да, но я боялась, что он сломает замок и откроет ее. Тогда он столкнулся бы с моими детьми... Или он мог бы выстрелить из своего ружья прямо сквозь дверь...

– Что вы предприняли?

– Я пыталась преградить ему дорогу.

– То есть вы встали между ним и парадной дверью?

Амелия кивнула.

– Да. Я тогда ни о чем не думала, просто не успела... Это была чисто инстинктивная реакция.

– То есть вы сделали это, потому что считали – вашим детям грозит смертельная опасность?

Амелия снова сглотнула.

– Ну да! Я умоляла его не трогать детей. Наверное, у меня начиналось что-то вроде истерики. Кажется, я спросила мистера Стронга, что он собирается делать. Но он оттолкнул меня так сильно, что я не устояла на ногах и упала. Такой ужас! Мысль, что он вот-вот начнет палить... – Тут она снова покосилась на Стронга, который продолжал мрачно сверлить ее глазами, и закончила негромко: – ...Но он так и не выстрелил.

Амелия знала, что Стронг – человек злой, испорченный и что он ее ненавидит. Но ей все равно хотелось, чтобы он знал, как она благодарна ему за то, что он не тронул ее детей.

– Что он сделал дальше, мисс Нулан?

– Дальше?... – Амелия несколько раз моргнула. – Дальше я плохо помню. Кажется, мистер Стронг повернулся и выбежал в кухонную дверь, через которую он попал внутрь.

– Он что-нибудь ответил, когда вы спросили, что он собирается делать?

Амелия облизала пересохшие губы и еще раз посмотрела на присяжных – на людей, которым предстояло решить вопрос о вине или невиновности Уилларда Стронга.

– Он сказал: «Я все равно найду их и убью».

* * *

Лемюэль Джексон был достаточно опытным юристом, чтобы знать, когда следует остановиться. Он сказал судье, что у него больше нет вопросов. Судья в свою очередь проконсультировалась с помощниками. Перекрестный допрос свидетельницы мог занять довольно много времени, а день уже клонился к вечеру, на носу был праздничный уик-энд. В конце концов, судья постановила возобновить слушания после Дня труда¹¹. Амелии разрешили покинуть место для свидетелей, и бейлиф вывел ее из зала через боковую дверь.

– Адвокат защиты сможет провести перекрестный допрос свидетельницы во вторник утром, когда мы снова соберемся в этом зале, – сказала в заключение судья. – Мы начнем ровно в девять. Прошу всех не опаздывать. А сейчас объявляю заседание закрытым. Желаю всем приятных выходных. – И она стукнула по столу молоточком.

Доусон покинул зал одним из первых.

Не успел он выйти на улицу, как его телефон завибрировал. Пришло новое сообщение. Отыскав в коридоре суда укромное местечко, где его никто не мог побеспокоить, Доусон открыл почту. Сообщение было от Гленды – она просила как можно скорее ей перезвонить. Он по памяти набрал номер: пока Гленда пребывает в хорошем настроении, нужно этим пользоваться.

Услышав в трубке знакомый женский голос, Доусон сказал:

– Насколько я понимаю, дорогая, ты согласна выйти за меня замуж? Я угадал? Только не молчи, мое слабое сердце истекает кровью! Сделай меня счастливейшим из смертных – скажи, что ты наконец решила принять одно из моих многочисленных предложений.

– Поцелуй меня в задницу, Доусон, – прохрипела Гленда.

– Я готов. Можешь назначить место и время.

Она сердито фыркнула, но Доусон был уверен – на самом деле Гленда улыбается, что бывало с ней достаточно редко.

– Значит, готов?.. – переспросила она. – Тогда записывай.

– Весь внимание.

– Амелия Вессон, урожденная Нулан, приходится дочерью покойному члену Палаты представителей Конгресса США Бикмену Дэвису Нулану, больше известному просто как Дэвис Нулан. Он представлял свой округ на протяжении тридцати двух лет подряд.

– Ого!..

– Если бы ты был повнимательнее, Доусон, ты бы наверняка его вспомнил. Дэвис Нулан работал во многих комиссиях и комитетах Конгресса, а также председательствовал на слушаниях в Конгрессе в 1994-м и 1998 годах. Законопроект об общественной безопасности, который в итоге был одобрен и превратился в закон, носит его имя. Именно Дэвис Нулан его написал и представил на рассмотрение нижней палаты. В свое время он был весьма популярным политиком – его в равной степени любили и уважали и республиканцы, и демократы.

– А сам он к какой партии принадлежал?

– Дэвис Нулан представлял штат, который обычно голосует за «красных»¹², однако надо сказать, что он поддерживал политику партии не без оговорок. Безусловно, он был горячим, почти демонстративным сторонником республиканской программы. Однако это не мешало ему активно выступать против тех ее пунктов, которые он считал излишне консервативными,

¹¹ День труда – общенациональный праздник США, отмечаемый в первый понедельник сентября. Он является последним днем праздничного уик-энда.

¹² Т. е. за Республиканскую партию. Республиканская партия – одна из двух основных политических партий США. Неофициальный символ партии – слон (олицетворяет мощь), неофициальный цвет – красный.

ограничивающими личные свободы граждан. В частности, Нулан выступал за легализацию аборт, за права геев и тому подобное.

– Вероятно, мистер Нулан нажил немало врагов?

– Бывало, что его позиция подвергалась резкой критике. Однако либерализм Нулана снискал ему немало сторонников, в том числе и в стане демократов. Честный и неподкупный, он был той редкой птицей, которая почти не встречается в политике, во всяком случае – на высшем уровне. Бывало, им публично восхищались даже те, кто не разделял его точку зрения. Никакое лобби не могло на него повлиять – за свою карьеру Дэвис Нулан ни разу не поступился принципами, в которые свято верил. Его кумиром был Джефферсон, которого он часто цитировал... Кстати, Драконша Хэрриет в курсе того, чем ты занимаешься? – внезапно спросила Гленда.

– Пока нет.

– Я так и подумала. Она за что-то здорово на тебя сердита.

– Должно быть, ей не понравилось мое замечание насчет десяти лишних фунтов, которые она набрала с тех пор как перебралась в кабинет руководителя.

Гленда сухо усмехнулась.

– Берегись, Доусон, – сказала она. – Я слышала, наша Хэрриет освоила практики колдовства вуду. Знаешь, что она сегодня учудила?.. Велела снять портрет своего предшественника, который висел в приемной. Сказала, мол, этого человека больше нет, теперь в журнале новый руководитель и новые порядки. Ну, об этом-то нам напоминать не нужно, и все же... В общем, наша главная – та еще стерва!

Доусон разделял ее чувства, но обсуждать Хэрриет сейчас ему не хотелось. Это могло отрицательно сказаться на его душевном равновесии, поэтому он поспешил вернуть разговор к прежней теме.

– Как насчет личной жизни уважаемого конгрессмена?

– Чист как стеклышко, насколько я могу судить. Он прожил с женой бог знает сколько времени, овдовел в середине девяностых, а вторично так и не женился. Никаких скандалов, никаких историй: ни обнаженных секретарш в кабинете, ни голых мальчиков в душевой. Выпивал мистер Нулан умеренно, в пределах, так сказать, общепринятой нормы. Никогда не курил. Не баловался наркотиками, естественно... В общем, если парень и недотянул до святого, то совсем немного.

– А что насчет дочери?

– Амелия Вэр Нулан, родилась в мае 1981 года, то есть сейчас ей...

– Тридцать два, – подсказал Доусон.

– Считаю я умею, – сварливо заметила Гленда. – И не перебивай, пожалуйста, а то больше ни слова не скажу. Так вот, Амелия... Училась в Университете Вандербильта¹³, принимала активное участие в работе различных студенческих организаций, возглавила кампанию по сбору продовольствия и одежды для жителей районов Алабамы, пострадавших от урагана, Сама отправилась туда вместе с грузом гуманитарной помощи, чтобы убедиться: вещи и продукты действительно попадут к тем, кто в них нуждается. Эта история, кстати, попала в общенациональные сводки новостей. Ну и все в таком духе... Университет закончила с отличием, работала в одном из бостонских музеев, где получила ученую степень магистра истории. Впоследствии перешла на работу в другой музей в Балтиморе. Но когда ее отец оставил политическую карьеру...

– Кстати, ты не выяснила, почему он так поступил?

¹³ Университет Вандербильта – престижный частный университет в г. Нашвилле (штат Теннесси). Один из лучших университетов США; его часто называют «южным Гарвардом».

– В материалах, которые я успела просмотреть, никакой конкретной причины указано не было. Дэвис Нулан просто объявил, что не будет выдвигать свою кандидатуру на очередные выборы. Лет ему было уже немало, так что никаких подозрений это заявление не вызвало. Я думаю, он просто устал. В семьдесят лет не так просто оставаться активным политиком.

– Понятно.

– Как бы там ни было... Напомни-ка, на чем я остановилась?

– Ты сказала – когда мистер Нулан отказался от перевыборов...

– Ах да... Так вот, когда он ушел на покой, его дочь вернулась в Саванну и стала его личным помощником и секретарем. Политикой Дэвис Нулан больше не занимался, но продолжал служить обществу. Вместе с дочерью он инициировал и провел несколько весьма успешных благотворительных кампаний по сбору средств для...

– Амелия Нулан вышла за Джереми Вессона именно в этот период или раньше?

– Сейчас посмотрю... Да, они поженились за пару лет до того, как Дэвис Нулан покинул Капитолий. В начале 2010 года старый конгрессмен умер, а миссис Вессон пошла работать...

– Теперь она снова мисс Нулан.

– ...хранителем фондов в...

– В Кольеровский военно-исторический музей, где она специализируется на...

– Слушай, если ты такой умный, зачем ты вообще обращался ко мне?! – вспыхнула Гленда. – В следующий раз сам будешь рыться в Интернете, понятно?

– У меня это займет слишком много времени – я не так ловко обращаюсь с «мышью», как ты, дорогая, – пошутил Доусон.

– А по-моему, ты просто лентяй! – отрезала она.

– Я не лентяй! У меня каждая минутка на счету, а ты действительно умеешь собирать информацию намного быстрее меня.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что твое время дороже моего?

– Нет, что ты! Ни в коем случае. Просто я действительно не могу обойтись без твоей помощи. Впрочем, я тебе уже много раз об этом говорил.

– Говорить-то ты говорил... – с сомнением пробормотала Гленда. – У меня тут есть фотографии этой мисс Нулан. Выглядит она ничего – баллов на восемь по десятибалльной шкале.

– Ближе к девяти, – поправил Доусон. – С половиной.

– Черт тебя подери, Доусон! Если я только узнаю, что ты заставил меня выкапывать все это дерьмо только потому, что девчонка тебе приглянулась... Тут тебе не брачное агентство!

– Гленда, клянусь чем хочешь – все, что ты нарыла, необходимо мне для статьи и только для статьи. Ни для чего больше!

– Для статьи, о которой ты не хочешь рассказывать Хэрриет.

– Дело не в моем желании... Просто еще рано. – Доусон огляделся и увидел, что в коридоре почти никого не осталось. Ему тоже пора было уходить, пока его не выставили. У него оставалось еще несколько вопросов, и он боялся, что если не задаст их сейчас, пока Гленда пребывает в относительно покладистом настроении, то потом ему придется потратить вдвое больше усилий, чтобы получить вразумительные ответы.

– Тебе не попался ее теперешний адрес? Где она живет?

– Попался. Ее последний адрес в Саванне – одноквартирный дом на Джонс-стрит. По-видимому, съемный, так как он записан на другого собственника.

– Вот как?.. – Учítывая все, что случилось, Доусон сомневался, что Амелия все еще живет там. – А где жил уважаемый конгрессмен?

Гленда быстро продиктовала ему адрес и добавила:

– На одном из сайтов было несколько фотографий. Это очень живописный особняк в колониальном стиле – белые колонны, крытая веранда, могучие дубы перед фасадом. Настоящая Тара¹⁴.

– Сейчас там кто-нибудь живет?

– Понятия не имею.

– Попробуй выяснить, о'кей? И заодно – уточни нынешний адрес мисс Нулан. Это важно.

– Между прочим, Доусон, завтра начинаются праздничные выходные. И хотя мы будем отмечать День *труда*, я вовсе не собираюсь вкалывать сверхурочно. Даже ради твоих прекрасных глаз.

– Только не бросай меня! Ты не можешь поступить так со мной, Гленда! Ведь ты же любишь меня, правда?

– Мечтай-мечтай...

Ухмыльнувшись, Доусон направился к лифтам.

– Мне пригодится любая информация по этим двоим, – сказал он в телефон. – Как только что-то нароешь – сразу звони, присылай СМС или пиши на мою электронную почту. В любое время, Гленда, слышишь?

– У меня, между прочим, тоже есть дела, Доусон. И своя личная жизнь. Правда, плохонькая, но все-таки...

– Да, совсем забыл!.. – спохватился Доусон. – От чего умер конгрессмен Нулан?

– А-а, наконец-то! – засмеялась Гленда. – Я все ждала, когда же ты спросишь!..

– А в чем дело? – насторожился он.

– В том, что это-то и есть самое интересное...

ДНЕВНИК ФЛОРЫ ШТИММЕЛЬ

23 января 1978 г.

Сегодня был просто кошмарный день, потому что Карл опять на меня наорал.

Впрочем, я сама виновата – не надо было его сердить. В последнее время он очень нервничает: мы должны были купить крупную партию оружия, но сделка сорвалась. А все из-за этих кубинцев – торговцев наркотой, у которых денег куры не клюют. (Я уверена, что у них очень много денег, потому что половина людей в Майами, похоже, постоянно находится под кайфом. А где бы они взяли столько дури? Только у кубинцев!) Тот парень, который хотел продать нам оружие, загнал его кубинцам, потому что они предложили лучшую цену. Конечно, Карл разозлился! Вот уже три дня он в ужасном настроении – просто не подходит!

Сначала он даже хотел выследить кубинцев, убить и забрать оружие. Но Хлыст (я до сих пор не знаю настоящего имени этого парня) уговорил его не делать этого. Он сказал – только полный придурок станет связываться с кубинским отродьем. По его словам, это такой народ, что отрезать кому-то голову им так же легко, как перекреститься. Правда, Карл ответил, что тому, кто умеет стрелять первым, никто бабку не отрежет. Но я заметила, что он призадумался. Совсем чуть-чуть, но все-таки призадумался.

К счастью, у Хлыста оказалась с собой какая-то хорошая дурь, очень забористая (наверное, он купил ее у тех же кубинцев). Они покурили, и Карл немного отошел. Во всяком случае, нам с Хлыстом все-таки удалось убедить его не мстить кубинцам.

Я вообще не хочу, чтобы началась война – ни с кубинцами, и ни с кем другим, потому что боюсь за Джереми. Но каждый раз, когда я говорю об этом Карлу, он только зубоскалит: мол, никто на свете не посмеет тронуть его сына. Я, правда, думаю, что кубинцы вряд ли

¹⁴ Имеется в виду поместье О'Хара, описанное в романе М. Митчелл «Унесенные ветром».

так уж боятся Карла. В глубине души он, наверное, сам это понимает. Во всяком случае, он пока еще никого из них не застрелил.

Кстати, может быть, он так нервничает именно поэтому. Ему скучно, только и всего. После того случая, когда мы брали банк в Луизиане и копы подстрелили Джима, нам пришлось залечь на дно. По телевизору так и сказали, мол, один из грабителей погиб в перестрелке с полицией. Но Карл не доверяет журналистам. Он говорит, им наврать – раз плюнуть. Типа телевизионщики – просто тупые марионетки, которые повторяют все, что велят им легавые и политики.

Карл думает, что, если Джим умер не сразу после того, как его подстрелили, он мог рассказать копам о нас. Вот почему мы перебрались в Миссисипи и живем теперь в старом автоприцепе – у парня, о котором Джим не знал. Так что, даже если Джим и проболтался перед смертью, полиция нас ни за что не найдет.

Мне, правда, не очень хотелось куда-то переезжать, потому что мы с Джереми простудились – у нас был кашель, насморк и очень болело горло. Джереми кашлял даже сильнее, чем я. Такой кашель моя бабушка называла «крупозным» – уж не знаю почему. Разумеется, о том, чтобы показать мальчика врачу, не могло быть и речи. Я даже не стала заговаривать об этом с Карлом. Я и так знаю, что он мне скажет.

Парня, у которого мы поселились, звать Рэнди. Он восхищается Карлом и считает его отважным героем. К нам Рэнди тоже относится очень хорошо, хотя ночью Джереми наверняка мешал ему спать своим кашлем. Рэнди даже купил ему сироп от кашля, хотя, возможно, вовсе не потому, что он такой добрый – просто ему хочется спокойно спать по ночам. Как бы там ни было, он принес нам этот сироп, хотя я его ни о чем таком не просила.

Слава богу, через пару дней Джереми стало полегче. Он перестал капризничать и плакать по всякому поводу и начал почти нормально кушать, хотя раньше каждую ложку приходилось запихивать ему в рот буквально с боем. Это очень хорошо, потому что Карл решил, что нам пора менять место жительства. Мы переехали во Флориду. У Карла хорошо работает интуиция, он называет ее «мое шестое чувство». Оно и подсказало ему, что нас разыскивают уже не так активно и во Флориде нам ничто не грозит.

Если, конечно, мы не станем делать глупости, которые могут привлечь внимание властей.

Майами, в общем-то, неплохой город. Но дом, в котором мы поселились, мне не нравится. В нем полно мышей, которые надо мной буквально надсмехаются! Разумеется, я их ловлю – каждый вечер я расставляю по углам и вдоль плинтусов мышеловки-давилки, а потом всю ночь слушаю, как с лязгом срабатывают пружины. Ненавижу этот звук! Кроме того, по утрам мне приходится выбрасыватьдохлых мышей. Мне не нравится, что по ночам они шуршат под диваном и бегают по комнате. Но еще меньше мне нравится смотреть на их обмякшие серые трупики. Впрочем, сколько бы мышей ни попадалось в мои мышеловки, на следующий день их становится еще больше, чем было. Тараканов в доме тоже хватает! Причем некоторые из них такие же большие, как мыши.

Подружка Хлыста мне тоже не нравится. Она очень хитрая и себе на уме. Чем-то она похожа на кошку, которую мои родители держали, когда я была маленькая. У кошки не было одного глаза, что само по себе выглядело страшновато. К тому же эта тварь просто обожала бросаться на меня из-за угла. Я была рада, когда она заползла под дом и сдохла.

Хлыстова подружка такая же, как эта кошка. Правда, на меня она не бросается (пока) и оба глаза у нее на месте, но мне она все равно не нравится. Во-первых, она очень много о себе воображает и постоянно выделывается перед нами, в особенности перед Карлом! А во-вторых, она просто ненавидит меня и Джереми. Вчера, когда она красила себе ногти на ногтях, Джереми случайно опрокинул флакончик с лаком. Всего-то капля и вылилась, к тому же я сразу ее вытерла, но Хлыстова подружка все равно уципнула моего сына за руку. Очень

больно. Джереми взвизнул, а я бросилась на нее. На шум прибежали мужчины, они нас растащили. И это хорошо, потому что я бы, наверное, ее убила. На ручке у Джереми остался большой синяк, и на Карла это тоже подействовало. Настроение у него стало еще хуже, поэтому когда сегодня он увидел меня с фотоаппаратом, то буквально взорвался.

Старый «Полароид» я нашла в шкафу, когда устанавливала там очередную мышеловку. Хлыст сказал – я могу его взять, чтобы сделать несколько фотографий Джереми. Правда, Карл не разрешал мне нас фотографировать, но я очень хотела сделать хотя бы несколько снимков маленького Джереми.

Должно быть, меня выдал запах. В этих аппаратах содержатся разные химические вещества, которые воздействуют на фотобумагу, поэтому готовые снимки довольно сильно пахнут. Карл сразу почувствовал этот запах и застал меня с поличным. Выхватив у меня аппарат, он бил его об угол кухонного стола, пока тот не развалился на куски, и так ругался, что напугал Джереми. Мой мальчик расплакался от испуга, а Карл разорвал снимки, которые я успела сделать, и заорал, чтобы я никогда больше не смела фотографировать сына, иначе он мне задаст.

После этого инцидента Хлыст сказал, что мы, похоже, слишком загостились. Карл не возражал – мы уедем завтра. Мне не жаль покидать это мышинное гнездо, да и по подруге Хлыста я тоже скучать не стану. Единственное, что здесь было хорошо, это погода – на юге Флориды всегда тепло (прошлую зиму мы провели в Миннесоте, где я постоянно мерзла). Но жаловаться я не собираюсь. Не важно, куда мы отправимся, главное для меня – быть с Джереми.

О том, что я скажу Джереми, когда он вырастет и начнет понимать – его родители живут не как другие люди, потому что скрываются от закона, я боюсь даже загадывать. Конечно, я мечтаю о нормальной жизни, о том, чтобы жить всей семьей на одном месте и ни от кого не прятаться, но... Вряд ли моя мечта когда-нибудь осуществится, так что лучше вообще об этом не думать.

Карл все чаще и чаще обсуждает темы, которые меня пугают. Он говорит, что наш образ жизни не подходит для ребенка, что через несколько лет Джереми нужно будет учиться в школе и так далее, и так далее. Каждый раз, когда Карл заговаривает об этом, у меня внутри все холодеет. Я-то знаю: если он вбил себе в голову какую-то идею, то ни за что от нее не откажется! Поэтому начинаю бояться, что Карл просто бросит нашего сына – оставит где-нибудь на вокзале или автобусной станции, чтобы его отдали в приют.

В последнее время я все чаще и чаще вспоминаю тот ужасный день в Голденбранче. Это был, наверное, самый страшный день в моей жизни. Схватки были такими сильными и мучительными, что я думала – я непременно умру. А тут еще вся эта стрельба!.. Господи, как же мне было страшно!..

Когда Карл наклонился ко мне и сказал, что все наши убиты и что он должен немедленно уходить, я ему не поверила. Я не хотела верить, что он меня бросит. Кровь хлестала из меня, как из зарезанной свиньи, каждое движение причиняло мучительную боль, но он говорил совершенно серьезно... Я видела, что он говорит серьезно. Хочу ли я, спросил Карл, чтобы его убили или арестовали? И добавил, что это непременно случится, если он задержится хоть на несколько минут.

Наверное, именно тогда и решилась моя судьба. Мне было очень больно, но я тоже не хотела, чтобы меня убили или посадили в тюрьму... Наверное, это и есть трусость. Худшая разновидность трусости. Как бы там ни было, я сказала, что хочу уйти с ним.

Тот день был холодным и дождливым. Я помню, как мы бежали через лес, продираясь через мокрые кусты к поляне, где Карл прятал машину. Я так сильно прижимала к себе Джереми, что едва не задушила. Я боялась споткнуться и упасть, боялась, что он заплачет и

выдаст нас, но больше всего я боялась, что, если мы отстанем, Карл нас бросит и уедет один. Мне и так повезло, что он согласился взять нас с собой.

Это было давно. Теперь мы в безопасности, и нам ничто не грозит. Но все равно каждый раз, когда я вспоминаю тот ужасный день, я плачу и плачу и никак не могу остановиться.

Глава 4

- Ну, ма-ам...
- Сначала поешь, потом можешь продолжить.
- Ну еще пять минут!..
- После обеда.
- Ну еще минуточку!..

Уперев кулаки в бока, Амелия строго взглянула на своего шестилетнего сына. Этого оказалось достаточно. Хантер покорно вздохнул.

- Ну ладно... – разочарованно протянул он и вышел из воды. – Мы так хорошо играли!..

Амелия накинула на плечи сыну мохнатое пляжное полотенце, а уголком вытерла ему с лица соленую воду.

– Вот странно, – сказала она, – стоит мне только позвать вас обедать, всякий раз оказывается, что вы «хорошо играли»!.. Почему это, ты не знаешь? А ну-ка, кто первым добежит до зонтика?

И она трусой побежала по направлению к большому пляжному зонту, под которым они устроились. Грант был уже там и рылся в большой сумке для пикника. На половине пути Амелия немного замедлила бег, чтобы Хантер мог ее догнать, и невольно улыбнулась, глядя, как проворно старший сын работает своими крепкими ножками. Похоже, подумала она, еще немного, и ей будет уже не нужно ему поддаваться.

Песок под ногами был теплым, но не горячим. Солнце светило по-южному жарко, но с моря дул свежий ветер, и зной почти не чувствовался. Набрав полную грудь соленого морского воздуха, Амелия снова улыбнулась. Для нее этот остров был самым любимым местом на свете! Когда она приезжала сюда, все заботы отступали. Она могла позволить себе просто отдыхать, ни о чем не думая и не тревожась. Суд, адвокаты, присяжные, прокурор, необходимость стоять перед всеми и давать показания казались ей сейчас чем-то очень далеким, почти выдуманым. Мысленно Амелия еще раз поблагодарила судью за то, что та подарила ей целых пять дней отдыха. Правда, потом ей все равно придется вернуться в зал судебных заседаний, где ее подвергнут перекрестному допросу. Но это будет еще очень не скоро. Сейчас Амелия твердо решила, что не будет думать ни о процессе, ни о тех страшных событиях, которые ему предшествовали. Вместо этого она постарается хорошенько отдохнуть и насладиться последними теплыми деньками вместе с сыновьями, которые в данный момент самозабвенно потрошили съестные припасы, добираясь до сэндвичей с арахисовым маслом и джемом.

– Я хочу этот! – Грант, которому только недавно исполнилось четыре, крепко прижал к груди завернутый в пищевую пленку сэндвич, оберегая добычу от старшего брата.

Сняв свою широкополую соломенную панаму, Амелия забралась под зонтик и с удовлетворенным вздохом опустилась на циновку.

– Хантер, оставь брата в покое и возьми себе другой сэндвич, – попросила она. – Они все одинаковые.

– Абсолютно одинаковые! – подтвердила Стефани Демарко, присоединяясь к ним. – Кто хочет «Капри сан»? – добавила она, ставя на песок между мальчиками небольшую сумку-холодильник.

Эту двадцатилетнюю студентку Амелия наняла в качестве няни для своих сыновей, причем сделка оказалась выгодной для всех заинтересованных сторон. Стеф (девушка просила, чтобы ее называли именно так) училась в колледже, где готовили учителей младших классов, поэтому ей казалось, что тесное общение с двумя мальчишками будет для нее хорошей педагогической практикой. Кроме того, Стеф была родом из засушливого Канзаса, поэтому она с радостью ухватилась за возможность провести три месяца на атлантическом побережье. Для

нее это было все равно что попасть в рай. Со своей стороны Амелия была очень довольна своей молодой няней, которая оказалась трудолюбивой и внимательной. К тому же Стеф была готова помогать ей все двадцать четыре часа в сутки, без всяких выходных. Именно благодаря постоянному присутствию няни Амелия смогла перебраться в коттедж на острове Сент-Нельда на все лето, вместо того чтобы приезжать сюда только на выходные. Пока няня занималась с детьми, Амелия работала в своем кабинете на верхнем этаже, а если в музее требовалось ее присутствие, ничто не мешало ей сесть на паром и отправиться в Саванну: Стеф готова была подменить ее в любой момент. Амелия была уверена, что оставляет детей в надежных руках.

Поблагодарив Стеф за принесенные напитки, Амелия в которой уже раз подумала, что эту девушку, должно быть, послали ей сами Небеса. Мальчики просто обожали свою няню, хотя она и была с ними достаточно строга и умела настоять на своем: они чистили зубы, принимали по вечерам ванну, ложились вовремя спать и вообще вели себя как следует. Днем Стеф играла с ними в разные игры и даже потихоньку учила читать, писать и рисовать.

Отношения между Стеф и Амелией тоже складывались прекрасно. Две женщины очень быстро подружились и общались скорее как старые знакомые, чем как наниматель и работник.

– Не представляю, зачем ты вообще ходишь на пляж, – заметила Стеф, протягивая Амелии бутылочку ледяного чая. – Ты каждый раз так кутаешься, что становишься похожа на Лоренса Аравийского.

В ответ Амелия рассмеялась и потрогала намокший подол своего тонкого пляжного халата.

– Когда мне было столько лет, сколько тебе, я тоже любила загорать, – сказала она.

– Я, конечно, знаю, что солнечные лучи могут быть вредны, – согласилась Стеф. – Но мне нравится, когда у меня загорелая кожа.

Амелия бросила одобрителный взгляд на роскошную фигуру Стеф, прикрытую в некоторых местах миниатюрным купальничком.

– У тебя очень красивый бронзовый загар, и он тебе идет, – сказала она, и Стеф рассмеялась.

Сразу после импровизированного обеда Амелия и няня заново натерли детей солнцезащитным кремом, после чего Хантер и Грант, подхватив свои совки и ведерки, снова отправились к полосе влажного песка у самой линии прибоя.

– Только не заходите в воду без меня! – крикнула Амелия вслед сыновьям.

– Хочешь, я немного побуду с ними? – предложила Стеф.

– Спасибо, конечно, но лучше я сама. В последнее время они меня почти не видели, да и я тоже без них соскучилась. Если хочешь помочь – съезди лучше в магазин. Список покупок я оставила на столе на кухне.

– Я видела. – Девушка кивнула. – Пожалуй, я куплю еще пищевую пленку – наша закончилась. Может, нужно что-нибудь еще?

– Пожалуй, прихвати еще пару электрических лампочек. Лампа на заднем крыльце перегорела, ее нужно заменить. И... можешь не спешить. На этой неделе я много отсутствовала, и мне хочется побыть с сыновьями. Да и тебе полагается «личное время», не так ли?

– Спасибо, босс!.. – Стеф шутливо козырнула и, легко поднявшись, быстро зашагала через песчаную полосу, отделяющую коттедж от пляжа. Амелия снова надела свою панаму и присоединилась к Хантеру и Гранту. Втроем они зашли в воду, чтобы немного поиграть в мяч.

– Мне казалось, этот мяч сдулся, – заметила она, бросая яркий оранжево-желто-синий мяч старшему сыну. В последний раз Амелия видела мячик дня три назад – он валялся в углу веранды такой жалкий и скукоженный.

– Он починился, – сообщил Хантер.

– А ты поблагодарил Стеф за то, что она его заклеила? – спросила Амелия.

– Это не она. Он сам починился. Смотри, как я умею! – И он рыбкой нырнул в набежавшую на берег волну. Грант попытался повторить прыжок, но шлепнулся в воду животом, подняв тучу брызг.

Мальчишки возились и плескались на мелководье, пока не устали. Потом они вышли на берег и стали строить из песка средневековый замок – с зубчатой стеной, башенками и рвом, который сразу заполнялся морской водой.

– Это чтобы защищать замок от врагов? – поинтересовалась Амелия.

– И от драконов, – ответил Грант.

Хантер закатил глаза.

– Глупый! Никаких драконов не бывает!

– Нет, они есть!

– Не смей называть своего брата глупым, – вмешалась Амелия. – Никогда! Понятно?

– Поня-ятно... Только скажи ему, что драконы – это выдумки.

– Выдумки или нет, но этот ров их точно задержит, – дипломатично заметила она.

Какое-то время спустя они вернулись под зонт и легли на циновку, и Амелия стала читать им сказку. Она прочла одну и начала вторую – из другой книжки, но прежде чем она закончила, Грант уснул, удобно положив голову к ней на колени. Какое-то время спустя Хантер перевернулся на живот и, опустив голову на руку, тоже задремал.

Отложив книгу в сторону, Амелия долго смотрела на сыновей – на свое главное и единственное сокровище. У Хантера были темные, вьющиеся волосы, как у ее отца. У Гранта волосы были прямыми и более светлыми, с легкой рыжиной, как у нее. Глаза у обоих были голубыми, и Амелия уже не раз благодарила за это прихотливые законы наследственности. Меньше всего ей хотелось, чтобы глаза у ее сыновей были карими, как у Джереми. Правда, когда-то глаза мужа ей очень нравились, но это было очень давно – целую жизнь назад, еще в те времена, когда Джереми еще умел смотреть на нее с любовью и обожанием. С тех пор действительно прошла целая жизнь, нет – целая вечность. Во всяком случае, когда Джереми смотрел на нее в последний раз, в его глазах она читала только ненависть и гнев.

Поежившись, как от холода, Амелия постаралась отогнать от себя непрошенные мысли и стала любоваться морем. Потом она откинулась на спину и, обняв сыновей обеими руками, заснула.

* * *

На ужин были спагетти болоньезе. Пока дети ели, Амелия спросила у Стеф, не она ли починила мяч.

– С этим мячом какая-то странная история, – ответила няня, помогая Гранту накрутить макароны на вилку. – Вообще-то я его выбросила пару дней назад. Но вчера он снова оказался на веранде – аккуратно заклеенный и надутый. Я думала, это ты сделала.

– Нет, не я... – Амелия слегка пожалала плечами. – Действительно странно! Не мог же он сам себе заплатку на бок наклеить?!

– Это, наверное, Берни, – отмахнулась Стеф небрежно. В данный момент ее куда больше беспокоили макароны, которые Грант уронил на скатерть, чем тайна починенного мяча.

Когда ужин был закончен, Амелия сказала:

– Если ты уберешь со стола, я сама детей выкупаю.

– Ты уверена? Прибраться – минутное дело, а вот купать этих пиратов задача потруднее.

– Это верно, – улыбнулась Амелия. – Но я слишком по ним соскучилась. На этой неделе мне, честно говоря, было не до них: даже когда я была здесь, то большей частью все равно думала о другом.

– Я понимаю... – Стеф сгрузила грязные тарелки в раковину и добавила нерешительно: – Сегодня в местной газете опубликовали подробный отчет о процессе и... и о твоих показаниях. Я на всякий случай купила один экземпляр – вдруг ты захочешь посмотреть.

– Нет, не захочу, – заверила Амелия. – Всю неделю я даже телевизор выключала, когда передавали новости. Все, что мне нужно знать об этом деле, я знаю, а домыслы журналистов меня не интересуют.

И она велела сыновьям идти наверх. Хантер и Грант немного поныли, но послушались. Совсем скоро оба сидели в ванне, и Амелия опустилась рядом на колени, чтобы самой отмерить и растворить в воде нужное количество шампуня (мальчики частенько злоупотребляли этим средством, так что белоснежная гора пены поднималась чуть не до потолка ванной комнаты). Прежде чем опустить руку в воду, Амелия машинально попыталась снять часы, но обнаружила, что их нет на запястье.

Черт!

Часы были сравнительно дешевыми – без бриллиантов и прочих наворотов, – но они были дóроги Амелии как память об отце. Дэвис Нулан подарил их ей незадолго до смерти, и она ими очень дорожила. Разглядывая голое запястье, Амелия попыталась прикинуть, где она могла их потерять. Может, машинально сняла, когда готовила сэндвичи на обед? Или положила в пляжную сумку, прежде чем бежать с мальчиками в воду? Возможно, так и было. Но Амелия не зафиксировала в памяти что-либо подобное.

Ее размышления прервала голубоватая струя жидкого мыла, вылетевшая из флакончика прямым курсом ей на рубашку. Дети не теряли времени даром. Увидев, что мама задумалась, завладели пластиковой бутылочкой с яркой наклейкой.

– Ну, хватит! Успокойтесь!..

Когда купание закончилось, Амелия была мокра с ног до головы. Она проследила за тем, как дети почистят зубы, одела обоих в пижамки и выслушала их вечерние молитвы. Когда наконец Амелия погасила в спальне свет, сил у нее оставалось совсем чуть-чуть. Их едва хватило на то, чтобы спуститься в кухню и подкрепиться стаканчиком охлажденного белого вина. В кухне она застала Стеф, перекладывающую посуду в буфете.

– Я где-то посеяла свои часы, – сказала Амелия, доставая из холодильника бутылку и наливая себе вина. – Они тебе не попадались?

– Нет, но если я их где-нибудь увижу...

– А-а, найдутся! – Амелия сделала глоток вина и даже зажмурилась от удовольствия. – Ты и так постоянно мне помогаешь. Может, увеличить тебе зарплату?

– Нет-нет, мне хватает! – рассмеялась Стеф. – Но вот если бы ты сегодня отпустила меня на пару часиков, я была бы тебе очень признательна.

– Конечно, Стеф. Можешь даже взять мою машину.

– О, огромное спасибо! Ездить ночью на велосипеде не очень-то приятно.

– А куда это ты собралась, если не секрет?

Стеф хихикнула.

– На этом острове не так много мест, где приличная девушка могла бы расслабиться.

Амелия кивнула. Сент-Нельда был маленьким островом, который соединяла с континентом паромная переправа, поэтому именно около пристани сосредоточилась вся островная инфраструктура: универмаг, контора по прокату лодок и катеров, заправочная станция, где торговали как автомобильным бензином, так и топливом для лодочных моторов. А кроме того, магазин рыболовных снастей, почта, офис риелторской фирмы, работавший, впрочем, только по выходным, когда на остров валом валили отдыхающие. И конечно, кафе и бар под названием «У Микки». Кафе закрывалось сравнительно рано, поэтому бар оставался единственным местом, где кипела ночная жизнь.

– Поедешь к «Микки»? – догадалась Амелия, и Стеф кивнула. – Неужели познакомилась с каким-нибудь красавцем-мачо?

Стеф снова хихикнула и порозовела.

– Может быть.

– А как зовут этого твоего мистера Может Быть?

– Дирк.

– Дирк? Чем он занимается?

– Точно не скажу. Кажется, ловит рыбу или, может быть, возит приезжих рыбаков туда, где клев лучше. А может, просто обслуживает лодочные моторы.

– Так, значит, он местный? Как его фамилия? Может быть, я знакома с ним или с кем-нибудь из его родных?

Стеф покачала головой:

– Нет, Дирк здесь первый сезон.

– Познакомишь?

– Там видно будет... – Стеф улыбнулась, но сразу посерьезнела: – А ты правда не против, что я немного развлежусь? Как ты будешь тут одна?

– Думаю, что справлюсь. Мне было восемнадцать, когда папа впервые разрешил мне отдыхать здесь в полном одиночестве, так что я привыкла.

– Я не о том. Все-таки у тебя была тяжелая неделя.

– Ничего страшного. Вот приму горячую ванну, и усталость как рукой снимет. – Амелия отсалютовала Стеф бокалом. – Спасибо за заботу, но...

– Что ж, горячая ванна – это действительно то, что надо, – согласилась Стеф и, взяв со столика сумочку, сняла с крючка автомобильные ключи (только сейчас Амелия обратила внимание, что няня не только надела новые джинсы, но и накрашила ресницы). – Ладно, я все равно постараюсь не слишком задерживаться.

Она направилась к задней двери, и Амелия пошла за ней, чтобы закрыть замок. Увидев, что крыльцо ярко освещено, она сказала:

– Спасибо, что заменила лампочку.

Стеф, которая уже спустилась со ступенек и направлялась к автомобилю, остановилась.

– Я ее не меняла. Должно быть, лампа разболталась в патроне и погасла, а потом ее раскачал ветер, и она снова включилась. Так бывает.

Стеф села в машину и уехала, а Амелия еще долго стояла на пороге. Одной рукой она держалась за дверной косяк, а другую непроизвольно прижала к сердцу, которое билось так часто, что, казалось, готово было выскочить из груди. Она точно знала, что лампа над задним крыльцом не могла включиться по мановению волшебной палочки, потому что своими руками выкрутила ее из патрона и, убедившись, что вольфрамовый волосок внутри перегорел, выбросила в мусорное ведро.

* * *

Загадочная электрическая лампочка и непонятным образом «починившийся» мяч занимали Амелию не слишком долго. Куда больше ее заботило, где именно она могла оставить часы. Как только Стеф уехала, Амелия отправилась в хозяйственную комнату и несколько раз тщательно просмотрела содержимое пляжной сумки. Но сколько она в ней ни рылась, так ничего и не нашла. Потом она проверила кухонный подоконник и полочку рядом с раковиной, куда иногда клала часы, собираясь мыть посуду, и даже заглянула в мусорное ведро. Убедившись, что часов нигде нет, Амелия поднялась наверх и окинула придирчивым взглядом свою спальню и ванную комнату, уделив особое внимание корзине с грязным бельем. Оттуда она извлекла

пару кубиков от детского конструктора «Лего», однако никаких других посторонних предметов среди использованных наволочек и простыней не оказалось.

Присев на краешек кровати, Амелия попыталась восстановить в памяти события сегодняшнего дня. Она отчетливо помнила, как натянула купальник, надела сверху пляжный халат и застегнула на руке часы. Потом они с детьми отправились на пляж, и... Кажется, она все-таки обронила часы на берегу...

Поднявшись, Амелия потихоньку заглянула в детскую спальню и, убедившись, что оба мальчугана крепко спят, вернулась в кухню. Отыскав в ящике буфета электрический фонарик, она проверила заряд батареек и бесшумно вышла из дома.

Дощатая дорожка, которая вела от дома к пляжу, была не слишком широкой – фута два или около того. Старые доски давно рассохлись и потрескались, и Амелия не разрешала детям бегать по дорожке босиком, чтобы те не занозили или не прищемили ноги. Сама она, однако, не боялась ходить по старым доскам без обуви – Амелия отдыхала в коттедже уже много лет и успела выучить каждую щелочку, каждый сучок. Кроме того, за эти годы ее подошвы успели в достаточной степени затвердеть, чтобы она могла не бояться мелких заноз. Пожалуй, теперь ее мог бы серьезно поранить только вылезший из старых планок гвоздь.

В свете фонарика замаячили пучки меч-травы на вершинах дюн. Ее стебли негромко шуршали, склоняясь под порывами ветра, и Амелия невольно подумала о том, как хорошо знаком ей этот звук. Она помнила его еще с тех пор, когда отец, сидя на веранде на качелях, предупреждал ее беречься медуз. И даже еще раньше: с тех пор, когда мать, что-то мурлыча себе под нос, чистила свежие персики для фруктового пирога. И сегодня трава все так же шелестела, и все так же над морем взошла луна. Правда, даже если бы ночное светило успело подняться достаточно высоко, толку от него было бы мало. Сегодня луна напоминала тоненький серпик, почти не дававший света; ее отец, бывало, называл такую луну «обрезком божественного ногтя».

Сама того не заметив, Амелия поддалась ностальгии по давно прошедшим временам, которая оказалась намного сильнее, чем ласковый ночной прибой. Морские волны негромко шипели, накатываясь на берег, и, отступая, оставляли на мокром песке белые разводы, которые в пляшущем свете фонарика напоминали тонкое, как паутина, кружево. Белели в темноте торчащие из песка острые обломки раковин. Стараясь не наступать на них, Амелия прошла вдоль самой линии прибоя, высматривая, не блеснет ли где-нибудь золотой браслет.

Но часов нигде не было. Амелия развернулась и двинулась в обратную сторону, ориентируясь на свет в окнах коттеджа. На этот раз она шла, держась несколько дальше от линии прибоя, где песок был почти сухим. Однако и там ее поиски не принесли результата. Наконец Амелия осознала тщетность своих усилий. Если она обронила часы здесь, их, должно быть, унесло в море приливом или так забросало песком, что найти их можно только с металлоискателем, которого у нее, конечно, не было. Несмотря на это, Амелия продолжила поиск на берегу в том месте, где днем стоял их зонтик от солнца. Она довольно скоро отыскала в песке углубление, оставшееся от центральной опоры, и, опустившись на колени, запустила руки в песок, но нашла только несколько некрупных камней.

В конце концов Амелия выпрямилась, рассеянно потирая правой рукой левое запястье, на котором обычно носила часы. Ну почему, почему она не потеряла что-нибудь другое?! Мать когда-то учила ее никогда не плакать из-за потерянных или сломанных вещей, как бы жалко их ни было и сколько бы они ни стоили, однако сейчас глаза Амелии защищало от подступивших слез. В конце концов, это были не просто часы – с ними у нее была связана живая память об отце. Даже если бы она купила новые, точно такие же, ей не стало бы легче. Часы, которые она потеряла, нельзя было заменить ничем, как нельзя было вернуть тех, кто умер.

С сожалением вздохнув, Амелия выпрямилась во весь рост и, повернувшись к океану, долго смотрела на воду и на луну. Она до сих пор скучала по матери. Но это была хорошо

знакомая, почти привычная тупая боль, поскольку мама умерла уже очень давно. А вот рана, оставленная в ее сердце гибелью отца, все еще саднила.

Внезапно, как это нередко бывало, Амелия почувствовала себя очень одинокой.

Одинокой, но... не в одиночестве.

Охваченная совершенно необъяснимым страхом, она быстро обернулась. Отдыхающие – те, кто приезжал на остров на все лето – к Дню труда уже разъезжались по домам, поэтому выстроившиеся вдоль побережья коттеджи, включая дом ее соседа Берни, оставались темными и мрачными. Нигде не видно было ни огонька: поблизости не горел ни один костер, да и вдалеке в море она различила топовые огни только одной лодки или катера, который болтался на якоре довольно далеко от берега. Ветер тоже не доносил никаких звуков – ни музыки, ни смеха, вполне обычных для летнего сезона. И все же Амелия кожей чувствовала, что она не одна.

Это ощущение было настолько отчетливым, что у нее по спине пробежали мурашки. Хотя она и пыталась уверить себя, что во всем виноват дующий с моря холодный ветер. Подавив в себе иррациональное желание погасить фонарик, Амелия быстро зашагала по направлению к дощатой дорожке. Непроизвольно она все ускоряла шаг, и к тому моменту, когда перед ней появились ярко освещенные ступени крыльца, Амелия уже почти бежала. Тяжело дыша и поминутно вытирая покрытый испариной лоб, она ворвалась в дом и, захлопнув за собой дверь, задвинула тяжелый железный засов. Ее тревога была столь велика, что, не дав себе ни минуты передышки, Амелия обошла комнаты первого этажа, хотя и не могла объяснить себе, что или кого она рассчитывала там обнаружить. Впрочем, убедившись, что окна на первом этаже не просто закрыты, но и заперты, Амелия немного успокоилась и даже почувствовала легкое смущение от того, что так легко поддалась панике. Взяв себя в руки, она прошла на кухню и налила себе еще бокал вина. Держа его в руках, Амелия поднялась в детскую. Сыновья крепко спали, и она с облегчением выдохнула. Допив вино, Амелия пошла к себе и легла.

Но заснуть ей никак не удавалось. Только несколько часов спустя, когда снаружи раздался приглушенный рокот двигателя и она услышала, как Стеф почти бесшумно поднялась к себе в комнату, Амелия сумела наконец закрыть глаза и забыться тревожным сном.

* * *

– Тук-тук? Можно?.. – Прежде чем Амелия успела отозваться, дверь черного хода отворилась, и в щели показалась растрепанная седая шевелюра. – Кто-нибудь есть дома?!

– Берни!

– Дядя Берни!

Выскочив из-за стола, за которым они завтракали, Хантер и Грант бросились навстречу соседу. Обоих привлек огромный пластиковый пакет, который тот держал в руках.

– Что ты нам принес, дядя Берни? – наперебой кричали мальчики. – Скажи скорее – что?!

– Эй, молодые люди! Не забывайте о хороших манерах! – одернула их Амелия.

Берни рассмеялся.

– Ничего страшного, ничего страшного... Я действительно кое-что принес твоим ребятам. Только пусть сперва чемпионы доедят завтрак, тогда и получат!..

Амелия благодарно кивнула, а Хантер и его младший брат бросились обратно и стали торопливо запихивать за щеки овсянку на молоке.

– Выпьешь с нами кофе, Берни? – предложила Амелия.

– Спасибо, с удовольствием. Да сиди, я уж сам... Поди, не в первый раз, верно? – И он подошел к буфету, где на верхней полке хранилась его личная кружка с отбитой ручкой. У Берни были больные ноги; одну из бедренных костей ему даже заменили титановым стержнем, поэтому он всегда ходил немного враскоряку. Амелии показалось, что сейчас Берни прихрамывает даже больше обычного. Что ж, старость не радость, подумала она с сочувствием.

Берни налил себе кофе и подсел к столу.

– А я уж хотела на тебя обидеться, – сказала Амелия с улыбкой.

– Это еще за что? – удивился старик, дуя на свой горячий кофе.

– Подумала, что, пока я была в Саванне, ты уехал. – Зимой Берни жил где-то в Северном Мичигане.

– Не попрощавшись с тобой? Да ни за что!

– Вчера вечером у тебя было темно.

– Вчера я весь день собирал вещи, потом прибирался... Устал как собака, вот и лег пораньше.

– Понятно. – Амелия кивнула. – Разве фирма, у которой мы снимаем дома, не делает генеральную уборку после отъезда жильцов? У нее есть для этого специально обученные люди. Зачем же было самому напрягаться?

– Я знаю, просто не хочу оставлять после себя свинарник. Не люблю, когда посторонние люди роются в моем мусоре.

– Тогда почему не позвал на помощь меня или Стеф?

Берни улыбнулся:

– Я видел вас на пляже, и мне показалось, вы прекрасно проводите время. Не хотелось вас отвлекать.

– Грант, вытри губы, пожалуйста, – проговорила Амелия и только закатила глаза, когда младший сын с готовностью вытер рот подолом футболки. Берни снова ухмыльнулся.

– Когда же ты уезжаешь? – спросила она.

– Послезавтра. Пора возвращаться домой, готовиться к долгой зимовке.

– Не хочешь немного задержаться, пока погода позволяет? Или вообще переселиться на остров и жить здесь постоянно?

Берни покачал головой.

– Мой дом там, в Мичигане, – сказал он с ноткой грусти в голосе. – Ты ведь сама знаешь, как это бывает.

Амелия кивнула. Она знала, что Берни и его жена, о которой он часто вспоминал, много лет прожили на одном и том же месте. Жена умерла довольно давно, но старик до сих пор по ней тосковал и не хотел покидать город, в котором она была похоронена. Берни много раз говорил, что, когда придет его час, он хотел бы лежать рядом с человеком, которого любит.

– Ну, тогда хотя бы попрощаемся, как следует, – сказала Амелия и, перегнувшись через стол, похлопала старика по руке.

– Привет, Берни!.. – сказала Стеф, проходя через кухню в прачечную с охалкой простыней. – Потрясающе выглядишь! И рубашка отличная, кстати. Последний писк!

Рубашка у старика была ярко-розовой, как оперение фламинго, в тон розовых полосок на его широких шортах-бермудах.

– Спасибо. Это новая...

Амелия спрятала улыбку. Шутливые заигрывания юной няни неизменно смущали старика.

Тем временем Стеф вернулась в кухню.

– А это что? – спросила она, показывая на большой пакет, который Берни прислонил к стене у двери.

– Это мой прощальный подарок мальчишкам.

– Ой, а можно нам уже посмотреть? – Хантер оттолкнул свою пустую тарелку и резво спрыгнул с табуретки. – Мы уже поели, мам, вот, смотри!..

– Да, мам, пожалуйста! – пискнул Грант, торопливо доскребая остатки каши.

– Ну ладно, смотрите... – разрешила Амелия. – Только пусть дядя Берни вам поможет.

Старику, похоже, тоже не терпелось поскорее достать подарок. Открыв пакет, он вынул оттуда плоскую картонную коробку, на крышке которой был нарисован воздушный змей в виде пиратской шхуны. Это была довольно сложная игрушка, точно повторявшая форму парусника со множеством парусов.

– Вот это да! – воскликнула Амелия. – Какой замечательный змей! А он правда полетит?

– Ой, дядя Берни, можно мы запустим его прямо сейчас? – наперебой закричали дети, и старик покосился на их мать.

– Можно? – спросил он, и Амелия рассмеялась.

– Конечно. Только наденьте сандалии! – добавила она вслед детям, устремившимся к двери.

– Я прослежу, чтобы они обулись, – сказала Стеф и тоже вышла. Берни ненадолго задержался.

– Наверное, мне следовало сначала посоветоваться с тобой, – сказал он, – но я увидел его в магазине в Тайби и сразу подумал о твоих мальчиках. Надеюсь, ты не против?

– Что ты, нисколько! Напротив, очень мило с твоей стороны. И, кстати, спасибо, что заклеил мяч...

Берни удивленно уставился на нее.

– Какой мяч?

– Большой, полосатый пляжный мяч... Разве это не ты?

– Нет. Наверное, это Стеф.

– Наверное. – Амелия улыбнулась, но вышло несколько напряженно. – Ладно, не стану тебя задерживать. Вижу, тебе и самому хочется поскорее запустить этого воздушного змея.

Ухмыляясь, как проказливый мальчишка, старик захромал к задней двери. Амелия проводила его взглядом. Улыбка сползла с ее лица. Непонятному происшествию с мячом – да и с новой лампочкой на заднем крыльце тоже – должно быть какое-то логическое объяснение. Она пыталась его найти, но не слишком преуспела. Беспокойство не оставляло ее, и, чтобы отвлечься, она начала собирать со стола посуду. Составив в посудомоечную машину грязные блюда и тарелки, Амелия налила себе еще одну чашку кофе. Выйдя с ней на веранду, опустилась в кресло-качалку.

Запуск змея был в самом разгаре. Держа в руках хрупкую конструкцию, Стеф бегала по песку вдоль линии прибоя, а Берни возбужденно размахивал руками и выкрикивал указания. Хантер и Грант носились вместе с няней, то и дело спотыкаясь и падая. В какой-то момент Стеф выпустила «пиратский корабль» из рук. Он начал взлетать, но тут же резко пошел вниз и зарылся носом в прибой. Берни что-то крикнул, Стеф снова схватила корабль в руки, и через минуту воздушный «корабль» уже гордо реял над пляжем, с каждой минутой поднимаясь все выше.

От этой картины веяло такой безмятежностью, что Амелия почувствовала, как у нее перехватило дыхание в горле, а на глаза навернулись слезы. Она была рада, что ее мальчишки счастливы. И в то же время она не могла не печалиться о том, что играть им приходится с наемной няней и стариком-соседом, а не с родным отцом. Настанет день, когда дети станут расспрашивать ее о Джереми, и она боялась, что это произойдет раньше, чем ей хотелось. Что она им скажет? Хантер и Грант знали, что их папа умер, но никаких подробностей она им не сообщала – оба были еще слишком малы. Но, в конце концов, они захотят узнать все, и ей придется им рассказать...

Фотография Джереми и сейчас стояла на тумбочке в детской спальне, но Амелия сомневалась, что дети ее замечают. Для них это всего лишь часть обстановки, не более. В последнее время дети все реже вспоминают об отце; в особенности это касалось Гранта, который в силу возраста почти не знал Джереми. Да и Хантер если что-то и помнил, то эти воспоминания не

доставляли ему слишком большой радости. Да и какая радость может быть в запахе перегара, пьяной брани и хлопанье дверьми?..

Конечно, Джереми был таким не всегда. На фото в детской спальне он красуется в военной форме: на красивом лице суровая мужественность и благородство. Эта фотография была сделана задолго до того, как они поженились, поэтому когда Амелия впервые ее увидела, то не удержалась и сказала:

«У тебя на ней такой вид, словно ты решаешь важнейшую геополитическую задачу!»

«Так и есть, – ответил он тогда. – Я обдумываю, как бы мне уложить тебя в постель и сделать своей женщиной. Навсегда».

«Что ж, в таком случае я готова сдать без сопротивления!» – рассмеялась она, и они поцеловались, а потом действительно легли в постель и долго занимались любовью. Как же давно это было!.. В те уже почти забытые времена жизнь казалась прекрасной, а будущее не обещало ничего, кроме безмятежного счастья.

Да, подумала Амелия, когда дети станут расспрашивать ее об отце, она должна подчеркнуть именно эту сторону его характера: умение смеяться и шутить, а также умение добиваться своего. Она расскажет им, как он месяц за месяцем ухаживал за ней преданно и трогательно, с искренним желанием оберегать. День за днем, пока наконец она не согласилась выйти за него замуж.

Поначалу, правда, Джереми был слегка подавлен видом огромного особняка в плантаторском стиле, в котором она выросла. Он был еще больше потрясен, когда узнал, с какими известными политиками – представителями высшей государственной власти запросто общается ее отец. Однако Джереми не сдался. Именно его твердая решимость войти в круг избранных и стать в нем своим покорила Амелию, заставила ее отдать свое сердце человеку, который, строго говоря, принадлежал совсем к другому социальному слою.

И все равно те, с кем обычно общались конгрессмен и его дочь, сочли бы подобный союз мезальянсом, если бы не служба Джереми в Ираке, отмеченная многими наградами и сделавшая его настоящим героем. Да и сам он в случае необходимости мог быть настолько вежлив и обаятелен, что перед ним не устояли даже самые предвзято настроенные знакомые Нуланов. К тому моменту, когда Джереми и Амелия предстали перед алтарем, он уже стал одним из них без всяких оговорок.

То была счастливая и беззаботная пора! Амелия постарается рассказать сыновьям именно о ней. В первую очередь о ней. Разумеется, ей придется упомянуть и о тех временах, когда их брак начал трещать по всем швам, – это было неизбежно, но она рассчитывала, что в памяти сыновей останется в первую очередь тот Джереми, которого она когда-то полюбила. Лишь бы этот разговор произошел, когда Хантер и Грант подрастут и сумеют ее понять. Впрочем, зачем сильно откладывать? Вдруг дети узнают историю Джереми из какого-то другого, недоброжелательно настроенного источника, и тогда... тогда ей вряд ли удастся что-то поправить. Ее сыновья до конца жизни будут считать своего отца скандалистом и безвольным пьяницей.

При мысли об этом Амелия снова едва не заплакала. Стараясь смахнуть с ресниц выступившие слезы, она затрясла головой и вдруг краешком глаза заметила, как на перилах веранды что-то ярко блеснуло. Машинально повернувшись в ту сторону, Амелия даже не сразу поняла, что именно видит, точнее – не поверила своим глазам. Медленно, будто сомнамбула, она поднялась с кресла и сделала несколько неверных шагов к перилам.

На широких деревянных перилах веранды лежали ее потерянные часы.

– Как... Не может быть... – пробормотала Амелия. Она была абсолютно уверена, что не оставляла их здесь даже случайно. Кроме того, часы лежали так аккуратно, словно кто-то специально положил их здесь, чтобы она их нашла.

Но кто?..

Амелия так глубоко задумалась, что вздрогнула от неожиданности, когда позади нее раздался голос Стеф.

– Мальчики просят пить, – сообщила няня. – Они веселятся от души, хотя я немного беспокоюсь за Берни: все-таки он уже немолод, к тому же у него болит нога. А ты к нам при-
дешь?.. Что-нибудь случилось? – добавила Стеф, видя, что хозяйка не отвечает.

– А?.. Нет, ничего... Просто я нашла свои часы. – Амелия взяла часы в руку и поверну-
лась.

– Правда? А где они были?

Амелия только пожала плечами. Не такого ответа она ожидала.

Ведь если Стеф задала такой вопрос, значит, это не она положила часы на перила
веранды.

* * *

Доусон достал зазвонивший мобильник и бросил взгляд на дисплей. Хедли...

– Слушаю?.. – без воодушевления сказал он в микрофон.

– Как дела, Доусон?

– Почему ты спрашиваешь *меня*? Ведь это не я, а *ты* принимаешь «Виагру».

Хедли фыркнул:

– «Виагра» мне не нужна.

– Ну, тебе виднее...

– Ты где?

– У себя в номере.

– И чем ты занимаешься?

– Так, ничем...

– А почему не работаешь над статьей?

– Потому что у меня пока нет никакой статьи.

– Вот как? Разве ты не слышал показания Амелии Нулан?

– Слышал. А во вторник я буду присутствовать на перекрестном допросе. Тогда, быть
может, у меня и появится какая-то идея, но пока...

– Разве ты не можешь набросать хотя бы черновик будущего материала?

– Могу, но не стану. Незачем писать статью, которую потом придется выбросить в кор-
зину. Что, если во вторник адвокат опровергнет ее показания?

– Ну, это маловероятно.

– Но возможно.

– Итак, ты бездельничаешь?

– Можно сказать и так.

– Ты так и не выяснил нынешний адрес мисс Нулан?

– Гленда дала мне адрес одного дома на Джонс-стрит, но, как я и предвидел, Амелия там
больше не живет.

– Может быть, она вернулась в отцовский особняк? Ты не проверял?

– Нет, не вернулась. По словам Гленды, мисс Нулан передала семейный особняк в дар
штату. В настоящее время он ремонтируется, а будущей весной там, возможно, будет органи-
зован музей или что-то в этом роде. Сейчас этот вопрос прорабатывается местным историче-
ским обществом.

– Но ведь должна же она где-то жить! – нетерпеливо прервал его Хедли.

– Конечно, – лениво согласился Доусон. – Но пока это тайна, покрытая мраком. Из суда ее
увез бейлиф. Думаю, он же доставит ее на заседание во вторник. Но на выходных наша дамочка,

похоже, не склонна обнаруживать свое местопребывание. И, честно говоря, я несколько ее в этом не виню.

– Черт!.. – с досадой заметил Хедли. – Я-то надеялся, что за выходные ты успеешь с ней побеседовать.

– Не думаю, что она захочет со мной разговаривать.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что мисс Нулан не давала интервью никому из представителей прессы.

– Но сайты новостей в Интернете опубликовали отчеты о процессе. Я сам читал их в онлайн.

– В таком случае ты наверняка заметил, что никто из журналистов не цитирует мисс Нулан – если, конечно, не считать показаний, которые она дала, когда находилась на свидетельском месте. Государственный обвинитель...

– Лемюэль Джексон? Я слышал, он очень опытный юрист.

– В среду сразу после судебного заседания он устроил пресс-конференцию для журналистов прямо на ступеньках здания суда. Я немного послушал издали... так вот, он не сказал о мисс Нулан ни одного слова, только упомянул, что ее показания выглядят достаточно убедительно. Это, собственно, и есть последние новости с процесса – с тех пор в Саванне не произошло ровным счетом ничего; сам понимаешь – длинный уик-энд, вся жизнь замерла... А у тебя есть что-нибудь новенькое? Твой Кнуц ничего больше не разнюхал?

– Насчет Вессонов из Огайо? Пока нет. В Огайо, знаешь ли, тоже праздники.

– Ладно, как только будут какие-нибудь новости, дай мне знать. А сейчас мне пора идти.

– Куда это ты заторопился? Сам же сказал – жизнь замерла и все такое...

– Мне нужно отлить.

Доусон дал отбой и, положив телефон на заваленный бумагами стол, отправился в туалет. Ему действительно хотелось по нужде, так что, по крайней мере, в этом отношении он не солгал крестному.

Закончив свои дела, Доусон ненадолго задержался у раковины, чтобы вымыть руки. Из зеркала на него смотрел небрежно одетый, заросший щетиной мужчина со впалыми щеками, темными кругами под глазами и тоскливым взглядом. Вот он какой! Доусон долго смотрел на собственное отражение, словно спрашивая, как он здесь оказался, какого черта он согласился освещать этот процесс и что ему за дело до Джереми Вессона?

Ответов Доусон так и не нашел и, включив холодную воду, несколько раз плеснул ею себе в лицо. Потом он небрежно вытерся полотенцем и, застегивая на ходу ширинку, вернулся в комнату.

И остолбенел.

Амелия Нулан стояла не дальше, чем в десяти футах от него, и в руке у нее был баллончик с перцовым аэрозолем.

– Ну-ка, быстро отвечайте, кто вы такой, – сказала она холодно. – Потому что после того как я испробую на вас эту штуку, вы еще долго не сможете говорить.

Глава 5

Доусон поднял руки, показывая пустые ладони.

– Вам не нужно меня бояться, клянусь!

– Так я и поверила. – Свободной рукой Амелия показала на стол, где на самом виду были разбросаны улики.

Черт!..

Он не успел их убрать – несколько десятков фотографий Амелии и ее детей, играющих на берегу. Точнее, он не предполагал, что их нужно прятать. Доусон сделал эти снимки с помощью своего мобильного телефона, увеличил на ноутбуке и распечатал. Кроме того, на подоконнике все еще лежал бинокль, через который он наблюдал за соседкой.

Больше всего Доусону было неловко за снимки, на которых Амелия была одна. На некоторых она выглядела задумчивой, почти печальной. На других, напротив, смеялась над проделками сыновей, и ее волосы разлетались по ветру, сверкая в солнечном свете словно нимб. А один снимок, на котором Амелия стояла у воды в купальнике, придерживая руками свою соломенную панамку, и вовсе выглядел почти интимным. Низкое солнце светило ей в спину, и купальник почти сливался с кожей, тогда как вся фигура, напротив, была четко высвечена по контуру лучами света.

Сейчас Амелия была одета более скромно – в уже знакомый ему пляжный халат и купальный костюм, состоящий из бюстгалтера и трусиков. К босым ногам прилип песок, и Доусон догадался, что сюда она пришла прямо с пляжа. Широкополая панاما, по-видимому, осталась под пляжным зонтиком – скорее всего, Амелия решила, что столь заметный головной убор будет слишком бросаться в глаза и может помешать ей незаметно приблизиться к коттеджу, который она вознамерилась взять штурмом.

Интересно, как она догадалась?.. Доусон снял этот коттедж всего два дня назад и принял все меры предосторожности, чтобы Амелия Нулан раньше времени не обнаружила, что у нее появился сосед. Но она его засекала и, несомненно, приняла за извращенца-вуайериста, так что теперь у нее были все основания для гнева.

Впрочем, помимо гнева она, похоже, испытывала и страх. Во всяком случае, рука, в которой она сжимала свое незатейливое «оружие», заметно дрожала. Зато в голосе звенели стальные нотки, и Доусон невольно подумал, что перед ним стоит человек решительный и мужественный, способный в нужный момент перебороть свой страх и неуверенность.

– Кто вы такой? – холодно повторила Амелия Нулан, угрожающе взмахнув баллончиком.

– Мое имя – Доусон Скотт. Доусон имя, Скотт – фамилия. Второе имя – Эндрю. Можете убедиться сами – вон мой бумажник... – Он кивком указала на стол.

Не отрывая от него настороженного взгляда, Амелия попяtilась и, взяв со стола бумажник, открыла. Внутри, в кармашке из прозрачной пленки, хранились выданные в Виргинии водительские права на его имя – и журналистское удостоверение. Доусон о нем совершенно забыл, а теперь было уже поздно: в руках Амелии оказалась еще одна улика.

Она с таким отвращением отшвырнула бумажник, словно у нее в руках вдруг оказалась гремучая змея.

– Так вот вы кто!.. Жалкий репортеришка!.. – прошипела она.

Доусону ничего не оставалось, кроме как попытаться изобразить улыбку.

– Вообще-то не жалкий. Говорят, я очень неплохой журналист, – сказал он, но его слова не произвели желаемого эффекта. Амелия машинально вытерла руку о халат как человек, случайно прикоснувшийся к чему-то нечистому. Второй рукой она продолжала целиться ему в лицо своим баллончиком.

– Вы действительно намерены окатить меня перцовой вытяжкой? – спросил Доусон, кивнув в направлении ее импровизированного оружия.

– Там видно будет, – последовал ответ.

* * *

После таких слов он мог решить, что она немного смягчилась, но это было не так. То, что этот Доусон оказался журналистом, а не извращенцем, тайком фотографирующим своих потенциальных жертв, мало что меняло. Кроме того, одно не исключало другого, не так ли?..

– На кого вы работаете? – продолжила допрос Амелия. – Или вы фрилансер, который продает материалы тому, кто больше заплатит?

– С вашего позволения, я, пожалуй, опущу руки, – сказал он и действительно опустил. – Как видите, я не вооружен, – добавил Доусон на всякий случай. Хотя она и так видела, что при нем нет оружия. Из одежды на нем были лишь шорты, ширинка которых все еще была частично расстегнута, да и сами они сползли довольно низко. Что и говорить, Амелия Нулан действительно застала его врасплох... Тогда почему же именно она чувствует себя не слишком уверенно?

– Отвечайте на вопрос, – отчеканила она, крепче сжав в руке баллончик с перцем.

– Извините, я забыл, о чем вы спрашивали...

– На кого вы работаете?

– Я – штатный репортер журнала «Лицом к новостям».

В глазах Амелии отразились и удивление, и невольное уважение. «Лицом к новостям» было известным и влиятельным изданием. Она-то наверняка решила, что он работает на какой-нибудь падкий до сенсаций гаденький желтый листок, а не на серьезный аналитический журнал.

Окинув еще одним внимательным взглядом его растрепанные длинные волосы, щетину и босые ноги, Амелия вынесла окончательный вердикт:

– Выглядите вы, во всяком случае, не слишком респектабельно.

– Вы тоже не особенно похожи на хранителя музея. – Доусон ухмыльнулся. – Впрочем, я несколько не против. Так мне даже больше нравится.

«Не смейте со мной заигрывать!» – едва не рявкнула Амелия, но сдержалась. Ей не хотелось, чтобы он подумал, будто она все-таки отвечает на его флирт, который к тому же вполне мог быть профессиональным журналистским приемом. Незваная гостья все еще была зла как черт! Страх, который охватил ее, когда она нашла свои часы и поняла, что за ней кто-то следит, еще не отпустил ее до конца.

Обнаружив часы, Амелия пошла на пляж запускать змея вместе с Берни и детьми. В конце концов старик запросил пощады и ушел к себе, чтобы «немного перевести дух», как он выразился. Он, впрочем, обещал, что обязательно заглянет к ним вечером, чтобы перед отъездом попрощаться со всеми как следует. Стеф все это время занималась делами в доме, а Амелия осталась с детьми на берегу. Ближе к полудню няня принесла им корзинку для пикника, и они неплохо перекусили, устроившись под пляжным зонтиком. После обеда все трое растянулись на циновке, чтобы немного вздремнуть. Именно тогда Амелию вновь посетило отчетливое чувство, что за ней наблюдают.

Прикрыв глаза рукой, она как можно незаметнее огляделась по сторонам, справедливо полагая, что неизвестный наблюдатель вполне может воспользоваться оптикой. В море по-прежнему покачивалась на якоре все та же неизвестная лодка, которую Амелия заметила накануне вечером. Но судно слишком далеко от берега, чтобы представлять реальную опасность. Она посмотрела на свой дом, на дом Берни и на коттеджи, которые стояли вдоль побережья по направлению к поселку. Ничего странного или необычного. Тогда Амелия стала разглядывать

дома, стоявшие по другую сторону от ее коттеджа. Тут ее глаз сразу зацепился за ближайший из них. Амелия знала семью, которая регулярно снимала его на время летних отпусков. Ей было хорошо известно, что не далее как в прошлое воскресенье эти люди вернулись на континент. Следовательно, сейчас дом был пуст. Должен был быть пуст, но...

Стараясь ничем не выдать волнения, Амелия сказала Стеф, что должна ненадолго вернуться в коттедж. Оставив няню и мальчиков под зонтиком, она действительно пошла в дом и, отыскав в ящике ночного столика перцовый баллончик, осторожно выскользнула через кухонную дверь на улицу. Скрываясь за кустами, она прошла к вызвавшему ее подозрение дому и без труда проникла внутрь через незапертую стеклянную дверь в расчете застать «соглядатая» (а это было еще очень мягкое слово для таких, как он) с поличным. Так бы наверняка и получилось, если бы Доусону не приспичило в туалет.

Когда он неожиданно вышел из ванной комнаты, Амелия с трудом удержалась, чтобы не ахнуть. Она не знала, чего именно ожидала, но определенно не этого. Не *такого*! С первого взгляда ей стало ясно – этот человек мало похож на извращенца, подглядывающего ради удовлетворения своих сексуальных желаний. Не вписывался он и в сложившиеся у нее представления о пишущих журналистах. Те должны выглядеть изнеженными, слегка рассеянными, бледными от постоянного сидения за компьютером в насквозь прокуренном помещении. Нет, этот парень был совсем не хилак. Далеко не хилак...

– Журналистское удостоверение легко подделать, – заметила она.

– Оно настоящее, – возразил он. – И права тоже.

– Если ты журналист, – незаметно для себя Амелия перешла на «ты», – твоя фамилия всплывет в Гугле. Я проверю...

– Пожалуйста. – Доусон слегка пожал плечами. – Вон мой ноутбук. – «На «ты» так на «ты», – подумал он про себя.

Амелия увидела на столе ноутбук и портативный принтер (несомненно – орудия его ремесла), однако она не собиралась воспользоваться его предложением, чтобы не поставить себя в уязвимое положение на случай, если он все-таки *не* Доусон Скотт. Вместо этого она спросила:

– Как ты меня выследил?

– Я никогда не раскрываю: А – свои источники информации, если они хотят сохранить анонимность, и Б – методы, с помощью которых... о'кей, о'кей, – быстро сказал он, когда Амелия с угрозой ткнула в его сторону перченным баллончиком. – У нас в журнале работает женщина-консультант по имени Гленда. Каждое Рождество я дарю ей конфеты и вино, а она за это разыскивает в Интернете необходимые мне сведения... И должен сказать – у нее это отлично получается.

– Но я купила этот коттедж почти двадцать лет назад.

– В июне восемьдесят пятого, если точнее.

– ...И не на свое имя, а на...

– Коттедж приобрела компания с ограниченной ответственностью «Вэр хаус». Хочешь знать, во сколько обошлась покупка?.. – Заметив промелькнувшее в ее взгляде смятение, Доусон кивнул. – Гленда способна найти блоху на шкуре мамонта во время пыльной бури. Она настоящий мастер, от нее ничто не укроется.

Он сопроводил свои слова кривоватой самодовольной улыбкой, которая, впрочем, только еще больше разозлила Амелию.

– А ты? Ты снял этот дом или...

– Разумеется. Или ты считаешь, что, будучи журналистом, я способен самовольно поселиться в чужом доме, предварительно взломав замок?

– Меня бы это не удивило!

– Увы, в данном случае все совершенно законно. Я обратился в риелторскую контору «Сент-Нельда ренталз», и там мне сказали, что дом свободен. А поскольку у меня с собой была кредитная карточка, договор мы оформили в тот же день.

– И сколько времени ты уже следишь за мной?

– С того дня, когда судья отложила заседание до конца праздничного уик-энда.

– То есть со среды?

– С вечера среды. Я перебрался сюда уже после наступления темноты.

– Гм-м...

– Что-нибудь не так?

– Ничего, просто... Просто я думала, ты здесь дольше.

– Интересно, почему?

– Так... не важно. – Амелия сделала неопределенный жест. – В любом случае ты зря потратил свое время и деньги – я не даю интервью. Никогда и никому.

– Все не зря. – Доусон показал на ее запястье. – Ты получила обратно свои часы.

Амелия машинально посмотрела на свою руку.

– По-твоему, теперь я должна тебя за это благодарить?

Доусон пожал плечами:

– Вчера, когда ты с детьми строила замок из песка, я наблюдал за вами в бинокль. Потом вы ушли, а я разглядел, как в песке что-то сверкнуло. Я немного выждал и отправился посмотреть, в чем дело... и нашел твои часы.

– Почему же ты не постучался в мою дверь и просто не вернул их мне, как поступил бы на твоем месте любой нормальный человек? Зачем тебе понадобилось их подбрасывать? Или ты, как знаменитый журналист, хотел сперва посмотреть на мою реакцию?

– На тот момент мне не хотелось, чтобы ты узнала о моем существовании.

– И когда же ты собирался выйти из подполья?

– Честно говоря – не знаю, не могу сказать. – Прищурившись, он посмотрел на нее. – Но я рад, что ты обо мне узнала.

– Еще бы ты не был рад! По крайней мере, теперь ты можешь включать свет, а не шараться по дому в темноте, сшибая углы.

Это было сказано довольно едким тоном, но Доусон и ухом не повел. Во всяком случае, он ничего не возразил.

– Значит, – сказала Амелия, – ты видел, как я вчера вечером бродила по пляжу, разыскивая часы? Ну конечно видел!.. – воскликнула она, прежде чем Доусон успел что-то ответить. Потом ей в голову пришла еще одна мысль.

– А перегоревшая лампочка на заднем крыльце? Это ты ее заменил?

– Да, я заметил, что заднее крыльцо не освещено, и подумал...

– Ну да, ты ввинтил новую лампочку, чтобы тебе было удобнее за мной наблюдать. Спасибо вам за заботу, дорогой мистер Доусон.

– Не за что.

– И за часы спасибо, – добавила Амелия, на этот раз – вполне искренне. Ей совершенно не хотелось благодарить его за что-либо, но она действительно была ему признательна. – Эти часы... они мне очень дороги.

– Почему?

Но это был глубоко личный вопрос, на который она отвечать не собиралась.

Доусон как будто прочел ее мысли.

– Ладно, оставим это. Скажи лучше вот что – откуда ты меня знаешь? – Он пристально посмотрел ей в глаза, одновременно делая шаг вперед. – Ведь ты узнала меня, не так ли?

Амелия непроизвольно попятилась.

– С чего ты взял?

– Этого я не знаю, но я уверен – ты меня... узнала. В противном случае я бы уже корчился на полу, чихал, сморкался и тер кулаками глаза. И в полицию ты не обратилась, хотя и могла...

– И что бы я им сказала?

– Сказала бы, что тебя якобы преследует какой-то подозрительный тип.

– Почему – «якобы»? Ты следил за мной, к тому же ты – подозрительный.

– Я совершенно уверен, – продолжал Доусон, не слушая ее возражений, носивших, впрочем, довольно формальный характер, – что до прошлой среды, когда тебя вызвали на место для дачи свидетельских показаний, я никогда с тобой не встречался. Сам я сидел в последнем ряду, так что ты вряд ли могла меня увидеть, даже если бы посмотрела в ту сторону. И так?..

– Я действительно не видела тебя в суде, – сказала Амелия.

– А не в суде?

– Я заметила тебя уже после того, как заседание закончилось, – нехотя призналась Амелия. – Чтобы спрятать меня от твоих назойливых коллег-журналистов, мистер Джексон отвел меня в кабинет на третьем этаже. Его окна выходят на площадь перед зданием суда. Пока он на ступеньках общался с репортерами, я смотрела в окно... и вдруг увидела тебя. Ты стоял довольно далеко, почти у самой проезжей части рядом с каким-то дорожным знаком на столбе.

– И ты сумела меня рассмотреть? С высоты третьего этажа?

Он улыбнулся самым саркастическим образом, и Амелия снова почувствовала нарастающее раздражение.

– Ты был похож на бомжа. На бездомного бродягу. Волосатый, небритый, кое-как одетый... С тех пор ты не слишком изменился, поэтому-то я и узнала тебя практически сразу. – Амелия покачала головой. – Надо было все-таки попрыскать на тебя перцем за то, что ты за мной следил... – Она машинально посмотрела на перцовый баллончик, который был по-прежнему нацелен ему в лицо, и медленно опустила руку. – Как бы там ни было, считай, что я тебя предупредила. Не смей приближаться ко мне или к моим детям. Если я тебя увижу еще хотя бы раз, я сразу позвоню в полицию, и тогда пеняй на себя.

Она повернулась, чтобы уйти, но Доусон вдруг сказал:

– Раз уж ты все равно здесь, могу я задать несколько вопросов?

– Ты что, глухой? – Амелия обернулась через плечо. – Я не даю интервью.

– Не интервью. Мне только хотелось кое-что уточнить.

– Нет.

– Та девушка, которую я постоянно вижу с детьми... Она твоя родственница? – Он кивнул в сторону окна. Из окна был хорошо виден кусок пляжа, где Стеф и дети затеяли игру в мяч.

Амелия немного подумала, но потом решила, что на этот вопрос она может ответить.

– Нет. Я наняла ее на лето, чтобы было с кем оставить детей.

– А старик, который утром запускал с ними воздушного змея?

– Просто хороший знакомый. Он каждое лето снимает коттедж по соседству. – Она покачала головой. – Все, хватит вопросов.

Амелия готова была уйти, но он снова остановил ее.

– Почему бы нам просто не поболтать по-соседски? – спросил Доусон. – Что в этом такого?

– Надеешься, что я забудусь и проболтаюсь? Выдам тебе все мрачные секреты, которые я храню в тайниках своей души? – Она усмехнулась. – Не выйдет, мистер журналист!

Он слегка приподнял выгоревшую на солнце бровь.

– У тебя есть мрачные секреты?

– До свидания, Доусон.

Двигаясь с непостижимой быстротой, он шагнул вперед и встал между нею и дверью. Амелия, однако, не растерялась и взмахнула баллончиком, хотя и мгновенно опустила его, когда Доусон снова поднял руки в знак примирения.

– Послушай, я понимаю, что ты мне не доверяешь, но...

– Для того чтобы это понять, вовсе не нужно быть семи пядей во лбу. Впрочем, мне все равно, что ты об этом думаешь. – Не скрывая отвращения, она бросила взгляд на лежащие на столе фотографии. – Ты, конечно, намерен опубликовать эти снимки, не так ли? Продать их каким-нибудь таблоидам?

Лицо Доусона приняло оскорбленное выражение.

– Разумеется, нет!

– Тогда зачем ты их сделал?

– Мне просто хотелось... – Он так и не сумел сказать, чего же именно ему «хотелось», и Амелия, обогнув его, направилась к выходу. Точнее, она попыталась его обогнуть. Доусон сделал быстрый шаг в сторону и снова преградил ей путь.

– Ты только что сказала – я похож на бомжа. А теперь скажи, стала бы ты со мной разговаривать, если бы я подошел к тебе в таком виде и назвался репортером уважаемого журнала «Лицом к новостям»?.. Вот именно!.. – заявил он, не дав ей ни секунды, чтобы ответить. – Поэтому, чтобы не испугать тебя...

– Ты решил тайком за мной следить. А ты не подумал, что такое «наблюдение» может напугать меня еще больше?

– А ты испугалась?

– Еще бы! Конечно! – воскликнула она.

– Чего же?

– Я... я даже не знаю. Но мне показалось...

– Что именно?

– Что-то. Я подумала...

– О чем? Или о ком?

– Ни о ком. Просто я боялась...

– Чего?

– Не знаю! И перестань засыпать меня вопросами!

– Это моя работа.

Она снова попыталась его обойти, и снова он заслонил ей дорогу.

– Пропусти!

– Еще один вопрос! Только один! Пожалуйста... – Амелия не ответила, и он принял ее молчание за согласие. – Как ты узнала, что я здесь?

– Я заметила, как в окне что-то блеснуло.

– Это, наверное, бинокль. Солнце отразилось от линзы, вот ты и увидела...

– Это тебе урок на будущее. Будь поаккуратнее, когда станешь в следующий раз за кем-нибудь шпионить.

– А когда ты поняла, что за тобой кто-то наблюдает?

– Это уже второй вопрос.

– Ты почувствовала это после того, как я здесь появился, или раньше?

Амелия открыла рот, чтобы сказать какую-то колкость, но вдруг замаялась. Глядя поверх его плеча на залитый солнцем участок пляжа за окном, она припомнила странное, почти сверхъестественное чувство, охватившее ее накануне вечером.

– Раньше. И... это ощущение было настолько сильным, что у меня мурашки побежали по коже, – проговорила она, обращаясь больше к самой себе, чем к нему. Мгновение спустя Амелия, впрочем, взяла себя в руки и посмотрела на Доусона. У него были светло-карие глаза с золотыми крапинками. Глаза тигра. И взгляд у него был по-тигриному напряженный, пристальный и вместе с тем какой-то тоскливый. Именно этот взгляд помог ей окончательно справиться с секундной растерянностью.

– Мне пора, – сказала она твердо. – Я и так уже слишком задержалась. Еще немного, и они решат – со мной что-то случилось.

На этот раз Доусон без возражений отступил в сторону, пропуская ее к двери. Она была уже на пороге, когда он сказал:

– Прошу прощения за то, что напугал тебя. Ты и так прошла сквозь ад, и я не хотел бы усугублять твои мучения.

– Так не усугубляй, – ответила она, не оборачиваясь. – И держись подальше от меня и от моих детей.

* * *

– Где ты был?! – спросила Ева, открывая мужу заднюю дверь.

– Нигде. – Проскользнув мимо жены, Гэри Хедли быстро двинулся по коридору, направляясь к своему кабинету. Ева семенила следом.

– Тебя не было несколько часов! И почему ты не отвечал на звонки?

– Ты за мной следишь? Или мне теперь нельзя никуда ходить без твоего разрешения? – раздраженно бросил Хедли.

– Не надо говорить со мной таким тоном!

Хедли только вздохнул. Он лучше чем кто-либо знал, что, несмотря на кроткое выражение лица и покладистый характер, Ева могла быть грозной, как ангел мщения – особенно если ее рассердить.

– Ты что, встречаешься с другой женщиной?

Хедли ответил исполненным негодования взглядом, и Ева слегка стушевалась.

– Извини, но... подобные вещи случаются. Мужчины в твоём возрасте...

– В моём возрасте? Интересно, что это за возраст такой, а?... Или ты действительно думаешь, что мне захотелось пошалить напоследок?

– Почему бы нет, Хедли? Как говорится, седина в бороду...

Некоторое время они мерили друг друга взглядами. Хедли первым отвел глаза.

– Я не сказал тебе, куда собираюсь, потому что не хотел, чтобы ты начала со мной спорить.

Опустившись на мягкий поручень дивана, Ева посмотрела на мужа вопросительно. Хедли вполголоса проворчал что-то и шагнул к бару.

– Хочешь выпить?

– Нет. И ты тоже не будешь пить пока не расскажешь мне, где ты был и что вообще происходит.

Хедли тяжело упал в кресло и с силой провел ладонью по лицу.

– Я ездил к Доусону.

– Но его нет в городе.

– Именно поэтому я и ездил к нему домой.

Хедли думал, что Ева начнет ему выговаривать, может быть, даже назовет старым любопытным дураком, который сует нос куда не следует, поэтому ее следующие слова стали для него полной неожиданностью.

– Раз ты знал, что он в Саванне, – сказала Ева спокойно, – значит, для этой поездки у тебя была серьезная причина.

– С чего ты взяла, что он – в Саванне?

– А разве нет?

Хедли вздохнул.

– Я не знаю. Теоретически он должен быть в Саванне, но на самом деле его там нет. Доусон лжет мне, Ева. Лжет тебе. И всем остальным тоже лжет.

– Насчет чего?

– Не знаю. Может, насчет всего. Звонил ему днем. На первый взгляд все было нормально, но потом он как-то очень неожиданно прервал разговор. Это заставило меня задуматься: промотав в памяти наш телефонный разговор, понял, что Доусон так толком и не ответил ни на мой один вопрос.

– Тебе показалось, что он лукавит?

– Ну что ты! Я в этом абсолютно уверен!

– И как ты думаешь, зачем ему понадобилось тебя... нас обманывать?

– Я подозреваю, его ложь может иметь самое прямое отношение вот к этому... – С этими словами Хедли достал из кармана коричневую пластмассовую бутылочку и поставил ее перед собой. – Это успокоительное средство. Довольно сильное.

Ева взяла бутылочку в руки, открыла и вытряхнула на ладонь несколько таблеток.

– Я знала – что-то не так. Чувствовала! Сначала он избегал нас, не показывался почти две недели, а когда наконец приехал, вид у него был как у тяжело больного человека. Эти таблетки... теперь мне многое ясно. Он лечится от какого-то нервного расстройства и не хочет, чтобы мы об этом узнали.

– Скорее всего, так и есть... кроме одного. В разговоре со мной Доусон проговорился, что плохо спит. Только он ни фига не лечится. Посмотри внимательнее – на флаконе с лекарствами нет этикетки, следовательно, он купил это лекарство не в аптеке, не по рецепту врача. Доусон достал его где-то еще, а раз так...

Ева сокрушенно покачала головой. Она была не на шутку расстроена его словами.

– А еще что-нибудь ты у него нашел? Что-то такое, из-за чего сто́ит волноваться?

– Нет, – ответил Хедли довольно резким тоном. – Мне и так было не по себе из-за того, что приходится рыться в его вещах.

– Ты чувствовал себя виноватым, – медленно проговорила Ева. – И это вполне понятно. Это означает, что тебе не все равно. По-видимому, все те ужасы, которых он насмотрелся в Афганистане, повлияли на него сильнее, чем бедняжка готов признать. Что же нам делать, Гэри? Может, сказать ему, что мы все знаем? Пусть обратится к врачу. Пусть...

– Ничего не выйдет. – Хедли покачал головой. – Он замкнется или будет все отрицать. Ты же знаешь Доусона, он у нас настоящий Мистер Сам-С-Усам.

– А ты разве не такой?

Хедли посмотрел на жену и кривовато улыбнулся:

– Извини. Кажется, в последнее время тебе со мной нелегко приходится. Я слишком много ворчу, но это только потому, что я тоже волнуюсь за нашего мальчика.

– Ну, ворчишь и огрызаешься ты не больше, чем всегда. Да я и привыкла, за столько-то лет... – Ева встала и, подойдя к Хедли, чмокнула его в макушку. – Что касается Доусона... Он знает, что мы его любим и сделаем все, лишь бы ему помочь.

– Это-то меня и грызет, – признался Хедли. – Теперь-то я понимаю, что он держится из последних сил, но вместо того, чтобы ему помочь, я послал его в Саванну – искать следы Карла Уингерта и Флоры Штиммель.

Глава 6

– Смотри, вон там, за стойкой, сидит совершенно роскошный парень, который давно на тебя смотрит!

Амелия поглядела в указанном Стеф направлении – и встретилась глазами с Доусоном.

Снова повернувшись к столу, она увидела, что дети тоже глядят на него.

– Хантер! Грант! – Амелия слегка постучала по столу, чтобы привлечь внимание детей. – Доедайте скорее. Уже поздно, нам пора идти.

Стеф слегка взбила волосы.

– Я сейчас вернусь, – сказала она и, прежде чем Амелия успела ее остановить, встала из-за стола и быстро пошла к бару.

– Куда она, мам?..

– Можно мы тоже с ней?

– Нет! Грант, сядь! Хантер, будь добр, повернись и доешь свой гамбургер.

Берни, впрочем, тоже заинтересовался тем, что происходило у барной стойки. Во всяком случае, он смотрел именно туда, и Амелии пришлось слегка тронуть его за руку.

– Я видела, ты сегодня весь день грузил в машину коробки с вещами, – сказала она. – Напрасно ты не разрешил нам тебе помочь.

– Ничего страшного, – отозвался старик. – Впрочем... – И он пустился в пространные рассуждения о своем больном бедре и о том, что с ним, похоже, придется что-то делать. – Как только вернусь к себе в Мичиган, сразу запишусь на прием к хирургу-ортопеду, – говорил он. Амелия сочувственно кивала. Она честно старалась слушать, что рассказывал ей Берни о своих обострившихся с возрастом болезнях, но на самом деле ее куда больше занимало то, что же происходило позади нее.

В какой-то момент Берни прервал свои жалобы и тоже уставился на что-то за ее спиной. Судя по тому, как сильно ему пришлось задрать голову, роста в этом «чем-то» было не меньше шести футов и четырех дюймов¹⁵.

– Познакомьтесь, это наш новый сосед, – сказала вернувшаяся к столу Стеф. – Он буквально на днях снял коттедж рядом с нашим и живет там совершенно *один*.

От Амелии не ускользнуло, что Стеф особо выделила голосом последнее слово, но самое неприятное заключалось в том, что Доусон, скорее всего, это тоже заметил. У нее, однако, не было особого выбора, кроме как вести себя сообразно общепринятым правилам вежливости, поэтому она обернулась и кивнула.

– Очень приятно. Я – Амелия Нулан, – представилась она достаточно безразлично. Будь на месте Доусона любой другой человек, он, скорее всего, понял бы, что ему лучше удалиться, но Амелия была уверена, что на журналиста ее тон вряд ли подействует. Так и оказалось.

– Доусон Скотт, – представился Доусон как ни в чем не бывало и протянул руку, которую Амелия после непродолжительного колебания все-таки пожала.

– А это Берни Кларксон, – не умолкала Стеф, которая, похоже, ничего не заметила. – Он тоже сосед мисс Амелии, только с другой стороны.

– Привет, Берни. Рад познакомиться. – Протягивая руку, чтобы обменяться рукопожатием с Берни, Доусон слегка коснулся ее плеча, и Амелия невольно отпрянула.

– А я вас уже знаю, – продолжил тем временем Доусон. – Я видел, как вы запускали змея. Это было великолепно. Действительно потрясающе!

Берни просиял.

– Вы, правда, видели?

¹⁵ Приблизительно 1 м 93 см.

– Конечно! – подтвердил Доусон.

– Ну, пришлось мне поднапрячься, – скромно сказал Берни. – Эти воздушные змеи – довольно хитрая штука. С ними нужно уметь обращаться, а у меня, откровенно сказать, нет никакого опыта. Конечно, в детстве мы запускали самодельных змеев, но они были совсем простыми, не то что нынешние, фабричные модели с наворотами!

– Зато у вас было целых двое помощников! – Доусон сделал несколько шагов и оказался с той стороны стола, где сидели дети. Хантер и Грант с любопытством рассматривали рослого незнакомца, а Амелия настолько растерялась, что не успела ему помешать. Доусон наклонился, так что его лицо оказалось вровень с детскими мордашками, и улыбнулся.

– Привет, меня зовут Доусон. А тебя? – обратился он к ее старшему сыну.

– Хантер.

– Привет, Хантер. – Он подставил ладонь, и Хантер в восторге хлопнул по ней своей ручонкой.

– А это мой брат Грант. Он меня младше, – счел необходимым пояснить мальчик.

Грант, не желая оставаться в стороне, проворно сполз со стула и шагнул поближе к Доусону.

– А какая у тебя машина? – спросил он и нахмурился.

– Машина? – переспросил Доусон. – Ну, пока я здесь, на острове, мне пришлось взять машину напрокат. Это... – Он назвал год выпуска и марку своей машины, и лицо Гранта разочарованно вытянулось.

– А-а-а... – протянул он без воодушевления, а Доусон посмотрел на Амелию, словно беззвучно спрашивал – что я сказал не так?

– Грант любит машины, – пояснила она, испытывая странную неловкость. – Быстрые, мощные...

– ...И сексуальные, – вставила Стеф.

– Ага, понятно! – Доусон усмехнулся. От него не укрылось, что Стеф пытается с ним флиртовать. Впрочем, он тут же повернулся к мальчикам и спросил, любят ли они играть с машинками «Мэтчбокс» и «Хот вилз»¹⁶.

Хантер и Грант с восторгом закивали.

– Мне они тоже нравились – до сих пор нравятся, – признался Доусон. – Когда я был в вашем возрасте, я их собирал.

– У нас много машинок, – сообщил ему Грант. – Только нам каждый день приходится убирать их обратно в коробочки, иначе мама их отбирает и кладет высоко-высоко, чтобы мы не достали.

Доусон серьезно кивнул:

– Моя мама мне тоже говорила, чтобы я не разбрасывал свои машинки. И знаете что?.. Она была совершенно права! Вам же не хочется, чтобы кто-нибудь случайно наступил на одну из машинок и раздавил?

– А собака у тебя есть? – спросил его Хантер.

– Нет, собаки нет.

– Но ведь ты любишь собак, правда?

– Очень люблю. Собаки – это здорово! К сожалению, мне приходится часто уезжать из дома, поэтому я не могу завести собаку. Без меня она будет скучать.

Хантер неодобрительно покосился на мать.

– У нас тоже нет собаки, – сообщил он доверительным тоном. – Мама говорит, может, мы и заведем щеночка, но не сейчас, а когда все уляжется. Только я не знаю, когда это будет.

¹⁶ «Мэтчбокс» и «Хот вилз» – названия серий игрушечных машинок, предназначенных как для игры, так и для коллекционирования.

При этих словах Амелия вскочила так стремительно, что зацепилась бедром за угол стола. Стоявшая на нем посуда громко звякнула.

– Так, дети, уже поздно, вам пора в постель. Попрощайтесь с дядей – и пошли домой. – Она посмотрела на журналиста. – Приятно было с вами познакомиться, мистер Доусон.

– Скотт.

– Что-что?

– Доусон – имя, Скотт – фамилия.

– Ох, извините. Спокойной ночи, мистер Скотт. И... желаю вам приятного отдыха на острове.

Пока дети нехотя прощались с Доусоном, Амелия расплатилась с официанткой, сняла со спинки стула свою сумочку на ремешке и повесила на плечо. Крепко взяв сыновей за руки, она решительно проследовала к выходу из кафе; Стеф и Берни поплелись за ней. Все пятеро были уже на стоянке, когда Амелия услышала, как кто-то зовет ее по имени. Обернувшись, она увидела Доусона, который, призывно размахивая рукой, рысцей выбежал из-за угла кафе.

– Посади детей в машину, – велела Амелия Стефу. – А я узнаю, что ему нужно.

Кажется, впервые за все время Стеф осталась не слишком довольна поручением нанимательницы, однако повиновалась беспрекословно. Обняв Хантера и Гранта за плечи, она повела их к машине, стоявшей в дальнем углу стояночной площадки. Берни тоже не стал задерживаться, однако прежде чем двинуться дальше, он довольно-таки двусмысленно ухмыльнулся и подмигнул. Амелия поморщилась.

К его чести, Доусон Скотт привел себя в порядок и выглядел почти прилично. Правда, его лицо по-прежнему покрывала щетина. Но она ему даже шла – как и отросшие волосы, которые он тщательно расчесал и, кажется, даже вымыл. Кроме того, на нем были вполне приличные шорты защитного цвета и черная полотняная рубашка с закатанными рукавами. Пахло от него тоже очень приятно – то ли дорогим дезодорантом, то ли туалетной водой.

Впрочем, все эти ухищрения вряд ли могли склонить Амелию в его пользу. Даже вымытый журналист остается журналистом, напомнила она себе. Хитрым, пронырливым, коварным существом, которое, словно свинья, чувствует себя хорошо, только когда найдет большую кучу вонючего навоза.

– Что тебе нужно? – прошипела она, когда Доусон приблизился. – Разве я не сказала тебе держаться подальше от меня и от моих детей?

– Твоя няня пригласила меня за ваш столик, – хладнокровно возразил он. – Если бы я отказался, это могло выглядеть... подозрительно. Как будто я намеренно тебя избегаю. Кроме того, это было бы просто невежливо.

Он был прав, и Амелия не стала спорить.

– Что тебе нужно? – повторила она.

– Интервью.

– Всего хорошего. – Она начала поворачиваться.

– Постой-постой, я пошутил! Я пришел сюда вовсе не за этим.

– А зачем?

– Ты всегда носишь с собой перцовый баллончик?

– Нет. У меня двое детей, которые могут полезть ко мне в сумочку за салфеткой, за конфеткой, игрушкой, жевательной резинкой и... словом, за чем угодно. Они оба довольно любопытны, так что носить в сумочке любое оружие довольно рискованно.

– В таком случае, где ты его держишь?

– Там, откуда в случае необходимости я могу легко его достать, – отрезала она.

– Но в тот день, когда Уиллард Стронг застал тебя врасплох, никакого баллончика у тебя под рукой не оказалось?

– Нет, – призналась она. – Но даже если бы он был у меня при себе, я, наверное, не решила бы пустить оружие в ход. Уиллард был вооружен и очень опасен, он держал палец на курке, так что...

– В таком случае, какая тебе польза от перца, если ты не носишь его с собой постоянно?

– О, от него может быть очень много пользы! – Она саркастически улыбнулась. – Утром ты сам в этом убедился, не так ли?

Доусон грустно улыбнулся:

– Да. Сегодня ты застала меня врасплох.

– Вот видишь. – Она бросила взгляд на часы. – Ладно, мне пора. До свидания.

– А где в последнее время работал Джереми?

Амелия не ответила. Неожиданная смена темы заставила ее растеряться.

– На суде ты показала, что звонила ему на работу, – напомнил Доусон. – Куда именно?

– А-а... – протянула Амелия, понемногу приходя в себя. – Что, твоя подружка, которая способна найти блоху у слона, на сей раз тебя подвела?

– Мне показалось, что гораздо проще будет спросить у тебя.

Амелия не видела смысла скрывать от него эту информацию, поэтому она продиктовала ему название и адрес строительной фирмы, куда Джереми устроился вскоре после того, как вышел в отставку.

– Эта фирма специализируется на строительстве общественных зданий – торговых центров, школ, больниц, медицинских центров, небольших мастерских и прочего. Джереми работал там инженером-электриком.

– Понятненько.

– Он хорошо разбирался в электричестве! – заявила Амелия и прикусила язык. Не хватало еще, чтобы Доусон подумал, будто она оправдывается.

– Хотел бы я знать, – медленно проговорил журналист, – этому его тоже научили в центре снайперской подготовки?

– Я вижу, ты все-таки навел справки! – заметила она едко.

– Так, кое-что... Я еще не закончил.

– Джереми еще до армии закончил университет по специальности инженер-электрик. После выхода в отставку он отправил в фирму свое резюме. Они решили, что он им подходит, и...

– А я думал – конгрессмен Нулан попросил кое-кого об одолжении.

Амелия оскорбленно выпрямилась, и Доусон покачал головой:

– Извини, с моей стороны было непорядочно делать подобные намеки.

– Вот именно, так что до свидания.

– Еще одно, Амелия...

– Нет. С меня хватит.

– Это даже не вопрос...

– Меня ждут, мистер Скотт. Всего хорошего.

– Когда приедешь домой, загляни под коврик на парадном крыльце.

– Что-что?

– Я там кое-что для тебя оставил.

– Под половиком?

– Да.

– Что же?

– Конверт с фотографиями.

– Ах, с фотографиями! Как это благородно с вашей стороны, мистер Скотт! Как пощарски! – Амелия наградила его убийственным взглядом. – Только не держи меня за дуру,

ладно? Я уверена, что эти снимки остались в твоём ноутбуке, и ты сможешь восстановить их одним движением пальца! Или сделать новые...

– Я не стану этого делать. Обещаю. Если тебе не нравится...

– Разумеется, мне не нравится, что совершенно посторонний человек тайком фотографирует меня и моих детей. Это как минимум вторжение в частную жизнь, а как максимум... Как максимум это попахивает извращением, Доусон! – Он открыл рот, чтобы что-то возразить, но она остановила его властным движением руки. – Вот именно – извращением! Ведь ты так и не объяснил мне толком, зачем ты нас снимал.

– Как это – не объяснил?

– Очень просто. Ни слова по существу – закрыл рот и все. А ведь я тебя спрашивала!

– Я сделал эти фотографии, чтобы лучше тебя узнать.

– Тебе это нужно для статьи?

– Нет. Мне нужно это... для себя.

– А я не хочу, чтобы ты меня узнавал!

Возможно, во всем был виноват случайный блик солнечного света, отразившегося от поверхности бухты, но на мгновение Амелии показалось, что его взгляд опустился, остановившись на её губах.

– Что ж, очень жаль, – произнес он низким, взволнованным голосом. Это было так неожиданно, что Амелия не нашла, что ответить. А может, просто не решилась, боясь, что собственный голос может ее неожиданно подвести. Так и не проронив ни слова, она круто развернулась на каблучках и быстро зашагала к машине.

* * *

Стеф уже спускалась по лестнице, когда Амелия только собиралась подняться наверх.

– А что, собственно, случилось? – спросила няня, ненадолго остановившись на нижней ступеньке. – Тебе что-то не понравилось?

– Ты о чем? – удивилась Амелия.

– Не о чем, а о ком. Почему ты дала ему от ворот поворот?

– Кому?!

Стеф подбочилась.

– Ты это серьезно? – удивилась она. – Я говорю о Доусоне.

– Я вовсе не отшила его, – сказала Амелия. – И вообще... – Она собиралась добавить, что вовсе не обязана оправдываться и объяснять свои действия человеку, который на нее работает, но это прозвучало бы слишком грубо. К тому же ей не хотелось показывать свое раздражение, поэтому она сказала совсем другое:

– Ты же знаешь, мы постоянно твердим детям, что нужно быть осторожнее с незнакомцами. Сегодня я показала им пример.

– Но он вовсе не незнакомец, то есть не совсем. Теперь он наш сосед, и...

– Мало ли кто может снять дом на побережье. Ты об этом подумала?

– Согласна, но... Но если бы этот парень так смотрел на меня, я бы...

– Как именно?

– Так, словно... словно ему хочется облизать тебя с ног до головы.

– Стеф!

Но няня только рассмеялась.

– О чем вы разговаривали на стоянке? Что ему было нужно?

– Он спрашивал... кто здесь вывозит бытовой мусор.

Стеф прищурилась.

– В самом деле? – недоверчиво спросила она.

– Дети спят? – Амелия решила переменить тему.

– Да. Они хотели, чтобы ты рассказала им сказку на ночь, но заснули через пять секунд, после того как легли.

– Спасибо, Стеф. Можешь отдыхать. Я буду у себя – мне нужно немного поработать, кое-что уточнить в документах и проверить электронную почту. – «И заглянуть под коврик возле задней двери», – мысленно добавила она.

– А можно я опять возьму твою машину? За бензин я заплачу.

– Поедешь к своему Дирку?

– Может быть.

– Если хочешь, можешь как-нибудь пригласить его сюда.

Стеф наморщила нос.

– Даже не знаю... Вряд ли он впишется в нашу милую семейную обстановку. Не тот типаж.

– Вот как? А какой же он?

– Он такой... крутой. Весь из себя мужчина – татуировки, мускулы, борода. К тому же он старше меня.

– И намного?

Стеф рассмеялась.

– Я уверена, что тебе он не понравится, так что лучше я не буду его сюда приглашать, ладно? Да и не так уж он мне нравится, если честно... Через неделю я вернусь домой в Канзас, а Дирк превратится в одно из воспоминаний о приятно проведенном лете.

Стеф ушла переодеваться, а Амелия наконец-то вскарабкалась наверх. Заглянув в детскую спальню, она поцеловала детей, присела на краешек кровати и некоторое время смотрела, как они спят. Она часто так делала. Обычно это помогало ей успокоиться, вернуть себе ощущение мира и благополучия, но сегодня все было не так. Сегодня Амелия почему-то подумала о том, какие они на самом деле маленькие, невинные и беззащитные и до какой степени их безопасность зависит от нее. Ей уже не раз приходилось защищать собственных детей – защищать от Джереми, от приступов его дурного настроения, от его пьянства и прочего. Чаще всего ссора начиналась с того, что Джереми начинал ворчать по поводу ее работы в музее, которая неожиданно разонравилась ему после второго срока в Афганистане. Раньше он не имел ничего против ее занятий научной деятельностью. Теперь же ему хотелось, чтобы Амелия сидела дома и встречала его, когда он возвращался с работы. Больше всего Джереми не нравилось, когда по вечерам ей приходилось задерживаться в музее, чтобы провести какое-то плановое мероприятие или встречу. Сидеть дома с детьми он не хотел, а значит, Амелии приходилось придумывать какие-то предлоги, чтобы оправдать перед Джорджем Меткалфом пропущенные рабочие часы.

Но даже те совместные вечера с Джереми, проведенные дома всей семьей, были далеко не идиллическими. Порой ей достаточно было сделать ему самое невинное замечание, чтобы разразился скандал. Да и шумные игры детей тоже на него действовали отрицательно: с каждым днем Джереми становился все более нервным и раздражительным и мог сорваться по малейшему поводу, а часто даже вовсе без повода.

А ведь когда-то Джереми очень гордился своими детьми и искренне их любил. У Амелии сохранилось немало фотографий, на которых он крепко обнимал малышей, причем все трое выглядели счастливыми и довольными. Джереми часто играл с ними, показывал им разные фокусы (например, доставал мелкие монетки у них из ушей и из носов), дарил сладости и подарки. Амелия не возражала – ведь большую часть их маленьких жизней Джереми провел в чужой стране, поэтому его желание баловать собственных детей было вполне понятным и объяснимым.

Однако после того, как Джереми отслужил в Афганистане второй срок, его поведение стало непредсказуемым и странным. Он сделался слишком раздражительным, вспыльчивым, нетерпеливым, чтобы быть для мальчиков нормальным отцом. Любимый папочка, который когда-то позволял детям буквально все, превратился в угрюмого, злобного, раздражительного, почти чужого мужчину, которого оба мальчугана очень быстро научились бояться. Их страх, в свою очередь, еще больше раздражал Джереми, так что Амелия скоро стала бояться оставлять его с детьми. Впоследствии это стало одной из основных причин, вынудивших ее расстаться с мужем. Защитить детей от Джереми было для нее важнее, чем сохранить неудавшийся брак.

Все эти тревожные мысли еще больше расстроили Амелию, и, поцеловав детей еще раз, она отправилась к себе в спальню. Теперь, когда она знала, что за ней наблюдают, Амелия сначала задернула шторы и только потом разделась и легла.

* * *

Коттедж, который снял Доусон, оказался слишком большим для одного человека. Во всяком случае, новый хозяин не производил достаточно звуков, чтобы заполнить все просторные, беспорядочно спланированные комнаты. Поэтому по вечерам, когда снаружи больше не раздавались крики чаек, а шум ветра стихал, Доусон отчетливо слышал скрип каждой рассыхающейся половицы, звонкие удары водяных капель, срывающихся с носика плохо закрученного крана, а также множество непонятных шорохов и стуков.

Доусон обосновался в спальне на втором этаже. Он выбрал эту комнату исключительно по той причине, что из ее окон были хорошо видны и коттедж Амелии, и кусок пляжа перед ним. Сейчас Доусон даже без бинокля видел, как из коттеджа вышла Стеф. Сев в машину хозяйки, она выехала на дорогу и направилась к поселку. Вскоре после этого в спальне на втором этаже вспыхнул свет, и он увидел Амелию. Едва войдя в комнату, она сразу направилась к окнам и решительным движением задернула шторы. Амелия как будто знала, что он на нее смотрит, и хотела показать: вход закрыт, в ее жизни для него нет места.

Через пару минут свет в ее комнате погас.

Облокотившись на подоконник, Доусон продолжал наблюдать за домом Амелии. Теплый и влажный ветер с моря врвался в его комнату сквозь открытое окно, лаская его обнаженный торс, словно мягкие женские губы. Ощущение было настолько похожим, что Доусон негромко застонал и, наклонив голову, уткнулся лбом в согнутую руку. Мысленно он проклинал себя за глупость и нерешительность. Напрасно, думал Доусон, он не поддался своему спонтанному желанию позвонить Хедли и послать его куда подальше вместе с Джереми Вессоном и его родителями, кем бы они ни были. Теперь, пожалуй, было уже поздно. Одного взгляда на Амелию оказалось достаточно, чтобы его уныние и хандра превратились в азарт, а равнодушие сменилось острым любопытством. Теперь ему хотелось узнать о ней все, что только возможно.

Нет, не так. Не все. Подробности ее отношений с бывшим мужем его не интересовали. Каждый раз, когда Доусон представлял Амелию в постели с Вессоном – или с любым другим мужчиной, которые, возможно, были в ее жизни, – ему хотелось что-нибудь разбить или сломать. Правда, Хедли хотел, чтобы Доусон выяснил все подробности именно о жизни Джереми Вессона – разобрал ее, что называется, по косточкам. А самые важные, поворотные годы в жизни Вессона, несомненно, пришлось на период после свадьбы. Следовательно, хочет Доусон того или нет, ему придется выяснить, какую роль сыграла Амелия в истории, которая приключилась с ее мужем.

В последний раз окинув коттедж Амелии внимательным взглядом, Доусон вытянулся на кровати. Он лежал на спине, подложив руки под голову, и смотрел в потолок. Таблетки, которые он принял, по обыкновению запив «кентуккийской амброзией», начинали действовать. В голове приятно шумело. Сонливость накатывала теплой волной. Доусон позволил себе наде-

яться, что хотя бы сегодня он впервые за несколько недель уснет без сновидений. Без кошмаров. «Господи, пожалуйста, пусть так и будет!»

Закрыв глаза, он усилием воли отогнал от себя те страшные картины, которые преследовали его и днем, и особенно ночью, и попытался представить себе лицо Амелии. После того как он увидел вблизи ее глаза, сделать это оказалось намного проще. Теперь Доусон твердо знал, что они у нее – глубокого синего цвета, словно море в погожий солнечный день. Еще он выяснил, что привычка заправлять за ухо выбившийся из прически локон является чисто механической, как ему и показалось с самого начала, и не имеет никакого отношения к ее эмоциональному состоянию. Кроме того, Доусон заметил, что в задумчивости Амелия частенько прикусывает нижнюю губу, которая даже на вид казалась теплой и мягкой.

Все эти размышления неожиданно вызвали у него совершенно естественную физиологическую реакцию.

На протяжении почти целого месяца Доусон отвратительно спал по ночам, а днем оставался напряженным, как сжатая пружина. Ночные кошмары и воспоминания о войне, которые посещали его и днем, основательно расшатали его нервную систему. Возможно, физическое влечение, которое он сейчас испытывал, было лишь проявлением подспудного стремления избавиться от напряжения, получить свою долю утешения и ласки. Для Доусона, как для всякого нормального мужчины-гетеросексуала, источником удовлетворения и наслаждения могло служить женское тело. Он вполне отдавал себе отчет, что таким способом его болезнь не излечишь, но временно справиться с ее симптомами было вполне реально.

Но если ему нужно просто сбросить напряжение, сгодится любая женщина, лишь бы она была не слишком безобразной. У всех женщин одинаково мягкие груди, у всех женщин между ногами одно и то же – так разве нельзя обрести забытье с кем угодно? Женские руки умеют творить волшебство, женские губы способны притупить боль и утешить. Так не все ли равно, с кем он ляжет в постель, чтобы утром попрощаться навсегда?

Раньше Доусон думал именно так. Вся свою взрослую жизнь он твердо верил, что одна женщина ничем не отличается от другой. У него было много беспорядочных половых связей: одни длились несколько месяцев, другие – несколько часов. Однако во всех случаях Доусон получал то, что хотел, а добившись своего, двигался дальше и никогда не оглядывался назад.

Никаких угрызений совести он никогда не испытывал.

Но сейчас все было иначе, хотя Доусон и не знал почему. Может быть, потому, что Амелия Нулан была совершенно не похожа на других женщин? Чувства, которые он испытывал к ней, тоже были другими. Да, он желал ее как женщину, отрицать это было бы глупо, вот только эту жажду было не так-то просто утолить. Каким-то непостижимым образом всего за несколько часов неприступная Амелия стала для него единственной желанной женщиной на свете. Это была настоящая пытка.

Доусону оставалось только надеяться, что Джереми Вессон у себя в аду испытывает еще более сильные мучения.

Глава 7

– Мам, мам, посмотри!

– Смотри скорее!

Когда в кабинет, толкаясь на бегу и едва не падая, ворвались Хантер и Грант, Амелия как раз сочиняла электронное послание Джорджу Меткалфу. Сначала она нахмурилась, увидев, сколько песка принесли на ногах дети. Но потом ее взгляд упал на их раскрасневшиеся, взволнованные мордашки, и Амелия, не сдержавшись, улыбнулась.

– Что стряслось? – спросила она. – На берегу приземлился космический корабль или высадились пираты?

Амелия говорила спокойно, хотя удивляться у нее были все основания. Не больше десяти минут назад она слышала, как Хантер и Грант вышли из дома, направляясь на пляж. Вытащить их из моря всегда было непростой задачей, поэтому скорое возвращение детей поставило ее в тупик.

– Нет, лучше! Гораздо лучше! Идем, ты должна сама увидеть! – С этими словами Хантер схватил ее за руку и потянул, пытаясь вытащить из кресла.

– Ну ладно, ладно, сейчас, – сдалась Амелия. – А где Стеф?

– Она там, на берегу. Ну, идем же!..

– О'кей, ступайте, я спущусь через минуту, обещаю. Вот только допишу одно предложение, и...

– Нет, мама, ты должна пойти *сейчас же!* – воскликнул Грант, приплясывая от нетерпения.

– Ну, раз дело такое важное, моя электронная почта может и подождать, – рассмеялась Амелия, протягивая детям обе руки. Хантер и Грант ухватились за них и потащили ее из комнаты. Спустившись по лестнице, все трое вышли на крыльцо. Оттуда уже можно было рассмотреть, что происходит на пляже, и... смех замер у Амелии на губах. Сквозь просвет между дюнами она увидела, что Стеф – стройная, подтянутая, загорелая – как ни в чем не бывало болтает с «совершенно роскошным» Доусоном Скоттом. Сегодня Доусон был в плавках и надетой задом наперед бейсбольной кепке, не дававшей его длинным волосам падать на лицо. Вот он что-то сказал, и Стеф громко расхохоталась, откинув назад голову.

– Скорее, мам!..

Хантер сильнее потянул ее за руку, и Амелия стала спускаться с крыльца. На дорожке дети, однако, сразу отпустили ее руки и со всех ног бросились вперед – только пятки засверкали. В буквальном смысле, поскольку оба были босиком, а Амелия так растерялась, что совершенно позабыла предупредить сыновей о необходимости быть осторожнее, чтобы не насажать заноз.

Только миновав полосу дюн, она увидела, что же привело детей в такой восторг. На берегу красовался огромный дракон, искусно вылепленный из мокрого песка. У него были и клыки, и когти, и чешуя, и мощное тело не менее двенадцати футов длиной¹⁷. Гадать, кто же изваял из песка этого внушительного ящера, было не нужно: Хантер и Грант уже приплясывали вокруг автора, словно дикари вокруг тотемного столба.

Амелия мысленно выругалась. Доусон ухитрился поставить ее в безвыходное положение. Ей не хватит духа испортить настроение детям, и он это предвидел. Амелии оставалось только одно: изобразив на лице широкую улыбку, она всплеснула руками и воскликнула:

– Боже мой, какая красота!

¹⁷ Приблизительно 3 м 66 см.

Хантера и Гранта ей провести удалось. Оба просияли и запрыгали по песку с удвоенной энергией.

– Правда он здоровский? Да, мама?

– Да уж, роскошный, – подтвердила Амелия. – У меня просто нет слов, – добавила она, поворачиваясь к Доусону, который успел надеть круглые солнечные очки-«консервы», так что она не могла видеть его глаз. Амелия подозревала, что, спрятавшись за темными стеклами, он внимательно за ней наблюдает, оценивая ее реакцию.

– Это дядя Доусон слепил, – сообщил Грант.

– Не может быть!

– Да, да! И еще он сказал, что может сделать для нас много других вещей. Дядя Доусон обещал построить нам настоящий военный корабль.

– И замок для дракона, – добавил Грант.

– Ух ты! Потрясающе, – сказала Амелия, с трудом удерживаясь, чтобы не заскрипеть зубами от бессилия и злости.

Стеф, которая в свою очередь внимательно следила за Амелией, хлопнула в ладоши.

– Но прежде чем приступать к строительству, – объявила она, – кое-кому нужно смазать носы и спины солнцезащитным кремом.

Дети разразились протестующими воплями, но она уже обняла обоих за плечи и подтолкнула к дощатой дорожке.

– Ну-ка, бегом! Чем скорее мы закончим, тем скорее вы сможете вернуться.

Хантер послушно шагнул вперед, но вдруг остановился и обернулся.

– Ты куда не уйдешь? – спросил он Доусона.

Прежде чем ответить, журналист бросил быстрый взгляд на Амелию, но она молчала, и он широко улыбнулся:

– Я буду ждать вас здесь.

– Только ты не уходи, ладно?! – крикнул Грант, и Стеф повела мальчиков в дом.

Дождавшись, пока все трое минуют полосу дюн, Амелия повернулась к Доусону и сказала негромко:

– Ну? Что все это значит?

– Ничего. – Он слегка пожал плечами. – Я просто хотел устроить твоим детям сюрприз. Вообще-то я рассчитывал закончить до того, как они придут на пляж. Но у меня никак не получались клыки, и... В общем, они застали меня, когда я, так сказать, накладывал последние штрихи.

– А ведь я тебя по-хорошему просила держаться от нас подальше.

Доусон с напускным смирением опустил глаза.

– Вообще-то пляж общий.

– Да, но ты почему-то выбрал для своего... для своего дракона именно это место! Чем оно тебе так приглянулось? Впрочем, можешь не отвечать. Я вижу тебя насквозь!

Он покачал головой.

– Я не собираюсь брать интервью у твоих детей, Амелия, – сказал он.

Доусон впервые назвал ее по имени, да еще произнес его таким дружеским и доверительным тоном, что она невольно затрепетала. Ей хотелось что-то ответить, но возразить было нечего, и Амелия отвернулась, боясь, как бы он не заметил ее состояния.

– И вообще, – продолжал Доусон, – мне кажется, не случится ничего страшного, если я время от времени буду играть с мальчиками. По-моему, они славные...

Амелия резким движением убрала за ухо прядь волос, которая выбилась из-под шляпы и все время лезла ей в рот.

– Откуда мне знать, случится что-то страшное или нет?! – с негодованием воскликнула она. – Во-первых, я ничего о тебе не знаю...

– Неправда, – спокойно возразил он.

– Ну да, я видела твоё журналистское удостоверение и водительские права. Мне известно, как тебя зовут, но... Там ведь не написано, что ты за человек!

– Я...

Она остановила его взмахом руки:

– Во-вторых, Грант, конечно, ещё мал, и почти ничего не помнит, а вот Хантер – совсем другое дело. Он помнит и своего деда, и...

– ...И отца.

– Вот именно!

– Тем более мужское общество может пойти обоим на пользу. Тебе не кажется?

– Кажется. Только не всякий мужчина для этого годится. Я тебя не знаю, Доусон!.. Меньше всего мне бы хотелось, чтобы мои сыновья привязались к совершенно постороннему человеку, который сегодня здесь, а завтра исчезнет. И тем более мне не хочется, чтобы дети общались с человеком, который решил притвориться их старшим товарищем только затем, чтобы втереться в доверие к их матери, а потом накатать сенсационный материал для своего журнальчика.

– Я вовсе не собирался...

– Можешь не стараться, я все равно не поверю ни одному твоему слову. Ты – лжец!

Доусон сердитым жестом сорвал свои темные очки.

– Я – лжец? С чего ты взяла?

– Эй, Доусон!.. Мы здесь! – послышались звонкие голоса, и на дорожке показались Хантер и Грант, которые мчались к ним, размахивая своими совочками и ведерками.

– Ну, давай скорее строить корабль! – радостно воскликнул Хантер, который первым достиг пляжа. – А где?

– Нет, сначала замок! – крикнул Грант, не успев даже толком отдышаться.

Доусон, все еще довольно сердито глядя на Амелию, слегка изогнул бровь в знак того, что просит ее разрешения.

– Ты не оставил мне выбора, – сказала она, и Доусон, повернувшись к мальчикам, велел им набрать в ведерки сырого песка. Когда оба наперегонки бросились к линии прибоя, он снова надел свои очки и повернулся к Амелии.

– Мы еще продолжим этот разговор, – сказал он сдержанно.

– Ты чертовски прав! – вспыхнула Амелия. – Только боюсь – результат тебе вряд ли понравится.

* * *

Вернувшись к себе в кабинет, Амелия первым делом закончила и отправила мейл, который она писала Джорджу. С этим, впрочем, можно было не торопиться: она знала, что директор музея вряд ли прочтет ее послание раньше вторника. Но ей просто необходимо было чем-то занять себя, чтобы успокоить нервы после стычки с Доусоном. К письму Амелия прикрепила план новой экспозиции, которую уже давно хотела организовать. Она, впрочем, не сомневалась, что ее идея вряд ли понравится Меткалфу. Похоже, чтобы добиться его согласия, а также официального разрешения совета попечителей, ей придется придумать какой-то ловкий дипломатический ход, а если это не поможет, прибегнуть к тактике выкручивания рук. Амелия, однако, готова была пойти даже на это, так как не сомневалась: новая тематическая экспозиция только украсит музей, сделает его еще интереснее и востребованнее. Она уже примерно представляла, как надо будет все организовать и оформить, и поспешила записать свои идеи хотя бы вчерне, чтобы ничего не позабыть.

Увы, работа, в которую она погрузилась сразу после того, как вернулась с пляжа, ей почти не помогла: Амелию буквально трясло от злости и негодования. Чертов Доусон!.. Нет, она просто обязана сделать что-то, чтобы оградить от его навязчивого внимания себя и свою семью. Амелия не сомневалась, что способ есть, нужно только его найти.

Просидев за компьютером около часа, она решила, что вернула самообладание и может вернуться на пляж, чтобы самой проследить за тем, как Доусон пытается завоевать доверие ее детей. Купальник, впрочем, она решила не надевать – вместо этого она остановила свой выбор на красном топике и свободных полотняных брюках. Взяв со стула панаму, Амелия спустилась вниз.

Едва миновав полосу дюн, она поняла, что недооценила Доусона и его скульптурные таланты. Боевой корабль был готов; он выглядел совершенно потрясающе, и Стеф, в соответствии со старой морской традицией, как раз собиралась разбить о его борт (понарошку, естественно) бутылку яблочного сока. Хантер первым заметил мать и радостно завопил:

– Мама, мама, смотри! Это линкор! Мы назвали его в твою честь! – И он с гордостью показал на выведенные на носу кривые буквы: «Амелия».

– Ты это сам написал? – спросила она, и сын кивнул.

– Молодчина! – Амелия провела рукой по его непослушным, спутанным волосам, которые стали еще жестче от морской соли и застрявшего в них песка. – Спасибо, мне очень приятно. И корабль отличный!

– Это все Доусон. Он его сделал, хотя мы тоже помогали. А еще он придумал назвать линкор как тебя.

– Вот как?.. – Амелия подняла взгляд. Доусон стоял, повернувшись спиной к солнцу, и она не могла рассмотреть выражение его лица. – С его стороны это было очень... мило.

– А можно мы пойдем купаться?

– Ты же видишь, я без купальника. Пусть Стеф с вами сходит, а?

– Я готова! – тотчас отозвалась няня, и все трое бегом бросились к морю. Грант на этот раз опередил всех. Подняв тучу брызг, он галопом промчался по мелководью, потом вдруг остановился.

– Доусон, ты идешь? – крикнул он.

– Сейчас-сейчас! – отозвался тот. – Дай мне еще пару минут...

– Если тебе хочется в туалет, можешь пописать в море, когда будешь купаться – это ведь не то, что в ванну или в бассейн!

Доусон усмехнулся:

– Спасибо за совет. Я это учту.

Тем временем Амелия отошла к зонту и опустилась в один из шезлонгов. Она видела, как Доусон вытащил из пасти дракона свою футболку и, стряхнув песок, натянул на себя. Это была выгоревшая, ветхая футболка с растянутым воротом и отрезанными (или оторванными) рукавами, так что проймы спускались вдоль боков чуть не до пояса. Тонкая ткань сразу же прилипла к его мокрой груди, обрисовывая выпуклые грудные мышцы и рельефный пресс, но Амелия не могла не признать, что приличия были соблюдены. Ступни и колени Доусона были в песке, и, направляясь к ней, он небрежно его стряхнул.

Добравшись до зонтика, Доусон посмотрел сначала на второй шезлонг, потом – на расстеленную рядом циновку, но решил, видимо, не искушать судьбу и уселся на горячий песок сразу за границей отбрасываемой зонтиком тени.

– Сегодня утром, пока все спали, я поискала твою фамилию в «Гугле», – начала Амелия без всяких предисловий.

– Ну и?.. – поинтересовался он, глядя в океан.

– Мне понадобилось довольно много времени, чтобы прочитать все... или, по крайней мере, большую часть. Должна сказать – пишешь ты неплохо. Очень даже неплохо.

– Спасибо.

– Почему ты не сказал, что провел несколько месяцев в Афганистане?

– Ты не спрашивала.

До этого момента Амелия делала вид, будто наблюдает за Стеф и детьми: те брызгались, визжали и пытались кататься по волнам верхом на надувном дельфине. Сейчас же она повернула голову и, не скрываясь, взглянула на него в упор.

– Ну да... Ведь задавать вопросы – это твоя профессия.

Он подтянул колени к груди и обхватил их руками.

– Ты можешь спрашивать у меня о чем угодно.

Его присутствие по-прежнему раздражало Амелию, но любопытство пересилило.

– В некоторых статьях ты пишешь о боях, перестрелках... Скажи, ты сам побывал под огнем или...

– Несколько раз. Если стычка была достаточно серьезной, военные просто не подпускали меня близко. В этом случае я брал интервью у солдат, которые побывали в самом пекле, но так бывало не всегда. – Он нахмурился. – Дело в том, что эта война – особенная. И очень часто бывает просто невозможно предсказать, где подстерегает опасность. Стрельба может начаться в вестибюле отеля, на шоссе, на рынке, на охраняемом блокпосту – где угодно. Да и кто враг, тоже бывает не всегда ясно.

– Но ты, как я понимаю, сам стремился туда, где опаснее всего?

– Что поделаться, ведь первосортный материал чаще всего можно собрать именно там, где опасность.

Амелия подумала, что будет справедливо еще раз похвалить его статьи.

– То, что ты написал об Афганистане, действительно важно: задевает за живое, волнует. А мужчины и женщины, описанные в твоих репортажах, – они просто как живые! Сразу видно, это реальные, а не выдуманные люди.

– Мне очень приятно это слышать. – Он немного помолчал и добавил: – Да, они – самые обыкновенные люди, и их истории заслуживают того, чтобы рассказать их всему миру.

Теперь уже Амелия замолчала, внимательно разглядывая его. Доусон снял солнечные очки и прищурился, спасая глаза от яркого света, но она не сомневалась, что он по-прежнему на нее смотрит.

– Ты встречал Джереми там, в Афганистане?

Ее вопрос удивил Доусона.

– Нет. Конечно, нет! Ведь я вернулся оттуда чуть больше двух недель назад. Я о нем даже никогда не слышал, пока... пока мне не порекомендовали заняться процессом над Уиллардом Стронгом.

– Кто порекомендовал?

– Я не раскрываю свои источники.

– Ах, как это удобно!

– Спроси лучше о чем-нибудь другом.

Амелия принялась перебирать пальцами бахрому на пляжном полотенце, которым был застелен ее шезлонг.

– Почему ты выслеживал меня? Почему не обратился ко мне прямо, без всех этих... фокусов?

– А как бы я тебя нашел?

– Ты мог обратиться в музей, к Лемюэлю Джексону, к этой своей Гленде, наконец... В наши дни всегда можно найти если не самого человека, то его электронный адрес, и...

Он чуть заметно улыбнулся, но поспешил спрятать улыбку.

– Разве ты согласилась бы дать мне интервью, если бы я прислал письмо на твой мейл?

– Ты сам знаешь ответ. А теперь потрудись ответить на мой вопрос.

– Почему я не пришел к тебе честно и открыто и не попросил рассказать обо всем, что тебе известно? – Доусон, казалось, снова задумался, потом сказал: – Честно говоря, я вовсе не был уверен, что мне захочется писать статью о Джереми. Больше того, я до сих пор в этом не уверен. Меня настоятельно просили приехать в Саванну, присутствовать на процессе, проверить, все ли здесь сходится. Но уже через пару дней мне стало так скучно, что я готов был все бросить и вернуться домой, чтобы найти другую, более интересную тему. И все-таки интуиция мне что-то подсказывает, я все-таки решил остаться и убедиться: никаких загадок тут нет, все идет по плану. – Он пожал плечами. – Ну, остальное ты знаешь.

– Ну и как, убедился?..

Доусон слегка покраснел, хотя, возможно, Амелии это просто показалось.

– Уверяю тебя: когда ты застала меня... чуть не в буквальном смысле со спущенными штанами, я пережил, наверное, один из самых неприятных моментов в моей жизни. Я вовсе не горжусь тем, что шпионил за тобой. Я совершил ошибку и теперь раскаиваюсь. Веришь?

Улыбка у него была довольно симпатичная, но Амелия постаралась не поддаться его чарам.

– Я вижу, у тебя язык подвешен как надо – как и положено знаменитому журналисту. У тебя на все готов ответ, не так ли?

– Не всегда.

– Что ж, как видно, мне не повезло. До сих пор все твои ответы были быстрыми, остроумными и, я бы даже сказала, самоуничижительными. Но ты, наверное, разоткровенничался специально, чтобы меня обезоружить. Я угадала?

Выражение его лица снова сделалось серьезным.

– Ничего подобного, Амелия! Во всяком случае, я не обдумывал свои слова, чтобы тебя «обезоружить», как ты выразилась. Тем более что мне это, похоже, не удалось. – Он покачал головой. – Напротив, я вижу, что ты ошетибилась пушками и ракетами и готова к обороне. Скажи... ты очень сердилась на меня за то, что я играл с Хантером и Грантом?

В который уже раз Доусон резко сменил тему, но на сей раз ему не удалось заставить Амелию врасплох.

– Я все-таки не совсем понимаю, – проговорила она медленно, – зачем взрослому мужчине тратить время на такие пустяки.

– Для меня это серьезно.

– Тем более. Похоже, ты проговорился, Доусон. Раз возня с чужими детьми для тебя не пустяки и не пустая трата времени, значит, у тебя есть какой-то мотив. – Она насмешливо пожала плечами. – Боюсь даже предположить, что это может быть за причина!

– Уж не думаешь ли ты, что я увлекаюсь маленькими мальчиками?

Она промолчала.

– Твоих фотографий, согласишься, я все-таки сделал больше.

Амелия припомнила один из снимков – тот, что лежал сверху, на котором она была в купальнике на фоне солнца, – и почувствовала, как по ее щекам разлился румянец.

– Ты считаешь, это должно меня успокоить?

– Как минимум это должно убедить тебя в том, что я не извращенец.

– Ну, не знаю... может быть. Но это не отменяет того факта, что ты – настоящий пройдоха и скользкий тип.

Доусон опустил голову и уставился на свои испачканные в песке ноги. А может, он смотрел на кончики ее пальцев, которые упирались в песок в паре дюймов от его ног. Как бы там ни было, заговорил он далеко не сразу.

– Ты меня совсем не знаешь, поэтому я не могу винить тебя за то, что ты... подозреваешь меня во всех смертных грехах. Больше того, мне даже нравится, что ты так осторожна и вни-

матерна к тем, кто пытается приблизиться к твоим детям, но... Я никогда не причиню вреда твоим мальчикам. Да и тебе тоже. Честное слово, в *этом* отношении ты можешь мне доверять!

Его слова прозвучали настолько убедительно и искренне, что Амелия была почти готова ему поверить... Но только *почти*. Ей пришлось напомнить себе, что она ни в коем случае не должна терять бдительности – ведь, как он сам сказал меньше минуты назад, она его совершенно не знала.

– Как я могу тебе доверять, когда ты лжешь мне даже в мелочах?

– В каких, например?

– Ты солгал насчет фотографий. Что за игру ты затеял, Доусон Скотт?

– Игру?

– Другого слова я просто не подберу. Все, что ты до сих пор предпринял, чтобы воздействовать на меня... От твоих поступков веет самой настоящей жутью. Подбросил мне потерянные часы, сменил лампу над крыльцом, заклеил мячик...

– Какой мячик?

– Детский пляжный мяч. Можешь не отпираться, я знаю, что это тоже твоих рук дело! А еще – фотографии... Сначала ты извиняешься за то, что сделал их, обещаешь вернуть, а потом не возвращаешь. Как это называется, а?..

– Я что-то не понимаю... Особенно насчет фотографий...

– А тут и понимать нечего! – воскликнула Амелия, начиная терять терпение. – Когда вчера вечером я вернулась домой, под половиком ничего не было, никаких фотографий! Впрочем, тебе это известно гораздо лучше, чем мне.

Реакция Доусона была довольно странной. Он замер и в течение нескольких долгих секунд сидел совершенно неподвижно. Потом Доусон сказал негромким, но очень убедительным тоном:

– Клянусь чем хочешь, я скрепил их канцелярской скрепкой и положил под коврик на твоём парадном крыльце.

ДНЕВНИК ФЛОРЫ ШТИММЕЛЬ

5 июня 1980 г.

Мне потребовалось несколько недель, чтобы снова взяться за дневник и записать, что случилось. До сегодняшнего дня я просто не могла ни думать, ни писать об этом. Я вообще ничего не могла, а только плакала и плакала и никак не могла остановиться.

Если я не плачу, то просто сижу, и смотрю перед собой, и ничего не делаю. Я не могу даже пошевелиться. Мне все равно, как я выгляжу. Я не замечаю голода и усталости, не чувствую, что от меня пахнет, потому что я давно не мылась. Даже если вдруг наступит конец света, я с места не сдвинусь. Напротив, мне бы хотелось, чтобы он настал и все наконец закончилось.

Зато теперь я хорошо понимаю, что это значит, когда о человеке говорят – «он ушел в себя».

Я знала, что этот день придет, знала давно. У меня было несколько лет, чтобы подготовиться, но к такому все равно нельзя подготовиться. И вот, страшное случилось. Мой кошмар сбылся.

В последнее время даже Карл был какой-то смурной. Он словно сомневался в своем решении, но я знала, что он не передумает. Я не пыталась его переубедить, потому что была уверена – все бесполезно.

Он, конечно, переживет это легче, чем я. Ему проще расстаться с Джереми, а меня одна мысль об этом просто убивает. Когда-то я просила его, пусть Джереми останется с нами,

но Карл каждый раз начинал злиться, и в конце концов я перестала об этом заговаривать. Все равно ничего не добьюсь, а если все время об этом говорить, нам всем будет только еще хуже.

Головой я понимаю, что мы должны расстаться с Джереми. Да, в этом есть смысл. Для мальчика так будет только лучше. Если бы я этого не понимала, я ни за что не уступила бы Карлу – сражалась бы с ним до последнего, и тогда ему, скорее всего, пришлось бы меня убить. Но я понимаю... Джереми должен ходить в школу, учиться, дружить с другими мальчиками и заниматься всем тем же, что и все обычные дети, – играть в футбол или бейсбол, ходить с девочками в кино или на танцы. И все равно, когда мне пришлось с ним расстаться, я думала, что умру. Просто умру – и все. Ни одна мать не должна испытывать ничего подобного.

Я ничего не имею против Рэнди, которому теперь предстоит играть роль отца Джереми. Думаю, Рэнди привязался к Джереми еще тогда, в Миссисипи, когда мой мальчик простудился и ужасно кашлял, а он привез ему лекарство. Честно говоря, тогда он нам здорово помог. Кроме того, Рэнди – добрый и по-прежнему буквально боготворит Карла. Он разделяет его идеи, но ему не хватает смелости («Кишка у меня тонка», – как он сам говорит), чтобы делать все, что необходимо для нашего Дела.

Когда Карл попросил его взять на воспитание нашего сына, я думала – Рэнди грохнетя в обморок. Но он сказал, что для него это огромная честь, и даже прослезился. А еще он сказал, что чувствует себя так, словно его только что «посветили в рыцари». Я думала – Карл будет смеяться, но он ничего такого не сделал. Напротив, он объяснил Рэнди, что у него своя особая роль и что он – такой же «рейнджер истины», как те парни, которые сражаются с оружием в руках. Просто его место не на передовой, вот и все.

Да, еще одно... С тех пор, когда мы жили у него в Миссисипи, Рэнди успел жениться. Триша – одна из наших: как и все мы, она ненавидит полицию и правительство. История ее жизни достаточно трагична (хотя ничего такого уж необычного в ней нет). Когда Триша была подростком, ее изнасиловал отчим, а когда мать попыталась за нее заступиться, он ее убил (в смысле – мать). За это его отправили в тюрьму, а Тришу отдали на воспитание в чужую семью. Думаю, там ей тоже пришлось несладко. Она, правда, почти ничего не рассказывает о тех годах, однако каждый раз, когда кто-то начинает рассказывать о своем детстве и юности, у нее бывает очень злое лицо. Прямо-таки свирепое, хотя в остальное время она довольно миленькая.

Уж не знаю, что именно с ней случилось в новой семье, но уже в пятнадцать лет Триша убежала из дома и с тех пор вела самостоятельную жизнь. О том, чем ей приходилось заниматься, чтобы выжить, она тоже не распространяется. Но я, в общем-то, ничего против нее не имею. Я и сама не лучше, если честно. А может быть, и хуже. Главное, что эта совсем еще юная, хрупкая, как птичка, девочка умеет за себя постоять, и я надеюсь, Джереми она тоже в обиду не даст.

Карл, разумеется, достал для них фальшивые документы. У него везде есть верные люди. Он сказал – бумажки обошлись чертовски дорого, но это ерунда. Главное, все эти удостоверения и справки будут работать не хуже настоящих. Собственно говоря, они и есть настоящие, только выписаны на людей, которых никогда не существовало. Теперь Рэнди, Триша и Джереми будут Вессонами (эту фамилию Карл нашел в телефонной книге), а жить они будут в Огайо. Рэнди уже снял там подходящий дом и купил кое-что из вещей.

Триша, кстати, довольно умная девчонка. Когда мы узнали, что она хочет стать судебным репортером и даже ходит на специальные курсы, мы чуть животики не надорвали от смеха. Подумать только, она будет сидеть в суде и прилежно записывать все, что говорят легавые, адвокаты и судьи. Хотя и сама Триша, и Рэнди, и мы тоже чуть не каждый день нарушаем все существующие законы. Ну или почти все...

Но потом Карл сказал, что такая работа будет хорошим прикрытием. И мы успокоились. У Рэнди, кстати, с работой тоже все в порядке. Он всегда был талантливым коммерсантом – я даже думаю, что ему не составило бы труда продать эскимосам несколько тонн снега. Рэнди умеет убеждать, к тому же он делает это спокойно, не вопит и не брызжет слюной, как поступают порой неопытные коммивояжеры. Недавно он устроился в магазин и, похоже, нашел себя. Начальство его ценит, коллеги уважают. Никто из них, конечно, ни за что не поверил бы, если бы им сказали, что Рэнди воспитывает сына знаменитых на всю страну Карла Уингерта и Флоры Штиммель – тех самых анархистов-террористов, которых ФБР и правительство безуспешно разыскивают уже столько лет.

Еще Карл велел Рэнди и Трише ходить в церковь как будто они верующие. Рэнди-то не возражал, но Триша сказала – она не желает иметь никаких дел с богом, который способен заставить ни в чем не повинного ребенка пройти через то, через что довелось пройти ей. В конце концов, она, конечно, согласилась притворяться верующей, потому что Карл сказал: это нужно для того, чтобы ничем не выделяться, чтобы выглядеть как все люди. А для них это теперь самое важное!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.